

Учредители:

Институт географии РАН
Географический факультет
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
Институт географии Санкт-Петербургского
государственного университета
Смоленский гуманитарный университет

Издатель:

Смоленский гуманитарный университет

**Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати РФ**

Рег. св. № ПИ № 77-7284 от 19.02.01

**Журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК****Главный редактор:**

д.г.н., проф. Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:

д.г.н. [Артоболевский С.С.] (Москва)

к.г.н., доц. Шувалов В.Е. (Москва)

д.г.н., проф. Чистобаев А.И. (С.-Петербург)

Редакционный совет:

д.г.н., проф. Алексеев А.И. (Москва); акад. РАН,
д.г.н., проф. Бакланов П.Я. (Владивосток); д.э.н.,
проф. Вишневецкий А.Г. (Москва); д.г.н., проф. Глад-
кий А.В. (Украина); д.г.н., проф. Зубаревич Н.В. (Мо-
сква); проф. Кришьяне З. (Латвия); акад. РАН, д.г.н.,
проф. Касимов Н.С. (Москва); д.г.н., проф. Колосов
В.А. (Москва); член-корр. РАН, д.э.н., проф. Кузне-
цов А.В. (Москва); д.г.н., проф. Лаппо Г.М. (Москва);
проф. Лентц С. (Германия); д.г.н., проф. Мироненко
Н.С. (Москва); д.г.н., проф. Шарыгин М.Д. (Пермь)

Редакционная коллегия:

к.г.н. Агирречу А.А. (Москва); д.г.н., проф. Бабури-
н В.Л. (Москва); д.г.н., проф. Белозеров В.С. (Став-
рополь); д.э.н., проф. Вардомский Л.Б. (Москва);
к.г.н., доц. Ковалев Ю.П. (Смоленск); д.э.н., проф.
Кузнецова О.В. (Москва); д.г.н., проф. Мажар Л.Ю.
(Смоленск); д.г.н., проф. Потоцкая Т.И. (Смоленск);
д.г.н., проф. Родионова И.А. (Москва); д.г.н., проф.
Смирнягин Л.В. (Москва); д.г.н. Тархов С.А. (Мо-
сква); д.г.н., проф. Ткаченко А.А. (Тверь); д.э.н.,
проф. Фатеев В.С. (Беларусь); д.г.н., проф. Федоров
Г.М. (Калининград)

Ученый секретарь:

к.г.н., доц. Ковалев Ю.П.

Адрес редакции:

214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Смоленский гуманитарный университет
Тел.: (4812) 68-36-88
e-mail: region@shu.ru

Подписано в печать 20.03.2014
Формат 70x108¹/₁₆, Гарнитура «Times»
Тираж 300 экз.

№ 1 (43), 2014**Отпечатано:**

ООО «Универсум»
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Тел.: (4812) 64-70-49 Факс: (4812) 64-70-49
e-mail: uni@shu.ru

ISSN 1994-5280

9 771994 528672 >

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал
Основан в феврале 2001 года
Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
THEORY OF REGIONAL STUDIES

Докучаев Д.С. Онтология регионализма 4 Dokuchaev D.S. Ontology of the regionalism	4
Войнов Д.А. Роль политического фактора в международном разделении труда: радикально-географический подход 12 Voynov D.A. Role of the political factor in the international division of labor: the radical geography approach	12
Имангалин А.Ф. Факторы и типы кластеризации объектов уличной торговли в большом городе 21 Imangalin A.F. Factors and types of clustering objects street retail in the city	21
Королёв А.А., Яблоков В.М. Модель транспортной освоенности территории на основе теории фракталов 29 Korolev A.A., Yablokov V.M. The model of estimation of transport development of a territory based on the fractal theory	29

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ
SOCIAL AND ECONOMIC ISSUES
OF THE REGIONAL DEVELOPMENT IN RUSSIA

Иванова Н.В. Механизмы сетевого реосвоения агроэкономического пространства в регионах России 35 Ivanova N.V. Network reosvoeniya's mechanisms of agro-economic space in regions of Russia	35
Корниенко О.С. Сравнительная оценка потенциалов регионов Дальнего Востока 42 Kornienko O.S. The comparative estimate of the potential of the Far Eastern regions	42
Куричева Е.К. Территориальная трансформация новой Москвы под воздействием жилищного строительства 50 Kuricheva E.K. Spatial transformation of new Moscow under the influence of the housing construction	50
Петрова Е.Г. Природно-техногенный риск как проблема регионального развития 62 Petrova E.G. Natural-technological risk as a problem of regional development	62
Сомов Э.В. Математико-картографическое моделирование доступности центра города на общественном транспорте при оценке транспортной обеспеченности населения г. Москвы 68 Somov E.V. Mathematics and cartographic modeling accessibility city center by public transport when assessing transport security of the population of Moscow	68

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
REGIONAL PROBLEMS ARE IN THE MODERN WORLD

Карякин В.В. Природные ресурсы Арктики – источник конфликтогенности и вызовов региональной стабильности 75 Karyakin V.V. Arctic natural resources as a source of conflicts and challenges to regional stability	75
Подольская Я.М. География офшорных юрисдикций Британских островов: коронные земли до и после финансового кризиса 83 Podolskaya Ya.M. Geography of offshore jurisdictions of British Islands: crown dependencies before and after the financial crisis	83
Потоцкая Т.И. Геополитические интересы России на постсоветском пространстве: южная граница 87 Pototckaya T.I. Geopolitical interests of Russia in the post-Soviet space: southern border	87

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ REGIONAL RESEARCHES OF POPULATION

- Клоков К.Б., Хрущев С.А.** Теоретическое обоснование этноэкологической экспертизы для оценки воздействия индустриального освоения на традиционное природопользование коренного населения Севера 98
Klokov K.B., Khrushchev S.A. Theoretical foundation of ethno-ecological examination to assess the impact of industrial development on the Northern indigenous population's traditional nature-use
- Пьянкова А.И.** Методические проблемы сопоставимости данных переписей населения 2002 и 2010 годов (на примере Московской области) 109
Pyanikova A.I. Problems of comparability of census data for 2002 and 2010 (the case of Moscow region)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT BORDER-LINE REGIONS

- Суржиков В.И.** Экономико-географическое положение муниципальных образований как фактор развития их внешнеэкономической деятельности (на примере Приморского края) 122
Surzhikov V.I. Economic-geographical situation of municipal establishments as a factor developing foreign economic activity (by example of Primorsky region)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА REGIONAL PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF TOURISM

- Королев А.Ю.** Полюсы недоступности Пермского края 130
Korolev A.Y. Inaccessibility poles of the Perm region
- Нездойминов С.Г.** Экологизация туризма как фактор устойчивого развития туристских регионов 133
Nezdoyminov S.G. Ecologization tourism as a factor of sustainable development of tourist regions

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ HISTORY-GEOGRAPHY RESEARCHES REGIONAL DEVELOPMENT

- Голичев В.Д., Голичева Н.Д.** Социально-экономические последствия первой мировой войны в Смоленской губернии: демографический аспект 140
Golichev V.D., Golicheva N.D. Socio-economic impact of the first world war in Smolensk province: demographic aspects

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

- Агирречу А.А.** Структура и динамика защит диссертаций по социально-экономической географии в России в 2000-е годы 145
Aguirrechu A.A. Structure and dynamics of PhD-theses on social and economic geography in Russia in the 2000th years

ПОТЕРИ НАУКИ

- Памяти Сергея Сергеевича Артоболевского (1953–2014) 154

- Сведения об авторах 156

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Докучаев Д.С. (Иваново)

ОНТОЛОГИЯ РЕГИОНАЛИЗМА

Dokuchaev D.S.
ONTOLOGY OF THE REGIONALISM

Аннотация. Автором предпринимается попытка социально-философской рефлексии над природой феномена регионализма в современном обществе. Регионализм рассматривается как система отношений человека к ойкумене, предполагающая выделение частей в пространстве–времени (физическом, социальном, культурном, политическом и т.д.) и осознание принадлежности к какой-либо части.

Abstract. The author attempts to social-philosophical reflection on the nature of the phenomenon of regionalism in contemporary life. Regionalism is considered as a system of human relations to ecumene, involves the allocation of parts in space-time (physical, social, cultural, political, etc.) and awareness of belonging to any part of this.

Ключевые слова: регион, регионализм, системный подход, мировоззрение, часть и целое.
Key words: region, regionalism, system approach, world outlook, part and the whole.

Введение. В последние годы в научном дискурсе (преимущественно социо-гуманитарном) получила распространение региональная проблематика. Все чаще географы, культурологи, экономисты, социологи, фокусируют предмет своих исследований на локальном уровне бытия. Присоединяются к дискуссии и философы. И дело не только в том, что национальная проблематика отходит на второй план, – нет, она все еще популярна и актуальна. Изменились приоритеты.

Локус, как место жизнедеятельности человека и сообщества, приобретает особую ценность в связи с процессами глобализации. Зависимость от среды и места обитания современного Homo sapiens становится существеннее, чем когда бы то ни было. Наступает эпоха постиндустриального развития, а это подразумевает под собой коренной сдвиг не только в сфере экономических отношений, но, прежде всего, изменение форм социального бытия, отношения к пространству и времени, переосмысление места человека в микро-, макро- и мега- мире.

Цель настоящей статьи заключается в попытке осмысления регионализма как формы отношения человека к ойкумене, предполагающее выделение частей в пространстве–

времени (физическом, социальном, культурном, политическом и т.д.) и осознание принадлежности к какой-либо части.

Совершенно очевидно, что взгляд социального философа на проблему региона и регионализма будет отличаться от принятых в социальной и культурной географии традиций. Поэтому в начале статьи хотелось бы обозначить некоторые теоретико-методологические установки, которые в дальнейшем помогут понять концепцию автора настоящей статьи. Далее речь пойдет о таких ключевых понятиях как регион, части региона: провинция, центр, периферия и граница и собственно о понятии регионализм.

В отличие от географов, которые оперируют различными понятиями в дифференциации пространства – территории: район, регион, кластер, ТПК и т. д., философы отчетливо выделяют только три уровня пространственного бытия человека и сообщества: локальное, региональное и глобальное. Возможно, здесь сказывается тяга к выявлению всеобщего, особенного и единичного во всех явлениях. «Всеобщее» в разной степени может проявляться на каждом из этих уровней. Однако в локальности чаще проявляет себя «единичное», в региональности «особенное», а в глобальности «всеобщее». Тем

не менее, выделение этих уровней бытия является скорее ментальным актом, своеобразной мыслительной конструкцией, а, значит, на первое место выходит понятие «субъективности» в восприятии пространства.

Регион как субъективная реальность. Прежде чем перейти к разговору о регионе как о субъективной реальности необходимо прояснить, что же мы понимаем под регионом и почему речь идет именно о субъектном пространстве.

Понятию «регион», безусловно, присуще свойство многозначности. полисемии. Содержание его отражает именно тот смысл, который вкладывается в то или иное понятие в конкретной отрасли знания. Географы определяют «регион» иначе, чем социологи или культурологи. Все зависит от того какие критерии выделения региона берутся за основу. Так, в «Британике» можно найти следующее определение понятию «регион» – это «целостная область, которая является гомогенной в отобранных критериях определения и отличается от соседних областей по этим критериями. Это интеллектуальная конструкция, базирующаяся на выборе определенных особенностей, относящихся только к этой области и игнорирующая другие особенности, которые рассматриваются как неважные» [18].

С точки зрения «номинализма» – это определение более чем исчерпывающее. Однако возникает закономерный вопрос об онтологическом статусе региона. Что такое регион? Только ли это интеллектуальная конструкция? Если регион – это иллюзия, то насколько объективным является существование региональных сообществ? Не углубляясь в дискуссию о том естественны или искусственны региональные сообщества как социальные группы, мы присоединимся к тем исследователям, которые не считают социальные общности «фикциями». Региональные сообщества, «как и всякие социальные группы, существуют в двух планах одновременно: «на бумаге» (как теоретический конструкт) и «на деле» (как часть социальной практики). Они реальны благодаря воспроизводству веры людей в их реальность и институтам, ответственным за (вос)производство этой веры» [2]. Поэтому полагаем, что региональные социумы – это не «воображаемые», а объективно существующие сообщества, это целостные субъекты исторического про-

цесса, обладающие объективными интересами. На это указывал Л.В. Смирнягин, говоря о территориальной структуре общества: «в отличие от физико-географических данностей они (районы – Д.Д.) не существуют вне общества, вне общественного сознания, но это не значит, что они существуют только в нём как таковом. Их существование в сознании отдельных людей объективируется тем, что представление о них присуще множеству людей и, будучи детерминировано общественной практикой этих людей, существует независимо от их желания; тем самым происходит объективация индивидуального» [14].

Однако вернемся к понятию «регион». Немаловажную роль в поиске определения играет конкретный срез исследовательской проблематики. Регионы выделяются внутри какого-либо пространства, таким образом, всегда являются частью некоего целого. В зависимости от специфики научной дисциплины в содержании «региона» акцентируются разные основания. Так, в физической географии под «регионом» подразумевается часть земной поверхности (территории), отличающаяся от остальных специфическими физико-географическими параметрами. В экономике под «регионом» также понимается часть территории, где существует система связей между хозяйственными субъектами, подсистема социально-экономического комплекса страны, сложный территориально-экономический комплекс со своей структурой связи с внешней и внутренней средой. У всех определений этого понятия есть нечто общее: оно «включает в себя физико-географическую составляющую. Регионы привязаны к географической и социальной среде. Они имеют устойчивое или неустойчивое взаимодействие с природой и более широко – с космосом» [12].

Несомненно, понятие «регион» может быть осмыслено только сквозь призму человеческого бытия. Необходимо признать, что «сухое» теоретическое моделирование «регионального» не имеет никакого значения и смысла, если оно оторвано от человека и человеческой деятельности. Только человеческое измерение придает региону особый статус – части Мира.

Являясь частью Мира, регион, в свою очередь, представляет собой органическое единство трех основных уровней бытия: природного, человеческого и социального. Отчасти на это указывал Ф. Бродель, говоря

об особом статусе региона как части Мира. Регион всегда включен в более широкий глобальный контекст, без которого он регионом не является, но сам он есть аналог «особого мира с присущим только ему менталитетом, образом мышления, традициями, мировоззрением и мироощущением» [1]. Под таким углом зрения регион предстает, в том числе, и как пространство идентичности и идентификации человека.

Еще Протагор говорил: «человек есть мера всех вещей – существующих, что они существуют, не существующих, что они не существуют». Так или иначе, в истории философии отмечалась важность характеристики того или иного социального явления посредством личного, человеческого измерения. Это без труда можно проследить при изучении таких проблем, как отношение личности к государству и государства к личности, отношение личности к обществу и общества к личности, отношение личности к природе и так далее. Человеческое измерение присуще и территории.

Формы человеческого измерения региона могут быть различны в зависимости от самосознания личности до способа ее жизнедеятельности на конкретной территории. Понятие «человеческое» является более широким, нежели само понятие «человек», поскольку включает в себя не только понятие «человек», но и «атрибуты человека», «виды человеческой деятельности», «результаты человеческой деятельности» [15]. Сюда же обычно включается и то, что принадлежит человеку – актуальное или потенциальное. Оба эти обстоятельства позволяют нам задуматься над тем, что «человеческое измерение региона» может быть как внешним (атрибутивным), так и внутренним (ощущаемым, переживаемым личностью). Но и в том, и в другом случае под «человеческим измерением региона» следует понимать отношение личности к конкретной территории, совокупность форм человеческого бытия в рамках определенного региона, жизнедеятельность в котором способствует реализации личностью своих способностей и интересов, развитию материальных и духовных ценностей, содействующих благополучию человека. И именно поэтому регион является субъективным пространством.

Далее под регионом (в рамках социально-философского дискурса) мы будем по-

нимать часть социально освоенной территории, выделяемую на основании социально обусловленных отличий от других частей пространства и выступающую объектом отождествления (сопоставления) смыслового мира человека с ней и с социальной общностью, локализованной в этом пространстве.

Регион: диалектика части и целого.

Выделение тех или иных регионов в том или ином пространстве предполагает осознание двух вещей. Во-первых, любое пространство структурно является неоднородным и это облегчает его регионализацию. Во-вторых, регион является гомогенным в критериях выделения по отношению к другим частям пространства, которое принимается за целое.

Представим ситуацию, что основания для выделения конкретного региона, например, из административно-территориального пространства, определены и нам предстоит охарактеризовать структуру и особенности этой территории. Самый очевидный способ – определить части этого пространства и установить отношения с целым, то есть с регионом. Но как быть с «антиномиями целостности»? Здесь все будет зависеть от метода рассуждения: дедукция или индукция. Если двигаться от региона, как целого, к его частям, то справедливы будут антитезисы «антиномий целостности»:

- целое есть нечто большее, чем сумма его частей;
- знание целого предшествует познанию его частей;
- целое предшествует своим частям.

Если направление рассуждения будет индуктивным, то соответственно справедливыми будут тезисы:

- целое есть не более чем сумма своих частей;
- целое познается через знание его частей;
- части предшествуют целому.

Казалось бы, простая задача на самом деле оказывается весьма трудной. Решить проблему помогает системная методология, к ней мы еще обратимся ниже. Сейчас же заметим, что если рассматривать регион в качестве системы (системы отношений человека, социума и конкретного пространства), то характер этой системы будет интегративным. Что здесь имеется в виду?

Каждую региональную систему условно можно назвать органично целым. Такие системы обладают рядом особенностей. Во-первых, они имеют ряд свойств, характерных только для этой совокупности, как целого, то есть новые свойства могут быть отнесены только к самой системе, но не к частям (элементам). Во-вторых, такие системы придают своим элементам такие свойства, которые им вне системы неизвестны. В-третьих, связи между частями (элементами) носят определенный характер. Необходимо определить, какие же части можно выделить в пространстве любого региона?

Выделение в пространстве региона частей подразумевает под собой качественную соотнесенность человеческого восприятия с каждой такой частью. Здесь наши представления о процессе регионализации пространства восходят к идеям Э. Дюркгейма, который отмечал: «Пространственное представление состоит главным образом в первоначальной координации между данными чувственного опыта. Но эта координация была бы невозможна, если бы части пространства были качественно равны друг другу, если бы они реально были взаимозаменяемы <...> пространство не было бы самим собой, если бы, точно так же, как и время, оно не было разделено и дифференцировано. Но откуда у него берутся эти существенные для него деления? Само по себе оно не имеет ни правой стороны, ни левой, ни верха, ни низа, ни севера, ни юга и т. д. Все эти различия очевидно происходят от того, что пространственным сферам были приписаны различные эмоциональные ценности» [6]. Таким образом, дифференциация пространства, с одной стороны, как бы предопределена человеческим восприятием. Но с другой стороны, нужно учитывать и «естественные» процессы, которые предопределяют это чувственное восприятие. Следует прояснить эту важную мысль.

Уровень освоения той или иной территории определяет особенности функционирования региона как системы отношений. Каждый структурный элемент этой системы обязан своему включению или исключению из нее благодаря процессу означивания территории и надления ее смыслами. Любая территория осваивается постепенно. Неслучайно пространственная структура региона зачастую рассматривается через дихотомию «центр—периферия» [8, 10], где «центр» вы-

ступает более освоенным пространством, а «периферия» менее освоенным. Хотя это, безусловно, не всегда так [11]. Теория «центра—периферии» получила развитие как на западе (Т. Хегерstrand, Б. Берри, Дж. Фридман, Г. Ричардсон, И. Валлерстейн и др.), так и в отечественной науке (Н.В. Зубаревич, Г.М. Лаппо, В.А. Копылов, О.В. Грицай, Г.В. Иоффе, А.И. Трейвиш и др.) [3]. В.Л. Каганский расширяет структуру региона до четырех позиций: центр — провинция — периферия — граница [7].

Центр – репрезентатор системы; властное, смысловое, хозяйственное ядро. Главный и единственный (независимый, недублируемый) компонент, для которого характерна концентрация активности, особая роль и высокая значимость знаково-символической деятельности, близость к вышестоящим уровням иерархии и размещение их объектов, транзитный характер и частичное оседание транспортируемо-распределяемого материала, сложные сочетания многих разных систем регулирования и т. д.

Провинция – это прицентральная периферия, срединная зона, удаленная от краев системы. Она зависит от одного локуса – центра, но для нее характерны связи частей помимо центра. Ее характеристики: преобладание работы с вещами, а не знаками, повышенная роль обыденного регулирования, особая роль местного населения, относительная самодостаточность, связь с центром без сродства и противостояния.

Периферия – приграничная провинция. Статус задан удаленностью от центра и близостью к границе. Она противопоставлена центру без сродства с ним, связи фрагментов помимо центра отсутствуют или затруднены, она зависима и несамодостаточна.

Граница – анти- и контрцентр. Символическая антитеза, продолжение центра. Существует лишь в контакте – противостоянии центру.

Здесь очень важно подчеркнуть, что эти части являются именно качественно различимыми. Не только потому, что все они позиционно отличаются друг от друга, но, в том числе, и потому, что концентрация какого-либо качества (например, социальности) в них может быть различной. Именно качественная характеристика той или иной части пространства региона будет определять в дальнейшем чувственное восприятие человека.

Каждая из этих частей региона «как бы метатип жизненного мира, позиция (трансформирующая и доопределяющая любой признак человека и группы)», – делает вывод В.Л. Каганский, – «Всякое место и даже само основание его существования (выделения) полисеманлично, полифункционально, поликонтекстуально» [9].

В зависимости от определенного качества, например, от уровня освоения географического пространства, в нем есть хорошо освоенный центр, зависящая от центра провинция, слабо освоенная периферия и граница – такой участок пространства, где влияние центра малозаметно, где заканчиваются отношения одного регионального сообщества с данной территорией и начинаются отношения с ней другого регионального сообщества. Подобную структуру можно проследить и в отношении всех значимых для выделения региона компонентов (географического, политического и так далее).

Также можно определить центр, провинцию, периферию и границу в сфере культуры и экономики. Процедура определения этих областей, с одной стороны, является аналитической и «искусственной»; с другой стороны, когда человеческому восприятию известны внутренние и внешние критерии определения центра, периферии, провинции и границы – очевидной и «естественной». Устанавливая степень периферийности путем анализа (но уже не чувственного восприятия), можно заметить, что центры власти и экономики могут, например, как совпадать в одном регионе, так и не совпадать. Географический центр необязательно будет являться культурным или политическим центром. Кроме этого, возможны смены позиций: центр по ряду аналитических оснований может смещаться в сторону периферии, а периферия становится центром. В случае, когда критерии определения центра, периферии и т.д. известны, происходит «естественная» маркировка пространства по уровню его освоения или по уровню того или иного качества.

Регионализм: от понятия к мировоззрению. Далее перейдем собственно к анализу понятия «регионализм» и попытаемся рассмотреть регионализм в качестве мировоззренческой системы, то есть такой системы отношения человека к ойкумене, которая

предполагает выделение частей в каком-либо пространстве–времени (физическом, социальном, культурном, политическом и т.д.) и осознание принадлежности к этим частям.

Нет сомнений в том, что регионализм следует рассматривать как «целостную мировоззренческую и концептуальную систему, требующую междисциплинарного подхода для решения политических проблем, которые вытекают из регионального деления современных обществ» [13]. Рассмотрим регионализм в качестве мировоззренческой системы и подвергнем системному анализу это понятие. Аппаратом такого анализа может служить язык общей теории систем. Воспользуемся системным подходом в интерпретации А.И. Умова [17], адаптированным к анализу неформализованных систем И.В. Дмитриевской [5].

В работах этих авторов «система» определяется как вещь (или множество вещей), обладающая отношением с заранее фиксированными свойствами. Это определение дополняется двойственным: система есть вещь (или множество вещей), обладающая свойствами с определенным отношением. Любая система имеет три уровня организации – концептуальный (уровень системообразующего свойства) – **P**, структурный (уровень системообразующего отношения) – **R** и субстратный (уровень элементов системы) – **m**. Соответственно само определение системы, так же как и построение, предполагает определенное соотношение между компонентами системного описания, от **P** к **R** и от **R** к **m** [5]. Таким образом, построение системы всегда начинается с верхнего уровня, то есть концепта и структуры, а лишь потом происходит их реализация на субстрате. Поэтому и сущность системного подхода, в отличие от несистемного, предполагает направление исследования не от элементов к структуре, а, наоборот, от концепта и структуры – к элементам. Специфика системы определяется концептом и структурой, субстрат играет подчиненную роль. Следует заметить, что система в нашем случае представляет условную модель, матрицу, с помощью которой регионализм может быть структурирован в качестве мировоззренческой системы.

Под мировоззрением чаще всего понимают совокупность взглядов человека, социальной группы, общества на мир и определение места в этом мире. Мировоззрение – это в из-

вестной степени отношение человека к миру, благодаря которому он осмысливает, воспринимает окружающую действительность, оценивает ее, находит свое место в рамках социальной реальности, в конце концов, объясняет мир. Интерпретируя содержательные компоненты в системном представлении мировоззрения, И.В. Дмитриевская отмечает, что «в содержание мировоззрения входят философские, научные, политические, нравственные, эстетические взгляды, знания, убеждения, оценки человека или общественной группы» [5, с.7]. Если речь идет о мировоззрении как о системе, то нужно понимать, что эти компоненты в зависимости от типа системы будут соотноситься в различной степени – одни будут принимать функции системообразующих и доминировать, а другие будут занимать лишь субстратный уровень.

Термин «регионализм» в современном научном дискурсе представлен в различных измерениях, которые в массе своей не противоречат друг другу, однако являют лишь частные примеры его использования. Так, например, В.Н. Стрелецкий в статье «Регионализм как феномен культуры», обращает внимание на три основных значения этого термина в отечественной и зарубежной научной литературе. Он отмечает, что «под регионализмом часто понимается: подход к проблемам социума с позиций и потребностей регионов <...>; взаимодействие между государствами (некоего макрорегиона) или между отдельными частями (например, административно-территориальными единицами) той или иной страны, образующими соответствующие региональные группировки; их региональное сотрудничество, укрепление связей между ними; политические движения в рамках разных региональных сообществ, направленные, в частности: а) на обретение некоего институционального статуса (борьба за политическую или культурную автономию, за самоуправление провинций, этнических или территориальных групп людей); б) на расширение уже существующих прав региональных сообществ» [16]. Таким образом, регионализм во всех указанных выше пониманиях определяется, прежде всего, целеполаганием. Иными словами, чтобы определить регионализм, нужно понимать его цель, которая может быть в получении институционального статуса территории, продвижении региональных инте-

ресов, улучшении качества жизни в регионе и т.д. Но опираться на определения понятия «регионализм», основанные на интерпретации целей, на наш взгляд не совсем удачно. В конечном итоге это мешает выявить сущность самого явления, предложить философский взгляд на проблему. Именно поэтому регионализм следует рассматривать в качестве мировоззренческой системы.

Регионализм как мировоззрение представляет собой некую «картину мира», способ видения и интерпретации социального бытия и действительности. Регионализма вне социального взаимодействия не существует и быть не может. Но чем же этот способ видения отличается от всех остальных? Важно отметить, что в процессе социального взаимодействия происходит дифференциация социального: человеческое сознание устроено таким образом, что не выделять группы людей из социального пространства оно не может. Человек видит мир фрагментарно, разделенным на социальные группы, сам выделяет эти группы, конструирует свое отношение к ним. Потому и представления его о себе и своем месте в мире могут быть только с «поправкой» на социальность – принадлежность индивида к группе и взаимодействие в рамках этой группы. В этом плане регионализм представляет собой один из способов видения мира, при котором для человека значимой становится его ориентация на принадлежность к региональному сообществу, а для самого сообщества – создание благоприятных условий в регионе для реализации личностью своих способностей и интересов, развитию материальных и духовных ценностей, содействующих благополучию человека. Таким образом, регионализм напрямую связан с социальностью и является ее порождением.

Обратимся теперь к вышеупомянутому нами системному подходу и определим концептуальный, структурный и субстратный уровни регионализма, как мировоззренческой системы. И.В. Дмитриевская отмечает, что «концептуальность определяет направленность и основную цель мировоззрения, формирует его целостность. Концепт продуцирует обобщающую, объясняющую и прогнозирующую функции мировоззрения в системе общественного сознания и практики» [5, с. 9]. Концептом регионализма, как мировоззренческой системы, может выступ-

пать особенность человеческого сознания воспринимать любое пространство гетерогенным и выделять в нем части (в т.ч. регионы), фиксировать свою принадлежность к определенной части и действовать в ее интересах и рамках.

Такое отношение человека к миру формирует структуру регионализма как мировоззрения. Это отношение может быть целостным или плюралистическим. Но в случае с регионализмом оно всегда будет связано с интерпретацией уникальности (специфичности) определенной части пространства – региона. Системообразующие отношения (структурный уровень) регионализма, как мировоззренческой системы, будут задаваться позиционированием «Своего» и «Чужого» пространства, сопоставлением, сравнением «Своего» региона с «Другими/Чужими» региональными пространствами. При этом значимой будет именно интерпретация собственной уникальности в рамках принадлежности индивида, социальной группы к определенному региону – части Мира. В содержательном плане в структуре регионализма, как мировоззрения, можно выделить политические, экономические, социально-гуманитарные, культурные, нравственные и эстетические взгляды, знания, убеждения. Они связаны с осознанием уникальности «Своей» части пространства в противоположность «Чужим» частям. Субстрат же всегда играет подчиненную роль. На этом уровне регионализм и проявляет свои особенности.

В зависимости от определения концептуально-структурного уровня может быть предложена типология регионализма. Концепт, оставаясь практически неизменным (гетерогенность в интерпретации социальной реальности), будет определять структуру, которая, в свою очередь, в зависимости от специфики конкретного региона, может проявляться по-разному. Так, наличие в определенном регионе политических и экономических ресурсов/капитала, будет подталкивать сообщество к обретению особенного институционального статуса, что будет являться примером политического или экономического регионализма [см. подробнее 4], в случае с культурным регионализмом интерпретация уникальности будет иной и т.д. Все это примеры структурных типологий. Выделяя значимый для регионализма содержательный

компонент (политика, экономика, культура и т.д.), который в каждом конкретном случае выполняет роль системообразующего свойства, мы, тем самым, определяем тип регионализма и можем выявить его особенности.

Помимо содержательных компонентов, в структуре регионализма, как системы, могут быть выделены и формальные. Форма осознания человеком уникальности и специфичности какой либо части пространства, то как человек воспринимает эту часть, также играет значимую роль в бытии регионализма. Полагаем, что можно вести речь о существовании мифологических, научных и философских структур регионализма.

Мифологические компоненты системы задействуются при упрощенном описании социальной действительности в регионе. Миф позволяет оперировать простыми «истинами», которые нет смысла опровергать. Оттого и конструирование региональной идентичности, столь значимое для регионализма, опирается на создание или изменение мифологических структур. Мифы, порождаемые в рамках социального взаимодействия и связанные опять же с интерпретацией региональной уникальности, используется для концепций мирообъяснения и миропостроения в обыденном сознании, правда, вуалируются они «научными» знаниями и методами.

Научные структуры связаны с познавательной деятельностью человека, целью которой, в случае с регионализмом, является процесс категоризации пространства на «Свое» и «Чужое». Научные знания, убеждения, установки используются в системном взаимодействии тогда, когда необходимо «рационализировать» регионализм: придать объективность изначально субъективному процессу, а именно процессу дифференциации пространства. Оперирование научным дискурсом, например, позволяет региональным элитам конструировать востребованные социальные мифы, влиять на практики регионализма в сообществе, манипулировать поведением групп.

Объяснение мира не только с позиции бытия некой части пространства (региона), но и в отношениях этой части с целым и другими частями лежит в основе философской рефлексии региональности (как принадлежности человека или группы к части пространства). Философские структуры используются в системном взаимодействии при

выявлении противоречий в существовании и функционировании региона.

Вместо заключения. Рассмотрение регионализма в качестве мировоззренческой системы, своеобразной «картины мира» помогает лучше понять онтологию этого сложного и многопланового явления современно общества.

Безусловно, выделение концепта, структурных уровней регионализма, субстрата системы носит условный характер. Проблема регионализма в глобальном мире требует должной философской рефлексии и системная интерпретация лишь скромный шаг в изучении этого столь многогранного явления. Однако именно системный подход на наш взгляд позволяет избежать проблем, связанных с объективацией отношений частей и целого в глобальном пространстве.

Предложенный подход заставляет нас задуматься и под другим углом взглянуть на проблему регионализации пространства. Не только естественные (физико-географические характеристики пространства) причины, но и «искусственные» (субъективные характеристики сознания) позволяют человеку и сообществу определять границы своей ойкумены, дифференцировать обитаемое пространство – выделять в нем части. Регионализм в современном обществе нечто большее, чем просто идеология, политическое действие или манифестация. Скорее, это способ видения Мира, потребность человеческого сознания постоянно «дробить» пространство и проводить в нем границы. Принятие во внимание этого факта, безусловно, открывает новые горизонты в изучении региональности (как формы социальности) современного человека.

Библиографический список

1. Бродель Ф. Время мира. – М., 1992. – С. 14, 16, 41.
2. Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов»//доступно на <http://bourdieu.name/content/socialnoe-prostranstvo-i-genezis-klassov> (дата обращения 05.05.2010).
3. Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. – М.: Наука, 1991. – 168 с.
4. Докучаев Д.С. «Вертикаль власти» и трансформация системы региональной идентичности в современной России // Политика и общество. – 2010. – № 3. – С. 16–20.
5. Дмитриевская И.В. Мировоззрение как система // Сознание и теория мировоззрения: История и современность. – Иваново: Изд-во «Иваново», 1992.
6. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни// доступно на URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/durkheim_elementarnie/ (дата обращения 16.10.2013).
7. Каганский В.Л. Основные зоны и типы культурного ландшафта // Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. – М., 2001. – С. 86.
8. Каганский В.Л. Методологические основания регионального анализа как культурной практики // доступно на URL: <http://rospil.ru/ru00/37.htm> (дата обращения 24.11.2013).
9. Каганский, В. Л. Рамки региональной аналитики // Рациональный регионализм: Экспертные суждения и оценки. – М.: Начала-Пресс, 1995. – С. 33.
10. Каганский В.Л. Советское пространство: конструкция и деконструкция//доступно на <http://old.russ.ru/antolog/inoe/kagan.htm> (дата обращения 23.10.2010).
11. Крылов М.П. Некоторые методологические замечания по проблеме «центр – периферия» // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2012. – № 3. – С. 5–9.
12. Олех Л.Г. Философия регионализма // Доступно на URL: http://www.philosophy.nsc.ru/journals/humscience/1_97/11_olex.htm (дата обращения 02.08.2013).
13. Плотникова О. Регионализм: некоторые подходы к определению // Власть. – 2012. – № 3. – С. 133.
14. Смирнягин Л.В. Районирование общества: теория, методология, практика: на материалах США. Дисс. ... докт. геогр. наук. – М., 2005.
15. Стерледев Р.К. Проблема «человеческого измерения» в гносеологии XX века //доступно на ftp://lib.herzen.spb.ru/text/sterledev_12_84_78_84.pdf (дата обращения 06.08.2013).
16. Стрелецкий В.Н. Регионализм как феномен культуры // Региональные исследования. – 2011. – № 3. – С. 45.
17. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. – М.: Мысль, 1978.
18. Britannica // available from URL: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/496048/region> (дата обращения 14.03.2010).

Войнов Д.А. (Москва)

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ФАКТОРА В МЕЖДУНАРОДНОМ РАЗДЕЛЕНИИ ТРУДА: РАДИКАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Voynov D.A.

ROLE OF THE POLITICAL FACTOR IN THE INTERNATIONAL DIVISION OF LABOR: THE RADICAL GEOGRAPHY APPROACH

Аннотация. В статье анализируется изменение роли политического фактора в развитии территориального разделения труда (ТРТ) на разных этапах развития хозяйства. Выявлены характер и механизмы интеграции территориальных социально-экономических систем в системы ТРТ более высокого уровня. Проанализированы взаимосвязь ТРТ и классовой структуры общества под воздействием различных природных условий. Сделан вывод о решающем вкладе политического фактора в конфигурацию ТРТ и возрастании его роли на современном этапе.

Abstract. In the paper the role of political factor in the formation of territorial division of labor (TDL) in different stages of social development is analyzed. There are revealed the character and mechanisms of integration of the social-economic territorial systems to the systems of TDL of higher level. The TDL and social class structure relation in the special nature conditions are analyzed. There are made a conclusion about a decisive role of political factor for the TDL configuration and its growth at the actual stage.

Ключевые слова: территориальное разделение труда, территориальная социально-экономическая система, территория, политическая география, историческая география, радикальная география, колонизация.

Key words: territorial division of labor, territorial social-economic system, territory, political geography, historical geography, radical geography, colonization.

Разделение труда занимает одно из приоритетных мест среди экономических категорий. С момента начала формирования мировой экономической системы его высшим выражением стало мировое разделение труда (МРТ).

Появление общественного разделения труда задает определенные рамочные условия, систему для развития других процессов обществе. К.Маркс так характеризовал это свойство разделения труда:

«Как только начинается разделение труда, у каждого появляется какой-нибудь определенный исключительный круг деятельности, который ему навязывается и из которого он не может выйти: он – охотник, рыбак, пастух, или же критический критик и должен оставаться таковым, если не хочет лишиться средств к жизни...». «Труд здесь... есть та сила, которая стоит над индивидами» [4].

Пространственной формой общественного разделения труда, по определению Н.Н. Баранского, является географическое разделение труда, которое Н.Н.Баранский называл основным понятием экономической географии [1] и имея в виду, в первую очередь, международное разделение труда

(для внутристранового уровня больше укоренилось понятие территориального разделения труда).

В экономической географии мировому и международному разделению труда по праву отдается значение первопричины территориальной организации хозяйства и населения на различных иерархических уровнях. Складывающееся международное разделение труда ориентирует национальные экономики и является своего рода общим полем, в котором происходят процессы районообразования и развиваются территориальные системы хозяйства и населения различных уровней.

Когда речь идет о единой мировой экономике, целесообразнее говорить о мировом разделении труда. Опосредованное уже имеющимися исторически сложившимися социально-экономическими характеристиками и природными условиями территорий, и преодолевая инерцию созданных социальных и экономических территориальных структур, мировое разделение труда сегодня оказывает воздействие на все территориальные уровни вплоть до территориальных микросистем. Каждой территории отводится функция в

рамках системы глобальной экономики. Специализация хозяйства, плотность населения и вплоть до национального состава территории – все несет на себе отпечаток международного разделения труда.

МРТ является своего рода императивом, которому принадлежит активная роль в трансформации играющих консервативную роль сложившихся характеристик территорий. Опираясь на эту реальность, географы начинают анализ страны или региона с изучения ее места в системе разделения труда более высокого уровня.

На основании верного посыла подхода к территориальному разделению труда как к «внешней данности» по отношению к развитию территориальных систем хозяйства и населения, ТРТ часто приписывается естественный характер. В результате ТРТ начинает восприниматься как своего рода «социальный климат», в условиях которого развивается общество, а роль социальных факторов в формировании ТРТ сводится до пассивных социальных характеристик территории, с которыми она вступает в МРТ.

Этим игнорируются активные социальные факторы, особенно политические, в формировании самого ТРТ. Ниже мы рассмотрим, как политические факторы влияли на развитие ТРТ на протяжении развития общества.

Первобытное общество. До появления цивилизации территориальное разделение труда действительно носило относительно естественный характер, выражая естественное разделение труда внутри общины. К. Маркс писал об этом периоде: «В пределах семьи – а с дальнейшим развитием в пределах рода — естественное разделение труда возникает вследствие половых и возрастных различий, т. е. на чисто физиологической почве, и оно расширяет свою сферу с расширением общественной жизни, с ростом населения, особенно же с появлением конфликтов между различными родами и подчинением одного рода другим» [3].

Если естественное разделение труда внутри коллектива происходило на основе физиологических и возрастных различий, то территориальное разделение труда происходило на сочетании различных типов хозяйствования, формирующихся у разных общин в конкретных природных условиях территории.

«Различные общины находят различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам. Это – те естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами, а следовательно, постепенное превращение этих продуктов в товары» [3].

Естественность ТРТ на данной стадии заключалась в том, что различные уклады хозяйства у разных коллективов взаимно дополняли друг друга в рамках натурального обмена. Но даже в этой ситуации естественность территориального разделения труда была неустойчивой, поскольку при росте численности населения хозяйствующих коллективов возникала проблема конкуренции за средства к существованию, и в этом случае «естественным» решением часто было силовое, по результатам которого формировалось новое «естественное» территориальное разделение труда.

Таким образом, в условиях первобытного общества разделение труда формировалось под действием:

- природных характеристик территории (наличие или отсутствие ресурсов для производства того или иного продукта);
- соотношения трудозатрат и результата труда;
- места производства того или иного продукта в хозяйственном типе (на что влияет сезонность производства, возможности хранения продуктов и пр.);
- половозрастной структуры общины.

Азиатский способ производства. Ситуация приобрела новую характеристику с появлением азиатского способа производства, классическим примером которого является образование первых государств на основе поливного земледелия («речных цивилизаций», по Л.И. Мечникову) и с появлением первых привилегированных каст на основе администрирования работы ирригационных систем. Но даже в этой ситуации, при большом социальном неравенстве, территориальное разделение труда сохраняло во многом естественный характер, поскольку появившиеся на основе ирригационных систем первые государства были слишком зависимыми

от жестких природных условий. Именно трудность природных условий нашла свое отражение в том, что выделение привилегированных слоев произошло не на основе *частной собственности*, а на основе управляющей *функции*. В структуре общества это было выражено не в виде классов, а в виде бюрократической иерархии, каст.

«Скорее, природные условия, способствующие развитию ирригации, препятствуют социальной стратификации, так как неимущие (have nots), т. е. отлученные от воды, в полупустынном климате просто не выживут» [5].

Вся энергия общества направлялась на поддержание ирригационных систем, а низкое природное разнообразие и бедность альтернативными ресурсами ограничивали возможности появления новых отраслей и развития разделения труда. Поэтому как в Египте, так и в Междуречье, внутреннее территориальное разделение труда и внутренняя торговля были крайне неразвиты и жестко подчинены бюрократической иерархии. Памятником этой ситуации стали египетские пирамиды – результат избыточности рабочих рук в условиях ярко выраженной сезонности производства и природно ограниченных возможностей для роста разделения труда.

Естественное территориальное расширение цивилизации вдоль рек (Нила) не находило принципиально новых природных условий. Структура хозяйства древних речных цивилизаций оставалась очень монопрофильной и цивилизации век за веком воспроизводили себя в малоизмененном виде.

Классическим территориальным результатом такого положения являлась слабая освоенность побережий Средиземного и Красного морей в Древнем Египте. Также выражением этого являлось развитие в Египте стойлового скотоводства – малопродуктивного в условиях Египта вида деятельности, развившегося в редких «нишах» внутри основного вида производства – выращивание зерновых культур.

В формировании азиатского способа производства с характерной для него ограниченностью ТРТ играют роль не только природные факторы, но и социальные. Карл Витфогель в своей известной работе «Восточный деспотизм», посвященной анализу «иригационных цивилизаций», отмечает факты влияния социального фактора: «На

ранних стадиях развития китайского государства она [частная собственность] была так же малозначима, как и в доколумбовой Америке; под влиянием внутриазиатских сил Китай временно отказался от свободных форм земельной собственности, которые возобладали в конце эпохи Чжоу, и в правление династий Цинь и Хань регулируемые формы земельной собственности возобладали вновь» [6]. По «внутриазиатскими силами» в первую очередь подразумеваются нашествия кочевников, необходимость защиты от которых требовала направления большей доли общественного дохода на нужды обороны. Этим ослаблялись экономические классы, но взращивалась военная и государственная бюрократия.

Элементы азиатского способа производства, возникающего в условиях природных или социальных ограничений для развития общественного и территориального разделения труда и классов и с формированием возвышающейся над классами бюрократии заметны во многих обществах разных периодов и эпох: Спарта, Россия, Китай, империя инков.

Важные изменения в территориальном разделении труда происходят с началом колониаторских войн древних речных цивилизаций. О масштабах потребности расширения говорит факт отсутствия в Древнем Египте месторождений железной руды. Каменные орудия, давно превзойденные многими народами задолго до формирования цивилизации, длительное время оставались в египетской цивилизации основными. Постепенное проникновение более производительных металлических орудий в Египет ставило вопрос об устойчивом снабжении ими. Так и Междуречье, и Древний Египет сильно зависели от ввоза жизненно важных продуктов (металла, леса). Естественная бедность природными ресурсами, затруднявшая развитие ТРТ, начинала толкать прежде сконцентрированные исключительно вдоль великих рек цивилизации на территориальные захваты, как, например, захват египетскими армиями Восточного Средиземноморья. Территории, поставленные под контроль, включались в интенсивный обмен с центром цивилизаций. Так, военным путем, устанавливалось новое ТРТ. И даже в этих условиях характерной чертой азиатских обществ всегда оставалось существенное превалирование внешней тор-

говли над внутренней, как выражение бедности внутреннего разделения труда.

Тенденция расширения ТРТ речных цивилизаций сопровождалась другим важным изменением в структуре общества – ростом количества рабов из-за появления пленных в процессе колониальных войн. Развитие ТРТ древних речных цивилизаций шло параллельно с ростом рабовладельческих тенденций в этих бюрократических государствах, где рабство как способ производства изначально играло лишь дополняющую роль.

Таким образом, в древних речных цивилизациях:

- разделение труда естественным уже не было: в обществе существовали четко выраженные касты с соответствующими этому перераспределением общественного продукта и групповыми (политическими) интересами. Но эти же касты жестко регламентировали производство и обмен продукции, торговля была слабо развита.
- территориальное разделение труда на ранних этапах, в состоянии закрытости общественной системы, сохраняло многие черты «естественности» в условиях жестких природных ограничений.
- по мере перерастания речными цивилизациями своего закрытого характера, с появлением необходимости колонизации более богатых в природном отношении территорий, древние цивилизации включаются в обмен с соседними территориями и одновременно эволюционируют в сторону развития рабства.
- ТРТ речных цивилизаций развивалось не как внутренняя экономическая тенденция, но устанавливалось через военные захваты, то есть как результат политической воли правящих групп.

Рабовладельческое общество. Полноценное развитие ТРТ получает в эпоху рабовладельческих цивилизаций древнего мира (Греции и Рима). Развитие классовых обществ и государств на основе рабовладельческого способа производства, нуждавшегося в постоянном расширении для захвата новых рабов, дали взрывной толчок к колониационным процессам и появлению территориально обширных империй, включавших крайне разнообразные в природном

и социальном отношении территории. В этот период ТРТ получает важный политический фактор развития.

В рабовладельческую эпоху материальное производство существовало преимущественно в виде натурального хозяйства, которое само по себе не требовало высокой степени централизации и которое позднее, в феодальную эпоху, даже при более высоком техническом уровне, существовало в виде небольших княжеств. Если будущая капиталистическая централизация государства сформируется на основе технических нововведений и роста ТРТ на их основе, то в эпоху рабовладения формирование централизованных государств было результатом самого рабовладения, которое из-за экономической неэффективности естественного воспроизводства рабской рабочей силы нуждалось в постоянных и расширяющихся территориальных захватах с целью пополнения массы рабов для работы в преимущественно натуральном хозяйстве. В то время из всех ключевых для хозяйства государств отраслей наиболее высокий уровень ТРТ наблюдался именно в «отрасли» захвата рабов, имеющей системообразующий характер рабовладельческих государств, особенно для Римской Империи. Торговля прочими продуктами шла за торговлей рабами. Торговля рабами шла за колонизаторской войной. Сама Римская Империя могла существовать только как государство-война.

Параллельно этому, со скачком в колонизации и с формированием обширной Римской Империи с ее провинциями и окраинами, начинается формирование специализаций провинций в рамках государства, а также открытая эксплуатация окраин центром. Провинции становятся не только источниками определенных природных ресурсов, но источниками поступления добавленного труда на поддержание Империи. Отток результатов труда из провинций экономически их ослаблял, равно как рекрутирование молодых мужчин для постоянного войска и сознательная политика центра на недопущение излишнего экономического укрепления провинций. Появляются ясные границы империй и их «фронтиры», а огромные территории (в том числе Центральная и Северная Европа) превращаются в источник рабов и зону постоянной колонизаторской войны и сопротивления ей.

Кроме того, с образованием классового общества производство начинает ориентироваться на потребности разных классов, влияя на структуру производства (производство предметов роскоши).

Все это находит соответствующее выражение в специализации экономики территорий и ТРТ.

Таким образом, на этапе древних рабовладельческих империй:

ТРТ окончательно теряет «естественный» облик и обретает ясный классовый характер.

Главным фактором развития ТРТ становится внутренняя тенденция рабовладельческих государств к захвату новых рабов посредством колонизаторских войн.

В рамках этого процесса, еще при доминировании натурального хозяйства, происходит разделение территории на центры империй, провинции и колонизируемые территории.

Восстания рабов и борьба покоряемых Римом и повергаемых в рабство народов установили физические пределы колонизаторского расширения Империи, привели к кризису поступления новых рабов. Это означало блокировку главного экономического механизма Империи и привело в итоге к крушению Рима. Борьба рабов и обращаемых в рабство выдернула «рабовладельческий хребет» из тела Империи, которая распалась на части. Этим был завершён период самого высокого в истории Европы уровня политической и экономической централизации и открыт период формирования различных государств на ее бывших просторах.

Феодальное и раннекапиталистическое общества. Временная ликвидация главной «отрасли ТРТ» в виде захвата рабов и возможность роста техники и производительности труда на основе феодального способа производства обеспечили производство большего количества продовольствия и на определенное время снизили потребность в колонизации. В связи с этим ТРТ, лишившись главной рабовладельческой составляющей, сжалось. В известной степени, натуральное хозяйство пришло к своему «нормальному виду». Однако с достижением аграрного перенаселения в Европе ТРТ делает новый скачок в нескольких направлениях.

Во-первых, произошел скачок колонизации, при помощи которой феодальные

империи (Испания и Португалия) решали кризис аграрного перенаселения. В состав этих империй были насильственно включены большая часть Центральной и Южной Америки, а позднее расширились колонии в Африке. Америка и побережье Африки были включены в ТРТ, в рамках которой их основной функцией стало производство драгоценных металлов и некоторых сельскохозяйственных культур. Первоначально «месторождениями» драгоценных металлов в Америке были разграбляемые богатства индейских империй.

Во-вторых, прибрежные зоны африканского континента были включены в новое ТРТ как источник рабов для работы в европейских колониях Нового Света. Феодалный способ производства требовал рабства на периферии своего влияния.

В-третьих, кризис аграрного перенаселения в Европе толкнул развитие ремесла в городах (Англия, Франция, Голландия). Если города древних рабовладельческих империй были в основном торговыми, административными, военными и культурными, то средневековые города Европы стали центрами производства, дав толчок развитию капитализма.

Это развитие капитализма, с одной стороны, начало создавать новое территориальное разделение труда внутри стран посредством применения насилия в отношении широких масс населения. О рождении этого разделения труда в Англии и в меньшей степени во Франции К.Маркс писал: «Деревенское население, насильственно лишенное земли, изгнанное и превращенное в бродяг, старались приучить, опираясь на эти чудовищно террористические законы, к дисциплине наемного труда поркой, клеймами, пытками» [4]. С другой стороны, чем с большей мере кризис аграрного перенаселения продвинул стран по пути развития капитализма вместо колонизации, то тем с большей энергией и эффективностью эти новые капиталистические державы впоследствии бросились на колонизацию планеты, вытесняя отставшие в своем развитии феодальные империи. И тем эффективнее использовали они в американских колониях труд африканских рабов в рамках нового формирующегося международного капиталистического ТРТ.

В-четвертых, всеми метрополиями были установлены многочисленные запреты на

развитие обрабатывающих производств в колониях, которые в рамках *устанавливаемого* метрополиями ТРТ должны были быть зависимыми придатками европейских экономик, поставляющими им сырье и золото и служащими рынками сбыта европейской продукции. Рождение этого ТРТ произошло в борьбе колониальных и антиколониальных сил. Одним из крайних выражений этого противоборства стала война за независимость США, победа в которой, в совокупности с большими возможностями колонизации внутренних территорий, обеспечили этому государству шанс войти в число ведущих держав. Противоположным крайним примером была организованная в середине XIX в. Англией война Бразилии, Аргентины и Уругвая против Парагвая, находившегося по уровню развития на втором месте в Новом Свете после США и имевшего независимую от европейских держав экономику. В результате поражения Парагвай занял в МРТ положение слаборазвитой полукolonии.

В-пятых, укрепившиеся с развитием капитализма европейские национальные государства с их границами и таможенными барьерами политически закрепили контроль соответствующих национальных элит над национальными рынками. «С появлением мануфактуры различные нации начинают конкурировать между собой, вступают в торговую борьбу, которую ведут при помощи войн, покровительственных пошлин и запретительных систем, между тем как прежде народы, когда они вступали в сношения друг с другом, вели между собой мирный обмен. Торговля отныне приобретает политическое значение». «Конкуренция между нациями устранялась, по возможности, путем тарифов, запретов, договоров; в конечном счете, борьба конкурентов велась и решалась при помощи войн» [4].

Таким образом, в эпоху Великих Географических открытий и становления капитализма:

- элиты ведущих европейских держав стали закладывать мировое разделение труда;
- начало МРТ положили уничтожение американских индейцев и их государств, организация потока в Америку африканских рабов, запрет на развитие обрабатывающих производств в колониях.

- формирование мирового разделения труда стало результатом установившегося контроля ведущих держав над своими и чужими национальными рынками, итогом колонизаторских войн и сопротивления им.

Общество монополистического капитализма. Новая стадия развития МРТ открывается на рубеже XIX–XX вв., когда весь мир оказывается поделенным на колонии между ведущими державами.

«Естественное» формирование МРТ и ранее требовало «огораживания» и законов против бродяжничества, грозящих виселицей для согнанных с земли и не отправившихся работать на капиталистическую текстильную фабрику крестьян перерабатывать хлопок, произведенный плантационным рабским трудом «афроамериканцев» на землях, отобранных у истребленных колонизаторами индейцев. А также требовало войн за колонии между сильнейшими державами. Однако существование множества производителей и относительно свободного рынка позволяло в экономике действовать законам реальной рыночной конкуренции (на национальных рынках), а наличие еще не колонизированных ведущих государствами территорий облегчало выходы из кризисов и снижало накал военных противостояний между ведущими державами. Решение противоречий между элитами ведущих государств еще могло осуществляться посредством «Берлинских конференций». Но когда процессы концентрации капитала достигают стадии формирования монополий, свободный рынок исчезает, сохраняясь лишь в экономических «зазорах» монополистической системы в подчиненном ей состоянии. А окончательный раздел свободных территорий земного шара делает фоном формирования МРТ постоянную борьбу ведущих держав за передел мира. «Естественность» полностью приобретает форму военной силы. «Мирная» Берлинская конференция, обеспечившая «честный» раздел последнего «бесхозного» африканского континента, в новых условиях трансформируется в Первую Мировую войну.

Исчезновение возможности расширения капитализма на новые территории, то есть исчерпание возможности развития колонизации вширь, и превращение рыночной кон-

курении в жесткую борьбу монополий и их государств имеют своим естественным продолжением непрерывные социальные конвульсии мирового развития, вспышки кризисов, войн и революций, в огне которых в силовом противоборстве различных классов и их секторов формируется конкретная конфигурация МРТ. Можно не сомневаться, что если бы во Второй Мировой войне нацизм сумел победить на Востоке и реализовать «План Ост», то МРТ и вся мировая география очень сильно отличались бы от современных. Иными словами, именно крупнейшие события борьбы и крупнейшие противостояния, включая две мировые войны, задали основные контуры современного МРТ.

В этом социальном противостоянии в первом приближении можно выделить три основных сектора:

1) Национальные финансово-экономические группы ведущих стран – собственники ведущих мировых транснациональных корпораций с мощным национальным государством, способным защитить свои национальные рынки и претендовать на национальные рынки, природные и человеческие ресурсы других стран.

2) Финансово-экономические группы зависимых стран с относительно слабым государством. Финансово и технологически они зависимы от доминирующих в мире западных групп, поэтому в итоге подчиняются им и соучаствуют в процессе неокolonизации своих стран, отстаивая свое право делать это на максимально выгодных для себя условиях (в качестве младшего партнера).

3) Трудящиеся классы, противостоящие первым двум группам.

Из противостояния всех их между собой вытекает два основных вида борьбы: за перераспределение результатов труда и борьба против процессов неокolonизации. У всех этих групп есть разное и соответствующие их интересам понимание «эффективности» и «рациональности», выражающееся в политических формах и политической борьбе, в процессе которой формируется МРТ.

В этом отношении замечателен подход И.А. Витвера к анализу отдельных стран как части общей социальной системы с ее социальными классами и их борьбой. «Совершенно ясно, что сейчас, когда противоречия послеверсальской Германии бросили ее в объятия фашизма, когда ее промышлен-

ность живет в значительной степени на кислороде военных заказов, когда ее сельское хозяйство трещит под ударами кризиса, – охарактеризовать Германию только как «индустриальную страну с блестящим развитием сельского хозяйства» было бы нелепо, чтобы не сказать больше. Просто невозможно обойтись в характеристике современной Германии без учета исторических особенностей экономического развития Германии, приведших к сочетанию наиболее высокого уровня капитализма с весьма действенными пережитками феодализма и крепостничества...» [2].

Аналогичного подхода Витвер придерживается при характеристике других стран: «Англию невозможно охарактеризовать без учета ограбления английской буржуазией величайших в мире колониальных владений, без выявления исторического пути от передовой индустриальной страны мира до паразитирующего государства-рантье». «Характеристика Аргентины невозможна без учета ее зависимости от империализма Англии и США, без выявления двойной эксплуатации ее пролетариата и полупролетариата местным и иностранным капиталом» [2].

Современные характеристики МРТ и мировой географии имеют ясные политические черты. Так география сельского хозяйства современной Европы является результатом жесткого протекционизма западноевропейских правительств, одновременно требующих борьбы с протекционизмом от стран, в которых еще есть возможности для расширения влияния западноевропейских капиталов и товаров. Реальная цель неолиберальной идеологии «свободного рынка» – обеспечить западным монополиям контроль над природными и трудовыми ресурсами, рынками и экономиками отсталых стран. Когда идеология «свободного рынка» не работает, она находит подкрепление в санкциях и армиях, как в Ираке.

Наиболее яркими выражениями политического характера географии является МРТ в ядерной отрасли, которое определяется политическим запретом на развитие этих технологий: точно так же, как Британская Империя запрещала развитие перерабатывающих отраслей в своих североамериканских колониях, охраняя свою монополию, сегодня США запрещают развивать ядерные технологии в других странах, охраняя свою монополию.

Конфликты вокруг этого запрета способны менять географию поставок нефти (санкции против Ирана). Столь же ярким примером является сеть нефте- и газопроводов, договоры вокруг которых оказывают влияние на географию прочих отраслей. Авторское право и патентование технологий, препятствующее естественному распространению инноваций, наиболее ярко выражает иллюзорность «естественного развития» МРТ.

Но наиболее мощным и одновременно наиболее политическим фактором для МРТ является фактор цены рабочей силы в той или иной стране. Фактически география мирового хозяйства является географией последствий колонизации и борьбы за повышение заработной платы. Так низкие заработки в Китае или Бангладеш, удерживаемые на низком уровне (в т. ч. при помощи политической диктатуры), стали экстраординарным благоприятным фактором повышения нормы прибыли западных корпораций при переносе филиалов из метрополий в Китай. Вместе с исторически завоеванными многолетней профсоюзной и политической борьбой более высокими заработками трудящихся Западной Европы и США это стало важнейшим фактором сдвига в географии мировой промышленности.

Аналогичным образом создание Евросоюза с доминированием Германии и Франции и введение евро в качестве единой валюты (т. е. ликвидация национальных валют – важного рычага регулирования национальных экономик) имело следствием дезиндустриализацию в периферийных европейских странах (Греция, Португалия) ради интересов немецких и французских финансово-экономических индустрии – с соответствующим изменением ТРТ и географии внутри ЕС. Если сегодня европейским правительствам удастся навязать европейцам планы жесткой экономии, то изменится и география Европы. Точно так же, как современная конфигурация МРТ в основных чертах была заложена на рубеже 1942–1943 гг. под Сталинградом, география посткризисной Европы будет решена преимущественно на улицах европейских городов.

Таким образом, на монополистической стадии капитализма:

- вырождение свободного рынка и завершение раздела мира между монополиями ведущих держав ограничи-

вают возможности значимого роста общественного дохода;

- обострение борьбы за факторы производства и за раздел общественного дохода находит политическое выражение в обострении борьбы ведущих государств за передел мира, противостояния колониальных и антиколониальных тенденций и борьбы за цену рабочей силы;
- возможности формирования ТРТ в результате «свободной игры экономических сил» сводятся к минимуму, и возрастает роль политического фактора;
- МРТ обретает черты мирового экономико-военно-политического порядка, установленного и поддерживаемого ведущими мировыми монополиями и их государствами в своих интересах и в борьбе между собой.

Выводы. ТРТ, как пространственная форма ОРТ, выражает в территориальной плоскости различные аспекты общественного разделения труда. Как и ОРТ, ТРТ отвечает интересам господствующих социальных групп/классов, поддерживается и навязывается ими другим социальным группам/классам.

Формирование полноценного территориального разделения труда происходит с началом колонизационных процессов в рамках азиатского способа производства древних речных цивилизаций на поздних стадиях их развития. ТРТ полностью выходит из своей «предыстории» с формированием древних рабовладельческих государств и прогрессирует вместе с развитием и противостоянием различных классов и выражающих их интересы организаций.

Эксплуатация одних социальных классов другими пространственно выражается в неравенстве территорий, эксплуатации периферии экономическими центрами, основными механизмами которой являются эксплуатация природных и человеческих ресурсов территории. ТРТ есть доминирование одних территорий над другими.

Подобно тому, как ОРТ основывается на лишении угнетенных классов основных средств производства, ТРТ держится на недопущении развития на территории элементов, необходимых для формирования целостных основных социально-экономических структур (например, недопущение развития

промышленности в колониях этапе промышленного капитализма или запрет на финансовую самостоятельность в эпоху господства финансового капитала).

Так же, как конкретное ОРТ является собой результат *политического* господства тех или иных социальных групп на основе применения экономических рычагов и прямого насилия, осуществление доминирования одной территории над другой всегда решалось посредством столкновения их политических потенциалов, материальную основу которых составляли потенциалы военно-экономические.

На протяжении истории общим для всех эпох установление доминирования одних территорий над другими осуществлялось посредством колонизации. Экономический смысл колонизации – поддержание в неизменном виде территориальной социально-экономической системы (а именно, поддержание господства доминирующих классов системы) за счет других территорий. Накопление в территориальной социально-экономической системе кризисных явлений генерирует тенденции к колонизации.

В условиях отсутствия на колонизируемых территориях социально-экономических систем колонизация (включение новых тер-

риторий в ТРТ системы) происходит без противоречий. При наличии социальных структур на колонизируемых территориях, их включение в ТРТ расширяющейся системы требует их полного или частичного разрушения, чтобы формирующие эти структуры элементы стали доступны для колонизирующей системы. Колонизированная территория включается в ТРТ расширяющейся территориальной социально-экономической системы и развивается в соответствии с новым разделением труда в зависимом состоянии. Сохранившимся структурам навязывается новая конфигурация ТРТ, что непосредственно влияет на их внутреннюю географию.

Чем более развиты социальные структуры на колонизируемых территориях, тем сильнее социальные столкновения в процессе колонизации и больше роль неэкономических инструментов в подчинении территорий ТРТ расширяющейся системы.

Раздел земного шара ведущими державами в начале XX века обозначил окончание формирования МРТ и появление необходимости массового разрушения колонизацией сформированных сложных структур. В этих условиях роль неэкономических (политических) факторов для формирования МРТ становится все более определяющей.

Библиографический список

1. Баранский Н.Н. Географическое разделение труда // Баранский Н.Н. Избранные труды. Становление советской экономической географии. – М.: Мысль, 1980. – С. 96–127.
2. Витвер И.А. О показателях для экономико-географической характеристики капиталистических стран // Витвер И.А. Избранные сочинения. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – С. 477–490.
3. Маркс К. Капитал. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. – М.: Политиздат, 1960. – 784 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. – М.: Политиздат, 1955. – С. 7–544.
5. Davies M. Wittfogel's dilemma: heterarchy and ethnographic approaches to irrigation management in Eastern Africa and Mesopotamia // World Archaeology. 2009. Vol. 41. № 1. P. 16–35.
6. Wittfogel K.A. Oriental despotism: a comparative study of total power. – New Haven, London: Yale University Press, 1957.

ФАКТОРЫ И ТИПЫ КЛАСТЕРИЗАЦИИ ОБЪЕКТОВ УЛИЧНОЙ ТОРГОВЛИ В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ

Imangalin A.F.

FACTORS AND TYPES OF CLUSTERING OBJECTS STREET RETAIL IN THE CITY

***Аннотация.** В статье описаны особенности размещения и развития объектов уличной торговли в крупнейших городах. Рассмотрены факторы, влияющие как на размещение коммерческих объектов, так и структуру их арендаторов. Проанализированы типы взаимодействия рыночных услуг между собой, приведены численные показатели, отражающие эти связи. Выявлены эффекты кластеризации объектов уличной торговли. Основными ее причинами являются эффекты взаимодействия: синергии, симбиоз и влияние общих факторов размещения.*

***Abstract.** Paper considers allocation and development of the street trading objects in the biggest cities. It is considered which are the factors shaping up the allocation of those objects along with the tenant structure. Paper also quantitatively investigates how different market services are interrelated with each other. Identify the effects of clustering objects street trade. Its main causes are the interaction effects: synergy and symbiosis common factors influence placement.*

***Ключевые слова:** торговая недвижимость, уличная торговля, синергия в торговле, стрит ритейл, факторы размещения, пространственный анализ местоположения, кластеризации ритейла.*

***Keywords:** commercial real estate, street retail, synergy of trade, street retail, placement factors, spatial location analysis, clustering of retail.*

Специфика объекта исследования и его размещения. Размещение торговой недвижимости в городе обусловлено совокупным влиянием различных факторов. Для торговых центров и других крупных объектов торговой недвижимости важнее всего внешние факторы, такие как объем платежеспособного спроса, сложившаяся инфраструктура, потребительское поведение. Локальные факторы (объем пешеходного потока, визуальная доступность, наличие парковки) влияют на малые объекты, например, микрорайонные [2, 3].

Особую роль в развитии торговли в городе занимают объекты уличной торговли – «стрит ритейл» (Street Retail), которые имеют свою нишу и своего потребителя. Под «стрит ритейлом» понимаются все торговые и офисные объекты, размещенные на первых этажах зданий, хотя в американской терминологии под этим термином подразумевают линейно вытянутый объект, использующийся для торговли с наличием парковки [7]. «Стрит ритейлу» свойственен историзм в развитии, торговые улицы в городе формируются в течение долгого времени. Постепенно развиваясь и эволюционируя, объекты «стрит ритейла» начинают специализироваться на каком-либо типе товаров или услуг, со временем специализация усиливается. Одним из факторов развития уличной торговли

является историческое изменение структуры города. В работе А. Попова [6] описываются различные периоды развития Москвы и структурные изменения, происходящие в городе в эти периоды. В период с 1860-х по 1917 г. происходило активное становление торговых улиц в столице, таких как Кузнецкий мост, Маросейка, Покровка, Большая Лубянка, Тверская и т.п. В советский период, при расширении города и реализации генплана, получили развитие радиальные проспекты (Ленинский, Ленинградский, Кутузовский и др.), тем самым формируя новые торговые коридоры [4]. Каждый период по-своему влиял на размещение объектов торговли, форматы и типы объектов: от торговых рядов в царское время и универсамов в советское, до строительства гипермаркетов и торговых центров в настоящий момент.

В зарубежной литературе выделяют следующие ключевые направления при размещении «стрит ритейла» [7]:

- высокое качество пешеходного потока, наличие целевой аудитории
- исторически сложившееся размещение
- органическое сочетание с существующим культурным окружением
- ориентация на пешеходов (pedestrian-friendly), в виде размеров и типов вывесок, витринных окон, удобной парковки, рекламных вывесок и т.п.

В зарубежных исследованиях при анализе «стрит ритейла» основное внимание уделяется описанию сложившихся торговых улиц. Исследования в этих направлениях носят прикладной характер и осуществляются преимущественно аналитиками в крупных консалтинговых компаниях. Отдельные же объекты уличной торговой недвижимости анализируются как «малые» торговые центры, оценивается индекс покупательной способности, уровень насыщения рынка и другие показатели в зоне обслуживания [8].

Одной из особенностей «стрит ритейла» является жесткая привязка к микрогеографии города. Например, если в городе есть потенциал для увеличения предложения торговых площадей, то торговый центр можно построить как в центре города, так и на его периферии, в то время как помещения под «стрит ритейл» не обладают такой гибкостью. Основным источником предложения новых объектов на рынке «стрит ритейла» – это оформление жилых помещений на красных линиях в нежилой фонд и открытие в них магазинов, что активно происходит в настоящий момент в регионах. Однако приспособленные и некачественные помещения не удовлетворяют требованиям современных арендаторов. Другой источник – создание помещений под «стрит ритейл» при строительстве нового жилья: застройщик заранее выделяет первый этаж под коммерческие цели, тем самым повышая свою доходность и решая социальные проблемы населения. Третий источник – строительство коммерческой недвижимости в виде многофункциональных центров или бизнес парков, где первые этажи выделены под качественные торговые помещения, соответствующие стандартам международных ритейлеров.

Необходимо учитывать, что в основном у каждого помещения «стрит ритейла» свой собственник, консолидация активов идет медленно, что сильно влияет на ротацию и состав арендаторов. Традиционными арендаторами объектов «стрит ритейла» являются кафе, рестораны, обувной и продуктовый ритейл, в последнее время активно в данном формате развивается сфера услуг (салоны красоты, медицинские и spa-салоны) [10]. Экспертным сообществом выделяются 12 категорий «стрит ритейлеров» (рис. 1). По маркетинговым оценкам, большую часть по-

мещений арендуют продуктовые ритейлеры, рестораны и кафе, продавцы детских товаров и товаров для дома (в том числе бытовой техники, мебели и т.д.).

В географических исследованиях изучают территориальную организацию торговли в городе, но мало исследований сложившегося размещения на локальном уровне, в частности, особенностей размещения торгового объекта по отношению к его окружению. Эти пробелы в основном заполняют исследования маркетологов [5]. Используя классические и геомаркетинговые подходы, маркетологи пытались сформировать стандартизированные требования не только к помещениям под «стрит ритейл», но и к характеристикам их локаций и окружения.

На основе анализе различных работ и требований ритейлеров к локациям, можно выделить внешние и внутренние факторы размещения.

Размещение объектов «стрит ритейла» зависит от следующих *внешних* факторов: численность и плотность населения, наличие платежеспособного спроса, транспортная сеть, генераторы пешеходного трафика (станции метро, торговые центры, ВУЗы и т.п.), соседство (конкуренция, сопутствующие товары и услуги), отсутствие ментальных негативных зон и т.д.

Численность населения и его доходы характеризуют платежеспособный спрос. Как правило, ритейлеры имеют показатели необходимой численности населения, проживающего в торговой зоне для открытия магазина. Если для одних торговых объектов требуются «резидентные» клиенты, проживающие в зоне влияния объекта, то для других, например аптек, нужны «транзитные» – пешеходные потоки, которые генерируются крупными торговыми центрами, станциями метро, остановками общественного транспорта. Транспортная сеть, во-первых, обеспечивает доступность товаров и услуг для населения, во-вторых, крупные магистрали могут служить генератором транзитных клиентов, что важно для крупных гипермаркетов и автомобильных салонов.

Особую роль для «стрит ритейла» играет фактор соседства. Эффект взаимодействия при совместном размещении объектов может быть разным:

- *симбиотическое* – объекты взаимно дополняют друг друга, дополнитель-

Рис. 1. Структура стрит ритейла Москвы, 2013 г.

Источник: sge.ru

ные услуги оказываются, не создавая ущерба, например, продуктовый магазин и аптека;

- *паразитическое* – один объект получает преимущества за счет другого, чаще всего происходит отбор целевой аудитории у крупного объекта. Пример, магазины мелкой электроники, «паразитирующие» на больших магазинах бытовой техники; другим примером служат спортивные товары, где один оператор – «якорь», он генерирует поток целевой аудитории, а более мелкие реализуют схожие товары;
- *синергетическое* – объекты одной товарной категории или сегмента размещаются рядом и создают кластер, это характерно для магазинов обуви, детских товаров и т.п. Возможно образование синергетического взаимодействия из паразитического;
- *отрицательное* – целевая аудитория одного объекта отрицательно влияет на целевую аудиторию другого, примером на рынке ритейлеров является детские товары и магазины нижнего женского белья;
- *конкурентное* – классическая конкуренция между двумя одинаковыми типами объектов;
- *нейтральное* – объекты не взаимодействуют между собой.

Одним из внутренних факторов, влияющих на размещение, является стоимость услуги и зависимость оборота от размера пло-

щади. Основной статьёй расходов «стрит ритейла», использующего высококвалифицированных специалистов, является заработная плата, географический фактор (территориальная доступность и пешеходный трафик) также влияет на цену. Виды услуг, в которых оборот положительно зависит от занимаемой площади – это кафе, рестораны и т.п. Объекты торговли, которые имеют высокий товарооборот на квадратный метр благодаря малой площади и большому ассортименту с высокими ценами – магазины ювелирные, мелкой бытовой электроники. К внутренним факторам относятся как технические требования к помещению, основанные на различных санитарных нормах или специфике услуг, так и архитектурные, в виде наличия витрин, отдельного входа для посетителей и персонала.

Экспертная классификация влияния внешних и внутренних факторов на различные типы объектов «стрит ритейла» в зависимости от их специализации проведена компанией Russian Research Group [12]. Выделено 8 сегментов «стрит ритейла» и они ранжируются по различным факторам. Однако некоторые факторы данной классификации дублируют друг друга, например, близость метро и пешеходный трафик, а сама экспертная оценка строится на качественных, а не количественных показателях. Эта оценка позволяет сформировать первичное понимание особенностей размещения объектов ритейла, на уровне экспертного мнения.

Количественная оценка влияния фактора соседства на примере Москвы. Одной из задач данной статьи является количественная оценка фактора соседства на примере сложившегося рынка торговой недвижимости. Для анализа существующего положения и оценки эффекта взаимодействия объектов «стрит ритейла» были взяты коммерческие объекты в Москве как пример сформировавшегося крупного рынка торговой недвижимости в России. Создана база данных, содержащая пространственные и семантические атрибуты, источником служили открытые информационные ресурсы, такие как Яндекс-справочник, 2GIS и т.п. База данных сформирована в MS SQL 2008R2 и содержит информацию о более чем 40 тыс. объектов, которые разделены на 29 типов объектов «стрит ритейла», основой классификации служит главный источник данных – 2GIS. Для анализа взаимодействия были сформированы пространственные и агрегирующие запросы на языке SQL, суть которых заключается в оценке числа различных типов объектов в зоне 500 метровой доступности от всех изучаемых объектов «стрит ритейла» и дальнейшей их агрегации с вычислением статистики по выделенным типам (рис. 2). В результате было обработано более 4 млн. комбинаций объектов между собой.

Для возможности наглядного сравнения полученных результатов они были нормированы по входящим в них показателям, чтобы сопоставлять выделенные типы с разной выборкой объектов. Итоговая формула нормирования и приведения показателей к общему виду выглядит следующим образом (1):

$$\sum_{i=1}^{N_a} N_{a-b} / (N_a * N_b), \quad (1)$$

где N_{a-b} – число объектов типа a входящих в 500 метровую зону объекта типа b , N_a – число объектов типа a , N_b – число объектов типа b .

При анализе полученной формулы со стороны комбинаторики этот показатель отражает долю существующих взаимных комбинаций от теоретически возможных. Для улучшения чтения характеристик в таблице они были увеличены на 4 порядка (табл. 1). Полученный показатель отражает эффект кластеризации: как часто один тип объекта размещен в зоне 500 метровой доступности другого типа объекта, учитывая

количество этих объектов. На этот показатель могут влиять внутренние и внешние факторы, одним из главных является наличие в зоне размещения станции метро. Для оценки этого фактора использованы данные компании SmartLoc об удаленности различных типов объектов «стрит ритейла» от станций метро.

Одним из факторов, оказывающих влияние на значения показателя кластеризации, является эффект внутренней кластеризации между объектами одного типа (под типом подразумевается одна из 29 выделенных категорий ритейла). Внутренняя кластеризация отражает, насколько часто объекты одного размещаются вблизи друг друга, а внешняя – относительно других типов. Для корректного сравнения результатов необходимо учитывать показатели только в рамках одной группы (т.е. значений всех показателей кластеризации 29 типов с одним выделенным). Корректно сравнивать между собой показатели внутренней кластеризации для различных типов. Так, например, книжные магазины кластеризуются между собой в 2 раза чаще, чем клубы, и почти в 4 раза чаще, чем мебельные магазины.

Среднее значение показателя кластеризации составило около 15 единиц, но среднее значение по группам имеет сильный разброс, от 8 для категории зоотоваров и до 23 – для кофеен. Высокие значения показателя кластеризации внутри одного типа наблюдаются у следующих категорий объектов: клубы, кофейни, компьютерные магазины, магазины учебных товаров, специализированные алкогольные магазины и объекты микрофинансирования. Повышенные значения имеют бары, обувные магазины и магазины верхней одежды. Выделенные группы характеризуются повышенной вероятностью размещения объектов возле своего же типа, что отражает синергию этих объектов. Если детальнее рассмотреть внешний фактор – расстояние до станции метро, то в этой группе выделяется микрофинансирование и кофейни, которые сильно зависят от этого значения. Следовательно, эффект внутренней кластеризации для этих типов объектов является косвенным, при их размещении следует учитывать фактор наличия станции метро, а не синергию внутри группы. При дальнейшем анализе таблицы хорошо прослеживаются повышенные значения кластеризации между

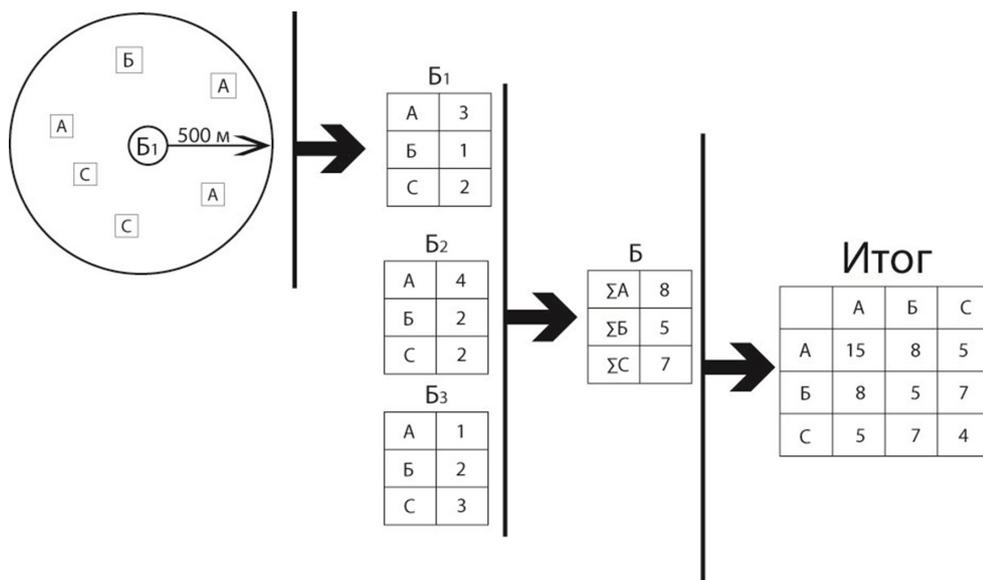

Рис. 2. Схема анализа взаимного размещения объектов

Источник: smartloc.ru

группами кофеен с ресторанами быстрого питания, суши-барами, микрофинансированием также в связи с близостью станции метро.

Для обобщения результатов моделирования приведена общая итоговая схема взаимного размещения объектов «стрит ритейла» в Москве со значимыми показателями. Критерием наличия связи между двумя типами объектов определены показатели взаимной кластеризации на 25% выше их среднего значения по группе. На основе этого критерия выделено 2 группы связей:

- **взаимная:** показатель взаимной кластеризации между двумя типами объектов выше средних значений по их группам. Хорошим примером служат категории «бары» и «рестораны», которые имеют средние значения по своей группе 16 и 17 соответственно, а значение взаимной кластеризации между собой этих типов составляет 26.
- **односторонняя:** показатель взаимной кластеризации выше среднего значения только одного типа. Этот эффект можно продемонстрировать на примере баров и магазинов алкогольных напитков, которые имеют средние значения по своей группе 16 и 11 соответственно, а значение взаимной кла-

стеризации между собой этих типов составляет 13, что является высоким показателем для магазинов алкоголя и низким для баров. Это означает, что специализированные алкогольные магазины, будучи зависимым типом, размещаются в среднем на 25% чаще около баров, которые является для них значимым объектом, но бары не тяготеют к ним.

При анализе взаимных и односторонних видов связей можно найти некоторые закономерности в размещении объектов. Например, объекты питания хорошо кластеризуются между собой, это связано с «центральной» их размещения. Одним из индикаторов является расстояние до станций метро. Объекты также дополняют друг друга, образуя симбиоз, особенно это касается смежных типов, таких как клубы и бары т.п. Выделяется четкая кластеризация между объектами, продающими бытовую и компьютерную технику, но нет связи между размещением типов ритейлеров, продающих крупную бытовую технику и мелкую электронику (салонов связи и малых магазинов, продающие портативные электронные устройства). Эффект односторонней кластеризации с другими типами объектов свойственен парикмахерским и студиям загара, которые приурочены к

районам с высокой плотностью населения и имеют дисперсное распространение, основной фактор размещения для них – наличие резидентных и транзитных клиентов.

Хорошо кластеризуются между собой обувные магазины и магазины верхней одежды. Обувные магазины довольно часто размещены в 500 метровых зонах от ломбардов и объектов микрофинансирования. Это объясняется тем, что все они имеют общие внешние факторы – наличие высокой плотности населения и небольшое расстояние от станции метро. Четко прослеживается связь между размещением магазинов канцелярских товаров и книжных магазинов, что характерно при симбиотическом варианте взаимодействия. В зоне 500 метров от специализированных алкогольных магазинов гораздо чаще встречаются бары, кофейни, кулинарии и рестораны, но нельзя сказать обратное, именно это характеризует частные связи. Похожая ситуация с магазинами детской обуви, которые тяготеют к обувным магазинам и верхней одежды, что отражает симбиотическое взаимодействие. Магазины канцелярских товаров кластеризуются с магазинами детской обуви, общим фактором в данном случае является высокая плотность населения, что свойственно

крупным жилым массивам, в которых создаются кластеры коммерческих объектов, обслуживающие население. Им свойственны односторонние связи, в то время как при общем факторе в виде близости метро ярче выделяются общие связи.

При рассмотрении выделенных типов (рис. 3) и выявленных взаимных и односторонних связей (табл. 1) можно сказать, что большинству объектов свойственно размещение в центре, хотя для многих фактор метро не является значимым. Формируя общие кластеры для удовлетворения спроса целевой аудитории, они тяготеют к центру, встраиваются в территориальную структуру города, размещаясь в локальных и городских узлах. В то время как большинство объектов, размещенных на периферии, не кластеризуются с другими типами или имеют редкие односторонние связи.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. В настоящее время рынок «стрит ритейла» в Москве имеет сложившуюся структуру арендаторов. Наибольшую долю от арендуемых площадей занимают продуктовый сегмент и внедомашнее питание (рестораны, кафе и т.п.), при этом продовольственные

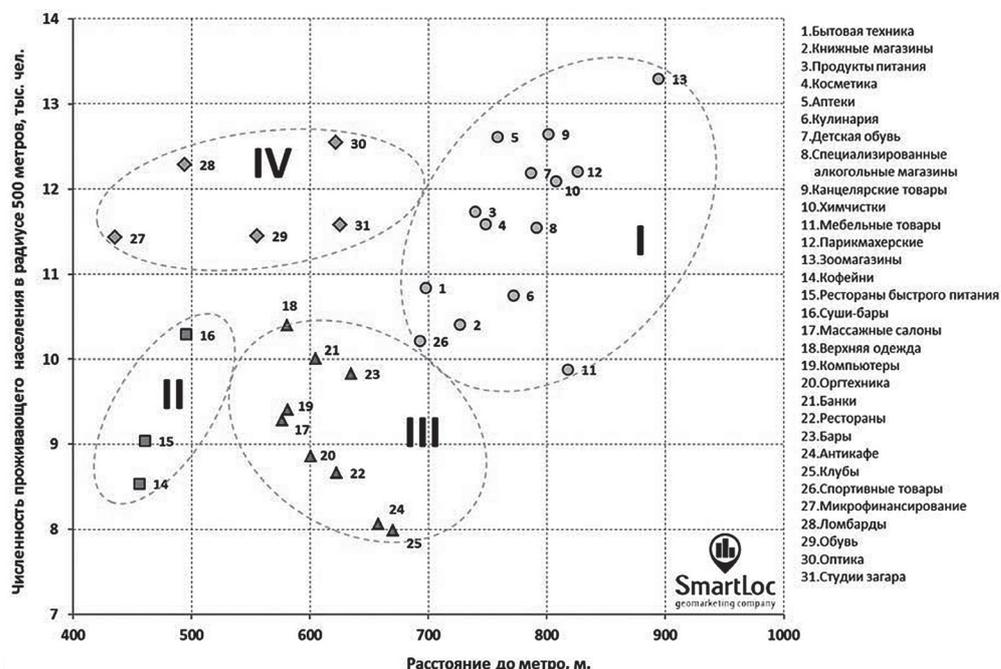

Рис. 3. Категории товаров и услуг с общим фактором размещения
Источник: данные компании SmartLoc

- магазины имеют дисперсное размещение, а внедомашнее питание тяготеет к центру города.
2. Объекты коммерческой недвижимости в формате уличных помещений имеют свою специфику размещения, где главным фактором является историческое развитие территории и потенциальный спрос на эти помещения со стороны арендаторов, что в свою очередь зависит от спроса населения на товары и услуги. Размещение объектов «стрит ритейла» зависит от множества факторов, среди которых особое место занимают факторы соседства и внутренней экономики предприятия.
 3. Дисперсное размещение объектов в городе отражается в низком показателе внутренней кластеризации. Это характерно для продуктовых магазинов, салонов оптики, химчисток, зоомагазинов, парикмахерских, размещённых в основном на периферии. Они могут агрегироваться в локальные кластеры для обслуживания местного населения, особенно в районах с высокой плотностью резидентных клиентов, т.е. образуются частные связи с симбиотическим односторонним взаимодействием с другими типами.
 4. Высокие значения кластеризации объектов характерны для типов ритейлеров, которые группируются, создают кластеры. Факторами являются, с одной стороны, эффекты синергии и симбиоза, что характерно для объектов общественного питания, а с другой стороны - внешние факторы: наличие метро или высокой плотностью населения в зоне обслуживания. Эти типы объектов размещены в основном в центральных районах, но могут создавать и крупные кластеры в более удаленных районах.

Библиографический список

1. Канаян К., Канаян Р. Проектирование магазинов и торговых центров. – М., 2007. – 424 с.
2. Короленко А.Р. Экономико-географический анализ размещения торговых сетей в городе Москве // Региональные исследования. – 2007. – № 3. – С. 33–37.
3. Козерод Л.А. Методы выбора и модели оценки месторасположения розничного торгового предприятия // Материалы междунар. научно-практ. конф. «Модернизация экономики России в контексте глобализации». Т. 2. – Хабаровск, 2011. – С. 136–146.
4. Кулакова И.П. История московского жилья. – М.: ОГИ, 2006.
5. Перекрест В.В. Формирование политики размещения розничных точек на основе принципов пространственного поведения потребителей. Дисс. ... канд. экон. наук. – М., 2006.
6. Попов А.А. Оценка территориальной дифференциации качества городской среды г. Москвы. Дисс. ... канд. геогр. наук. – М., 2008.
7. Design Standards & Guidelines. Traditional main street overlay areas. – Detroit, 2006. – 134 p.
8. Duggal N., Geography «Retail Location Analysis: A Case Study of Burger King & McDonald's in Portage & Summit Counties», Ohio, 2007. – 141 p.
9. Геомаркетинговая компания [Официальный сайт] URL: <http://smartloc.ru> (дата обращения: 20.02.2014).
10. Журнал по коммерческой недвижимости [Интернет-портал] URL: <http://cre.ru/rus/archivnews/70/0/0/29905> (дата обращения: 20.02.2014).
11. Журнал по коммерческой недвижимости в РФ [Интернет-портал]. URL: <http://bmetr.dkvartal.ru/news/236762483> (дата обращения: 20.02.2014).
12. Отчет геомаркетинговой компании [Интернет-портал] URL: http://rcsc.info/docs/rrg_street_section_29.05.13.pdf (дата обращения: 20.02.2014).

Королёв А.А., Яблоков В.М. (Москва)

МОДЕЛЬ ТРАНСПОРТНОЙ ОСВОЕННОСТИ ТЕРРИТОРИИ НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ ФРАКТАЛОВ

Korolev A.A., Yablokov V.M.

THE MODEL OF ESTIMATION OF TRANSPORT DEVELOPMENT OF A TERRITORY BASED ON THE FRACTAL THEORY

Аннотация. Почти все прежние показатели, оценивающие уровень транспортной освоённости территории, в качестве главного показателя используют соотношение протяженности транспортной сети и площади территории. Авторы предложили новый показатель уровня транспортной освоённости территории, основанный на теории фракталов, исключающий использование значения площади территории и учитывающий особенности структуры самой транспортной сети. Фрактальная размерность каждого шестигульника отражает разный уровень транспортной освоённости территории. Наблюдаются низкие значения фрактальной размерности на территории с отсутствием населённых пунктов и увеличение ее значений в окрестностях городов. Прослеживается зависимость между величиной плотности города и ростом площади с высоким показателем фрактальной размерности вокруг него. Лишь 3% территории Австралии имеет высокий уровень транспортной освоённости.

Abstract. Most of the previous indices of estimation of transport development of territory have different disadvantages because used the ratio between the length of transport ways and the land area. Authors decided to move away from the index based on the land area and proposed the index of transport development of territories using the characteristics of transport networks themselves. To achieve the goal fractal theory was applied. Index that can reflect transport development of any territory in the best way is proposed. Fractal dimension reflects the different levels of territorial transport development. Its lowest level is typical for the areas without settlements. Than the higher fractal dimension, than bigger the size of city which serves the surroundings. Only 3% of Australian area has high level of territorial transport development.

Ключевые слова: транспортная освоённость территории, показатель Энгеля, транспортная сеть, теория фракталов.

Key words: transport development of territory, Engel index, transport network, fractal theory.

Введение. В работе предложен показатель, который наилучшим образом отражает транспортную освоённость любой сухопутной территории (обеспеченность территории транспортными путями).

Большинство авторов, исследуя транспортную освоённость территории, сопоставляют протяжённость транспортных сетей с площадью территории (например, коэффициенты Ботчера, Хенкеля, Энгеля–Юдзуру Като и Успенского, формула Колосовского и др. – [3]), что само по себе ведёт к заблуждению. При площадном сравнении транспортной освоённости нескольких территорий необходимо учитывать лишь площадь транспортно освоённых территорий. Например, транспортная освоённость обжитых районов Австралии и Франции достаточно велика, однако, если давать значение показателя относительно площади стран, то Австралия останется далеко позади Франции из-за отсутствия транспортных сетей в больших по площади не обжитых районах. Такая задача и представ-

ляет парадокс, т.к. по сути, определяя освоённость территории, мы должны знать, что такое освоённая территория (а чёткого определения этого понятия на сегодняшний день нет).

Для того, чтобы разрешить эту сложную методологическую проблему, мы предприняли попытку отойти от «площадной» составляющей показателей транспортной освоённости территории и рассмотреть уровень сложности самой транспортной сети. И, чтобы в дальнейшем связать развитость транспортной сети с транспортной освоённостью территории, была сконструирована модель транспортной освоённости территории на основе теории фракталов.

Модель транспортной освоённости территории на основе теории фракталов. Прежде чем перейти к основным положениям модели необходимо ввести некоторые понятия.

Топологическая размерность (D). Это понятие применимо лишь к евклидовой геометрии, в которой оно определяется как

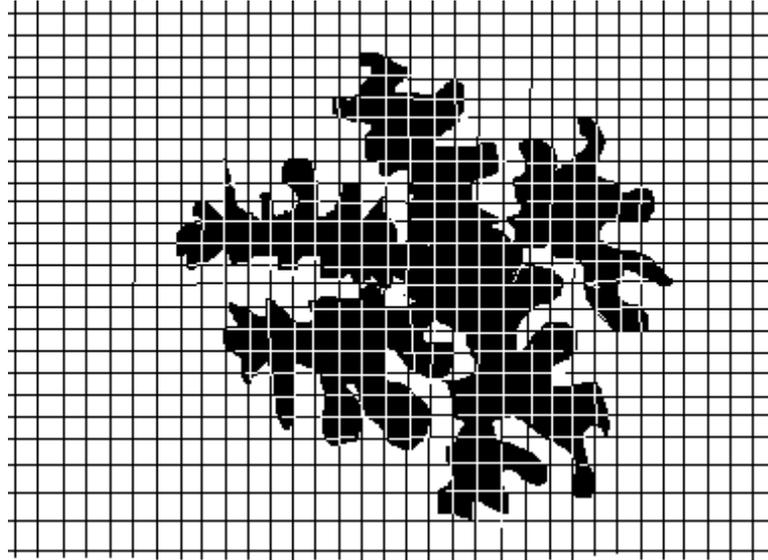

Рис. 1. Определение размерности Хаусдорфа ячеечным методом

количество параметров, необходимых для описания состояния объекта. У точки топологическая размерность равна 0, у линии – 1, у площади – 2, у трехмерного пространства – 3. Топологическая размерность может быть только целым числом.

Размерность Хаусдорфа (d). Эта размерность принципиально отличается от предыдущей тем, что она может принимать дробные значения. Данная размерность применима не только для евклидовой геометрии, но и для геометрии природы, в которой нет идеальных прямых, ровных поверхностей (в отличие от евклидовой геометрии). А, значит, не существует такой линии, которая (при определённом приближении) не стремилась бы занять некую площадь, и такой площади, которая не стремилась бы занять некий объём.

Прежде всего, размерность Хаусдорфа некоторого объекта может быть определена по его двумерному или трехмерному изображению. Здесь расчет размерности базируется на основе так называемого ячеечного (boxcounting) метода определения размерности Хаусдорфа объекта произвольной геометрии. Суть метода состоит в следующем. Изображение объекта покрывается сеткой с размером ячейки δ (см. рис. 1).

Подсчитывается число ячеек $N(\delta)$, полностью покрывающих исследуемый объект, как функция размера ячейки δ , т.е. число темных клеточек и клеточек, содержащих затемнен-

ные фрагменты. И размерность Хаусдорфа находится с помощью соотношения:

$$d_f = \lim_{\delta \rightarrow 0} \frac{\ln N(\delta)}{\ln\left(\frac{1}{\delta}\right)}$$

Теперь выведем формулу для вычисления размерности любого объекта [4].

Рассмотрим евклидову плоскость с декартовой системой координат. С помощью прямых, параллельных координатным осям, разобьём всю плоскость на маленькие квадраты (клетки) со стороной $\varepsilon > 0$.

Пусть дано ограниченное множество A на плоскости. Определим $N(\varepsilon)$ как минимальное число клеток, совокупность которых покрывает A . Если A – обычная фигура, допустим, круг, то

$$\text{площадь } A = \lim_{\varepsilon \rightarrow 0} \varepsilon^2 N(\varepsilon)$$

При $\varepsilon \rightarrow 0$ число занятых клеток $N(\varepsilon)$ растёт как (площадь A) / (ε^2). Знаменатель этой дроби указывает на размерность: она равна 2, а числитель – на величину площади, условно говоря, 2-меры.

В общем случае множество A имеет размерность $d = \dim A$, $0 \leq d \leq 2$, если при $\varepsilon \rightarrow 0$ число клеток $N(\varepsilon)$ растёт как C/ε^d , где C – некоторая положительная константа, называемая d -мерой множества A . Это означает, что

$$C = \lim_{\varepsilon \rightarrow 0} \varepsilon^d N(\varepsilon)$$

Размерность может быть найдена по формуле:

$$d = \lim_{\varepsilon \rightarrow 0} \frac{\ln N(\varepsilon)}{\ln \frac{1}{\varepsilon}} \quad (1)$$

поскольку

$$\begin{aligned} \lim_{\varepsilon \rightarrow 0} \frac{\ln N(\varepsilon)}{\ln \frac{1}{\varepsilon}} &= \lim_{\varepsilon \rightarrow 0} \frac{\ln \frac{C}{\varepsilon^d}}{\ln \frac{1}{\varepsilon}} = \\ &= \lim_{\varepsilon \rightarrow 0} \frac{d \ln \frac{1}{\varepsilon} + \ln C}{\ln \frac{1}{\varepsilon}} = d \end{aligned}$$

Для множества на числовой оси вместо покрытий квадратными клетками со стороны ε мы говорим о покрытии отрезками длины ε . Размерность определяется по формуле (1), в которой $N(\varepsilon)$ – минимальное число таких отрезков.

Теперь, зная, что такое дробная размерность, перейдём к примерам фигур с такой размерностью.

Фрактал – геометрическая фигура, обладающая свойством самоподобия, то есть составленная из бесконечного количества частей, каждая из которых подобна всей фигуре целиком [1]. В математике под фракталами понимают множества точек в евклидовом пространстве, имеющие дробную метрическую размерность (Хаусдорфа), либо метрическую размерность, отличную от топологической.

Теперь, пояснив основные термины, понимание которых необходимо для дальнейшего изучения работы, перейдём непосредственно к модели транспортной освоенности территории.

Основные положения модели транспортной освоенности территории

1. Так как модель множества точек на плоскости может пониматься как достаточно универсальная форма размещения элементов геосистем, то в нашей работе геопространство будет представлено именно как двумерное пространство – территория [2].

2. Под максимальной транспортной освоенностью территории мы понимаем возможность попадания из каждой точки территории в любую другую точку территории по

кратчайшему расстоянию. Так как в реальном мире необходимо попадать не в точку, а в какой-либо пункт, то

3. Под точкой мы понимаем пункт. Теперь определим понятие Пункт.

4. Пункт – площадной объект, размеры которого (его площадь) в данном масштабе изучения ничтожны.

5. Площадной объект – совокупность точек, местоположения которых принимаются идентичными местоположению центра пункта (т.е. попадание в центр площадного объекта равносильно попаданию в любую точку площадного объекта; очевидно, верно и обратное – попадание в любую точку площадного объекта равносильно попаданию в его центр).

6. Любую территорию (поверхность, площадь) можно представить в виде конечного количества пунктов в определённом масштабе.

7. Следствием из утверждения 5 является то, что расстояния между двумя площадными объектами равно расстоянию между их геометрическими центрами

8. Т.к. утверждение 7 верно только для окружности, следовательно, площадной объект в идеальном случае представляет окружность.

Но

9. Т.к. площадной объект должен заполнять всю территорию (см. утв. 6), то площадной объект – это фигура, наиболее приближенная к окружности, способная заполнить всю территорию. Следовательно, площадной объект есть шестиугольник.

10. Исходя из утверждения 2, транспортная освоенность территории будет максимальной тогда и только тогда, когда все центры шестиугольников будут соединены между собой гранями (см. рис. 2).

11. Грань – линейный объект территории, не имеющий площади и соединяющий центры двух любых шестиугольников. Грань представляет собой линию, проложенную вдоль оси какой-либо существующей дороги.

12. Очевидно, что любую дорогу в определённом масштабе можно представить в виде конечного количества граней.

Утверждение 10 даёт возможность дать первоначальное определение ТОТ:

13. Транспортная освоенность территории – это отношение настоящего количества граней к максимально возможному для данного количества шестиугольников

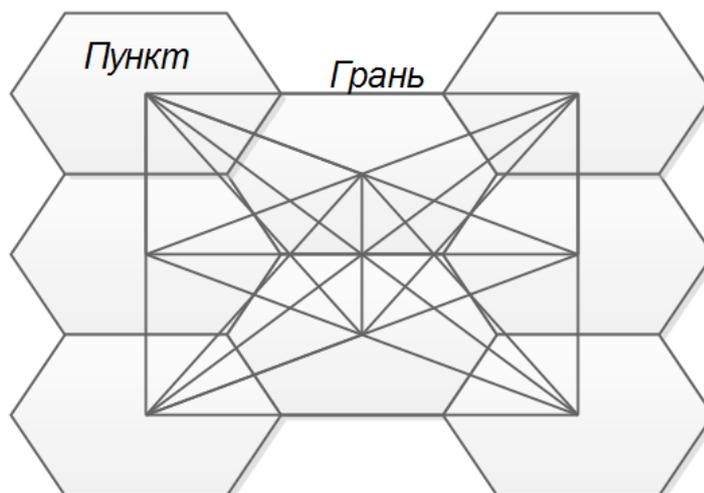

Рис. 2. Максимальная транспортная освоенность территории (составлено авторами)

$$\text{ТОТ} = \frac{2k}{n(n-1)}, \quad (2)$$

где k – фактическое количество дорог/граней, а n – количество шестиугольников.

14. Линейный масштаб – длина стороны шестиугольника на местности; Площадной масштаб – площадь одного шестиугольника на местности.

Так как любая линия вне евклидового пространства до определённого масштаба представляет собой фрактал, то под транспортной освоенностью территории можно понимать стремление дорог занять всю площадь (это, по сути, и отражает формула (2)), на которой они находятся (в определенном масштабе). Т.е. мы не противоречим утверждению 2 нашей модели. Следовательно, транспортную освоенность территории можно представить в виде отношения размерности изучаемой дороги к размерности площади (т.е. размерности, равной 2).

Отсюда:

$$\text{ТОТ} = \frac{d}{2}$$

или

$$\text{ТОТ} = \frac{1}{2} \lim_{\varepsilon \rightarrow 0} \frac{\ln N(\varepsilon)}{\ln \frac{1}{\varepsilon}}, \quad (3)$$

где d – размерность дороги, ε – длина шага (длина стороны шестиугольника).

Формула (3) более пригодна для оценки уровня транспортной освоенности территории, т.к. представляет собой более эффективный метод подсчёта, а также не противоречит основным положениям модели.

Материалы и методы. Для реализации модели были использованы программы ArcGis и Microsoft Excel. В качестве источника информации о структуре и размере автодорожных сетей разных стран и регионов был взят Open Street Maps. Все построения и вычисления производились авторами.

В программе ArcGis, с помощью специального набора инструментов, а также программирования на языке Python, была получена сеть шестиугольников на всю площадь земной поверхности, также были получены слои с автодорогами по всему миру.

Размер шестиугольника составил 1500 км² (периметр описанной около него окружности равен приблизительно 45 км) с той целью, чтобы большинство населённых пунктов имели единую транспортную освоенность. Так как выбранный масштаб исследования не способствует изучению внутригородских различий транспортной освоенности территории (масштаб исследования – страновой), то, следовательно, различные фрактальные размерности сети в пределах одного населённого пункта могут вносить лишь дополнительные погрешности в исследование.

Фрактальная размерность считалась по вышеприведённой формуле в программе ArcGIS. Все данные в дальнейшем обрабатывались в программе Microsoft Excel.

Результаты применения модели. В качестве промежуточного результата работы представлена карта фрактальной размерности автодорожной сети Австралии.

В качестве примера была выбрана именно Австралия, так как её автодорожная сеть развита не повсеместно, а имеет очаговое распространение. Сильно развитые транспортные сети расположены в плотно заселённых районах страны: на юго-востоке и в меньшей степени на юго-западе. По генезису (социально-экономическому происхождению) транспортные линии Австралии можно разделить на 3 группы:

Транспортные магистрали, построенные от месторождений полезных ископаемых к портам.

Трансконтинентальные дороги (запад – восток и север – юг), а также дороги вдоль побережья.

Дороги, соединяющие основные социально-экономические центры страны.

Именно потому, что перед нами ставится задача изучения различных типов автомобиль-

ных дорог с точки зрения фрактальной размерности, исследование такой страны, как Австралия, представляет большой интерес.

Каждому интервалу транспортной освоенности можно дать следующую характеристику:

- 0 – 0,5000000 – транспортно неосвоенная территория; полное отсутствие дорог или точечное распределение для данного масштаба исследования
- 0,5000001 – 0,6250000 – транспортно низкоосвоенная территория; есть единичные, пересекающие территорию дороги
- 0,6250001 – 0,8000000 – транспортно среднеосвоенная территория; существуют неразвитые сети дорог между населёнными пунктами
- 0,8000001 – 0,8750000 – транспортно высокоосвоенная территория; развитые сети дорог между населёнными пунктами
- 0,8750001 – 1 – наивысшая транспортная освоенность; имеется развитая сеть дорог вне зависимости от населённых пунктов.

Как видно на карте (рис. 3), фрактальная размерность каждого шестиугольника отражает разный уровень транспортной освоенности территории.

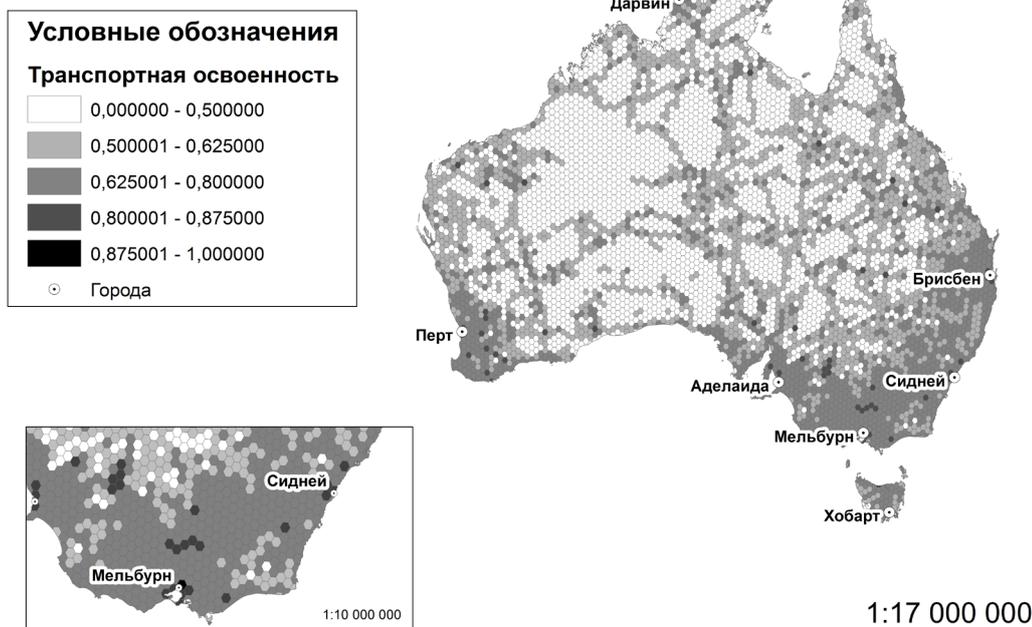

Рис. 3. Уровень транспортной освоенности автодорожной сети Австралии (составлено авторами)

Различия в уровне транспортной освоенности территории Австралии

Типы транспортной освоенности территории	Уровень транспортной освоенности территории					Итого
	очень низкий	низкий	средний	высокий	очень высокий	
Значения транспортной освоенности	0-0,5	0,5-0,625	0,625-0,8	0,8-0,875	0,875-1	
Площадь территории страны, тыс. км ²	3526,8	2484,6	1596,2	67,4	1,4	7676,3
Доля в площади территории страны, %	45,94	32,36	20,8	0,88	0,02	100
Протяжённость всей сети автодорог, тыс. км	5,804	98,83	389,159	118,242	13,143	625,173
Доля в протяжённости всей сети автодорог, %	0,9	15,8	62,3	18,9	2,1	100

Наблюдаются низкие значения фрактальной размерности на территории с отсутствием населённых пунктов и увеличение ее значений в окрестностях городов. При этом отчётливо прослеживается зависимость между величиной людности города и ростом площади с высоким показателем фрактальной размерности вокруг него.

Что касается численных значений транспортно освоенной территории Австралии, то 45% её территории имеет транспортную освоенность равную 0 (полное отсутствие дорожной сети). На остальных 55% территории наблюдается различные значения транспортной освоенности с преобладанием значений в интервале от 0,5 до 0,875.

Как видно из таблицы 1, на 55% транспортно освоенной территории доминирует уровень транспортной освоенности в интервале от 0,5 до 0,625 (на него приходится около 32% территории страны). 22% территории имеет значение показателя в интервале от 0,625 до 0,8. И лишь малая доля территории имеет высокий уровень транспортной освоенности в диапазонах 0,8 – 0,875 и 0,875 – 1 (1% и 0,03% соответственно).

Районами с самым высоким уровнем транспортной освоенности территории являются окрестности крупнейших городов страны – Мельбурна (среднее значение – 0,85), Сиднея (0,844), Аделаиды (0,833), Брисбена (0,815), Перта (0,805).

Предложенная нами модель позволяет с определённой точностью:

- отобразить пространственную дифференциацию в уровне освоенности территории различными типами автомобильных дорог внутри страны
- получить возможность межстрановых сравнений по показателю уровня транспортной освоенности территории
- определить процентное соотношение освоенной и неосвоенной территорий
- вычислить абсолютные размеры территории с разным уровнем транспортной освоенности и вообще неосвоенных территорий
- выявить наименее и наиболее освоенные районы страны
- придать количественные значения любой дорожной сети с точки зрения её развитости (уровня пространственной сложности) для любой территории.

Библиографический список

1. Мандельброт Б.Б. Фрактальная геометрия природы. – М.: Институт компьютерных исследований, 2002.
2. Топчиев А.Г. Пространственная организация географических комплексов и систем. – Киев–Одесса: Высшая школа, 1988.
3. Ушаков С.С., Василевский Л.И. Транспортная система мира. – М.: Транспорт, 1971.
4. Федер Е. Фракталы. – М.: Мир, 1991.
5. OpenStreetMaps, сайт [Электронный ресурс] URL: <http://www.openstreetmap.org> (Дата обращения: 01.01.2013).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Иванова Н.В. (Москва)

МЕХАНИЗМЫ СЕТЕВОГО РЕОСВОЕНИЯ АГРОЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В РЕГИОНАХ РОССИИ

Ivanova N.V.

NETWORK REOSVOENIYA'S MECHANISMS OF AGROECONOMIC SPACE IN REGIONS OF RUSSIA

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные направления сетевого развития агроэкономического пространства и методические основы формирования механизма его реосвоения в экономике регионов Российской Федерации. Определены принципы пространственной организации современной России с целью решения стратегических задач сбалансированного развития регионов и страны в условиях глобализации.*

***Abstract.** In article the main directions of network development of agroeconomic space and methodical bases of formation of the mechanism of its reosvoeniye in economy of regions of the Russian Federation are considered. The principles of the spatial organization of modern Russia for the purpose of the solution of strategic problems of the balanced development of regions and the country in the conditions of globalization are defined.*

***Ключевые слова:** региональное развитие, агроэкономическое пространство, сетевая структура, реосвоение, государственное регулирование.*

***Keywords:** regional development, agroeconomic space, network structure, reosvoeniye, state regulation.*

Современные процессы усиления урбанизации в России и других странах мира все сильнее отражают контрасты в расселении населения на территории страны (более 70% – городское население) и делают очевидным невозможность выживания будущих поколений в рамках искусственно выстроенных городских систем, без соответствующего развития сельских поселений и агроэкономического пространства регионов страны в целом.

Агроэкономическое пространство включает в себя совокупность взаимосвязанных субъектов, объектов и процессов хозяйственной деятельности, протекающих преимущественно на полевой (равнинной) территории, с учетом развития системы равного партнерства населения сельских и городских поселений, что обуславливает взаимное развитие региона, территории и страны в целом.

Сетевая организация агроэкономического пространства обусловлена как естественными условиями его самоорганизации и развития (связь и сетевая зависимость развития сельских и городских поселений от

природно-ресурсного, социально-демографического, территориального потенциалов сельских поселений и территорий), так и рядом внешних и внутренних факторов регрессивного и прогрессивного развития, создаваемых искусственными, целевыми, «стихийными» и комбинированными методами.

Таким образом, сетевая организация агроэкономического пространства может быть выражена в следующих формациях:

1. Естественные сетевые структуры – взаимосвязи природно-ресурсного, территориального, социально-демографического потенциалов и ресурсов.

2. Искусственный характер носят организационные структуры, созданные на основе взаимодействия и партнерства предприятий:

- команда для реализации конкретной цели или разработки идеи, необходимой для инновационного развития крупного предприятия;
- создание и обучение на базе крупной организации малого предприятия с предоставлением разных видов помощи на этапах его развития;

- средние и малые предприятия – дочерние организации, юридически самостоятельные, но, имеющие крепкие неформальные связи с основной (материнской) компанией и экономически зависимые от базовой структуры (сателлитная форма) и т. д.

3. Возникновение «стихийных» сетевых структур характерно в периоды различных реформаций в целях приоритетности защиты интересов определенных, обособленных страт и ослабления (или усиления) общественной воли (например, организация в агроэкономическом пространстве региона экологически несовместимых добывающих проектов («Воронежский никель»)). Как правило, в общей системе «стихийности» имеется невидимый организатор, руководящий и целенаправленно координирующий процесс. «Стихийные» сетевые организации могут носить как разрушающий, так и созидательный характер, в зависимости от цели организатора и организационного поведения сетевой группы.

Сетевые структуры, созданные на базе целевого метода, формируются в рамках плановых программ и проектов. Комбинированные сетевые структуры могут содержать в себе сочетание двух или более методов сетевой организации. Сетевой принцип организации характерен для многих проявлений биологической, экономической, политической жизни в природе и обществе.

Согласно определению сети, любое взаимодействие и взаимосвязь двух и более участников какого-либо процесса является сетевым. Сети и сетевое развитие «по умолчанию» включается в определение понятия «интеграция» – процесс объединения частей в целое и «система» – множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определённую целостность, единство. Таким образом, вопрос условных различий преимущественно лежит в плоскости характера отношений, соподчинения и направлений взаимосвязей в сети, интеграционном объединении или системе. В широком значении определения сети, как феномена кооперации, понимается целый спектр координационных механизмов среди ее участников – от неформальной коммуникации до информационно-плановых систем (альянсов), сложных интеграционных структур (совместных предприятий и франчайзинговых отношений).

С точки зрения эволюции сети необходимо рассматривать механизмы и условия, которые влияют на появление определенных отношений и форм сетей с течением времени, что будет иметь возрастающее значение для понимания взаимосвязи между формой «сетевой организации» и социально-экономическими результатами в конкретном пространстве [10].

В настоящее время сетевая форма организации играет ключевую роль в развитии национальных и региональных экономик мира. Создание сетевых организационных структур развития региональной экономики (сетизация) представляет собой метод преимущественно горизонтальной интеграции, заключающийся в формировании сети с ее узлами и связями для достижения целей соответствия с потребностями и ожиданиями пространственно-экономической трансформации.

Сущность механизма функционирования региональной агроэкономической сети состоит в агрегировании субъектов агропродовольственного рынка, в частности агроэкоферм и предприятий в агроэкокластеры на территориях регионов России, интеграционные процессы в которых возможны на основе доверия и координации, что предполагает обмен информацией и эффективными проектными решениями между участниками в структуре пространственной сети.

Интеграционные отношения между субъектами сетевой структуры связаны общей целью максимально эффективного использования имеющегося ресурсного потенциала и должны руководствоваться общей долгосрочной целью системного пространственно-экономического развития территории, а также действовать по единым согласованным правилам. Сетевые структуры носят композитный характер: они могут содержать внутри себя типы или «элементы» иерархической и горизонтальной структур.

Системная трансформация агроэкономического пространства регионов страны включает совокупность структурных трансформаций институциональных действий и пространственного сжатия агроэкономической платформы регионов.

Институциональная трансформация включает эволюционный и реформационно-революционный этапы, на которых произошли существенные изменения демо-

графической, социально-экономической и экологической ситуации в регионах страны.

Земельно-ресурсная трансформация, изменение инновационной системы, преобразование организационных структур в экономическом пространстве регионов страны повлекли за собой трансформацию всей системы продовольственного обеспечения и потребления продуктов питания населения.

Сжатие территорий обрабатываемых земель в агроэкономическом пространстве России за последние 20–25 лет является результатом отсутствия сетевого взаимодействия внутри экономического пространства в регионах страны. Данная ситуация обуславливает необходимость реосвоения агроэкономического пространства страны, что должно включать восстановление производственных сетевых взаимодействий в четко очерченных ареалах активного развития сельской местности. Внутренними импульсами пространственно-сетевой организации региональной экономики должны выступать как агломерационные системы, так ментальная инициатива региональных властей, предпринимателей и самого населения российских регионов.

Агроэкономический ландшафт во многом создают географические факторы: природно-климатические условия, размещение населения и обустройство территории, близость к городам [7].

В агропространстве дифференцировано два вида ренты: по плодородию и по положению. Сочетание тепла и влаги в России более благоприятно на 14% территории, в основном в Европейской части страны южнее Оки, где сосредоточено 58% сельского населения. Тем не менее, в 2010 г. 31% всей продукции сельского хозяйства производилось в Нечер-

ноземье (в 1990 г. было 40%) и еще 21% – за Уралом (было 23%) [8].

В России в 1990-х гг. также наблюдались процессы изменений в территориальном разделении труда и сдвиг агропроизводства в южные районы с более благоприятными природными условиями и высоким социальным потенциалом.

В настоящее время различия между пригородами и периферией в Нечерноземье и за Уралом сохранились, либо усилились, вследствие чего произошло сжатие агроэкономической деятельности к городам, несмотря на высокую стоимость пригородной земли, экспансию дачной и коттеджной застройки, технический прогресс, резко снизивший влияние физической удаленности на радиусы доставки сырья. В результате, современный опорный каркас развития агроэкономического пространства региона состоит из отдельных очагов и ареалов.

Пространственные трансформации последних двадцати лет связаны с тем, что хозяйственная деятельность вне городов приходит во все большее соответствие с наличием природного и человеческого потенциалов, что усиливает диспропорции в развитии экономического пространства регионов страны, а также определяет своевременность сетевой реструктуризации агроэкономического пространства во всех регионах страны.

Благоприятные природно-климатические условия, устои и традиции быта сельского населения закрепили роль лидеров в производстве агропродукции за Южным и Приволжским округами. Производство сельскохозяйственной продукции и ее переработка в ряде регионов в указанных округах (особенно в Южном) являются отраслями специализации.

Таблица 1
Распределение федеральных округов РФ по производству агропродукции в 2011 г.

	Производство сельхозпродукции в расчете на одного жителя, тыс. руб.		Место округа в РФ	
	1991 г.	2011 г.	1991 г.	2011 г.
Российская Федерация	1,8	22,8		
Центральный федеральный округ	1,6	19,8	5	5
Северо-Западный федеральный округ	1,2	11,5	8	8
Северо-Кавказский федеральный округ	2,1	26,0	3	3
Южный федеральный округ	2,4	36,8	1	1
Приволжский федеральный округ	2,2	26,7	2	2
Уральский федеральный округ	1,4	19,2	7	6
Сибирский федеральный округ	1,8	22,9	4	4
Дальневосточный федеральный округ	1,5	17,9	6	7

Источник: [11].

Вместе с тем, большее количество сельских поселений сконцентрировано в Центральном федеральном округе, но наибольшая численность сельского населения – на территории Приволжского федерального округа.

Динамика изменения объектов и численности населения в агроэкономическом пространстве России свидетельствуют о уменьшении его потенциала в регионах страны. Общая численность сельского населения за период 2002–2010 гг. в России сократилась на 1195 тыс. чел. На территориях агроэкономического пространства проживает лишь 26% населения страны [12].

В 2010 г. общее число сельских поселений сократилось на 2165 ед., в том числе, увеличилось число «безлюдных поселений». В 2002 г. на территории России насчитывалось 13086 сельских поселений без населения, в 2010 г. – 19416 поселений. Таким образом, за период 2002–2010 гг. число «опустевших» сельских поселений увеличилось на 6330 сел [9]. Наиболее остро эти деструктивные процессы протекали в Центральном, Северо-Западном, Приволжском и Сибирском федеральных округах.

Для преодоления острых социально-демографических и эколого-экономических проблем современного развития России целесообразно использовать метод сетевой организации стратегических отраслей экономики страны на микро- мезо- и макроуровнях управления.

Обязательное условие сетевой организации – централизованное руководство и централизованные функциональные структурные подразделения по ключевым вопросам деятельности. Сети могут быть объединены брэндом, фирменным стилем, информационной системой, поставщиками, ассортиментом товаров, программами обучения персонала, и т.д.

Основными достоинствами сетевого принципа организации в развитии агроэкономического пространства регионов России являются:

- снижение удельных затрат и инвестиций, необходимых для быстрого создания агроэкспродуктов и выхода с ними на рынок;
- высокий статус информационных и кадровых средств интеграции;
- компетентность членов организации и их личная эффективность обеспе-

чиваемая высоким уровнем трудовой дисциплины;

- направление ограниченных ресурсов компаний на создание и поддержание конкурентного преимущества.

Методология направленного формирования регионального сетевого образования включает следующие аспекты:

- определение направлений хозяйственной деятельности, наиболее характерных для определенного региона, которые являются основой для формирования региональных сетевых агроструктур;
- разработка производственно-технической структуры сетевого образования на основе завершённых групп производств с получением конкретного продукта;
- на базе производственно-технологической структуры сети предприятий осуществляется формирование структуры сетевого образования в агроэкономическом пространстве;
- в состав сетевого образования включаются структуры, с которыми постоянно сотрудничают его производства [1].

Интеграционные взаимодействия крупного, среднего и малого бизнеса возможно как через взаимодействие по горизонтали (партнерство) и через вертикальное взаимодействие (управление). Синтетическая теория «новой» пространственной экономики отдаёт приоритет нематериальным факторам производства и инновационным ресурсам, а также предусматривает активное структурообразование в региональной экономике (сетевые конструкции и кластерные формы организации производственно-экономических систем, опорные каркасы и т.д.) [3].

Конкурентоспособной формой размещения производительных сил являются региональные кластеры, о чем свидетельствует опыт многих стран. В кластерах пространственное структурирование производится вокруг командных и управляющих центров, способных определять стратегические направления развития сети, координировать, вводить инновации и управлять взаимосвязанными видами деятельности сетевых предприятий. Кластеры отражают взаимодействие организаций, входящих в него, по-другому – кооперацию или синергию.

Повышение конкурентоспособности экономики регионов России является актуальной проблемой развития страны. Понятие «конкурентоспособность» включает в себя социальный, управленческий, экономический, научный, образовательный, культурный аспекты развития, представленные конкретными субъектами деятельности (органы власти, частные, муниципальные и государственные предприятия и учреждения, образовательные и научные структуры). Учитывая это, важно оптимизировать взаимодействие между ними с целью улучшения использования имеющихся ресурсов, научно обоснованным подбором и объединением предприятий, организаций и учреждений в соответствии с естественными и социально-экономическими условиями региона, его транспортным и экономико-географическим положением позволяет получить существенный экономический эффект [4]. Одним из основных путей сотрудничества предприятий является их взаимодействие в целях приобщения к новейшей технике и технологии, совместной подготовке и переподготовке кадров, продвижению продукции на рынке. Концепция кластера предусматривает теоретические основы анализа данных процессов. Кластеры должны создать благоприятные условия для их участников, особенно для небольших компаний, потенциал роста которых ограничен [5].

Практическое развитие кластерных моделей в регионах России (агропромышленные кластеры Сибири: ПАРК и САД, Краснодарский агропромышленный кластер, проект «Зеленая долина», Ульяновский агрокластер «Новая деревня», агрокластер респ. Мордовия и др.) доказывает реальную возможность достижения синергетического эффекта за счёт создания настоящего полного производственного цикла – от сырьевой базы до глубокой инновационной переработки, посредством развития уникальных технологий в кооперации со смежными отраслями и предприятиями.

Вместе с тем, с помощью государства должна быть выведена рамочная модель сетевой организации, благодаря которой регионы смогут действовать и создавать свои местные сетевые структуры повышения конкурентоспособности региональной экономики в виде агроэкокластеров. Сетевое реосвоение агроэкономического простран-

ства регионов России позволит преодолеть процессы дезинтеграции, а сетевая стратегия может выступать в виде региональной политики подготовки объединения территорий.

При разработке концепции сетевого развития агроэкономического пространства необходимо принимать во внимание специфику развития аграрного производства и саморазвития всех аспектов аграрных отношений, возникающих в регионе. Концепция политики пространственного развития в регионах РФ должна основываться на анализе результатов аграрных преобразований, состояния всех отраслей аграрной сферы в России и должна быть органичной частью общей экономической реформы и экологического перехода [6] к стабильному развитию. Создание конкурентно приемлемых финансовых условий для развития агроэкономического пространства и для переработки сельхозпродукции в местах ее производства влечет за собой возможности освоения и устойчивого развития регионов страны, инфраструктуры ее жизненного пространства.

На этой базе возможна реализация инновационной идеи не мегаполисной, а ландшафтно-усадебной урбанизации страны на базе развития агрополисов с формированием всей социальной инфраструктуры и занятости населения в местах проживания. При этом, особое значение имеют проблемы энергоэффективного малоэтажного домостроения, разработки нетрадиционных экологически безопасных видов энергии, современных систем утилизации отходов, экологической устойчивости поселений.

Рабочие места могут создаваться в агрополисах на базе агробиоэнергетических комплексов. Развитие инновационного сельского образа жизни и системы агротуризма может стать основным конкурентным преимуществом регионов РФ, превращающим ряд существующих проблем в преимущества по формированию инновационного образа жизни XXI века. При этом жизнеустойчивость, демографическую ситуацию большинства развитых стран невозможно изменить ввиду ограниченности жизненного пространства без его коренной ломки. В России появилась возможность обогнать их, не догоняя в демографически тупиковом пути мегаполисной урбанизации, поскольку РФ сохраняет 60% территории, не тронутой рукой человека, Китай – 20%, США – 10%, Европа – 0% [2].

Таким образом, развитие региональных комплексов должно опираться не только на территориальные особенности, но и на конкурентные преимущества агроэкономического пространства. Вместе с тем, эволюционный путь развития агроэкономического пространства должен предусматривать не только экономико-технократическую составляющую, но, в первую очередь экотехнологическую и этикооосферную трансформацию общественного осознания значимости устойчивого равновесия в цепи человек–природа, село–город, ослабление которого наиболее ярко проявляется в настоящее время. Инновационная составляющая тесно связана с решением социальных задач.

В условиях вступления России в ВТО, в целях повышения конкурентоспособности российской агроэкoproдукции на внутреннем и внешнем рынке, необходимо разработать и внедрить санитарные стандарты с высокими требованиями к качеству импортируемой продукции сельского хозяйства, рассмотреть перспективы присоединения к Картахенскому протоколу по биобезопасности и т.д.

Каждый субъект России уникален, поэтому и стратегия каждого субъекта специфична, так как зависит от его потенциала, динамики развития, состояния внешней среды и многих других факторов внутреннего и внешнего характера. Необходимо четкое понимание того, что создаваемые инновации как в агросфере, так и в других отраслях региональной экономики должны быть направлены на сохранение и приумножение природного и человеческого потенциалов. Только при соблюдении баланса между энергией-энтропией и негэнтропией (информацией) в развитии возможно получить положительный эффект от затраченных усилий.

Одним из важнейших принципов организации сетевых структур является формирование грамотной команды топ-менеджеров и ответственная разработка бизнес-проекта в сфере развития агроэкокластеров, как добровольного объединения производителей экопродукции и экоуслуг, где партнеры связаны общей целью: производить и поставлять на рынок натуральную экологически безопасную продукцию и экоуслуги с защищенным качеством. Применительно к сетевым объединениям оценка эффективности должна непременно осуществляться с пози-

ций комплексного подхода, учитывая множественность форм и механизмов интеграции, отраслевую и региональную специфику, разнообразие плоскостей взаимодействия участников.

Эффективность кластера проявляется в развитии сельских территорий, обеспечении населения качественным продовольствием отечественного производства, экономическом росте, в сохранении рабочих мест, расширении налоговой базы, в увеличении экспорта и привлечении инвестиций. Инициация создания агрокластеров стимулирует социально-экономическое развитие мест расположения, прилежащих территорий и целых регионов, что особенно актуально в современных российских условиях.

Под новой региональной агроэкономикой следует понимать совокупность отношений, складывающихся в системе производства, распределения, обмена и потребления, основанных на использовании земли, воды и биологических ресурсов в рамках современных и перспективных наукоёмких технологий, обеспечивающих высокие показатели безопасности и экологичности производства и опирающихся на привлекательную и развитую жизненную среду, способную предоставить высокий уровень жизненного комфорта и возможностей для человеческого развития. Данные направления будут способствовать эволюционному переходу России к постиндустриальному обществу нового типа, по переходу от «экономики капитала» к «экономике знаний».

В фокусе нового направления организации агроэкономического пространства регионов России оказывается развитие человека, в свою очередь определяющее развитие производительных сил, то есть интродукция новых технологий должна быть подчинена интересам человека. Коллизий, при которых развитие производства наносит людям социальный, экологический и демографический ущерб, необходимо избегать.

Перспективной моделью новой организации агроэкономического пространства должно стать многоуровневое *кооперирование* вместо нынешнего преобладания *корпоративных* форм, основанных на традиционном денежном капитале. Следует отметить, что современная парадигма регионального развития агроэкономического пространства должна отдавать приоритет межрегиональ-

ной интеграции кластерных формирований в целях укрепления их позиций, как внутри геоэкономического пространства страны, так и в целях расширения ареала их деятельности, для отражения негативной экспансии импортной продукции и включения, на конкурентоспособной основе, в мировое экономическое пространство.

Таким образом, данная парадигма может успешно сочетаться с концепцией сбалансированного развития регионов, отдающей приоритет гармонизированной пространственной политике «экологической» эконо-

мики с соблюдением интересов всех групп участников в поле действия национального агроэкономического пространства.

Основной вклад новой организации агроэкономического пространства в долгосрочное социально-экономическое развитие страны состоит в создании мощного, эффективного и конкурентоспособного кластера национальной экономики, основанного на массовом применении технологий биоэкономики и формировании системы социально-экономических отношений, в полной мере соответствующей обществу знаний.

Библиографический список

1. Абрамов Р.А., Морозов И.В. Особенности сетевого взаимодействия региональных предприятий // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2012. – № 4 (32). – № гос. рег. статьи 0421200035. Режим доступа к журн.: <http://region.mcsnp.ru>
2. Ефимов В.А., Солонько И.В. Ландшафтно-усадебная урбанизация и перспективы устойчивого развития России в XXI веке / В.А. Ефимов // Ключ. Альманах Пушкинского центра аналитических исследований и прогнозирования. Вып. 1. – СПб.: Химиздат, 2009. – С. 103–110.
3. Казаков М.Ю., Бережная Е.В., Бобрышев А.Н., Мирохина А.А., Бережная О.В. Пространственное развитие региона: оценка, проблемы, перспективы. – М.: Изд-во «Буки-Веди», 2012.
4. Ковалев Ю.П. Концептуальные подходы к кластеризации в сфере туризма // Региональные исследования. – 2008. – № 5. – С. 51–56.
5. Ковалев Ю.П. Факторы развития кластерных инициатив в туристской сфере // Региональные исследования. – 2009. – № 4–5. – С. 23–31.
6. Лопатников Д.Л. Экологический переход // Региональные исследования. – 2013. – №3 (41). – С. 4–8.
7. Нефедова Т.Г. Сжатие внегородского освоенного пространства России – реальность, а не иллюзия // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования / Под ред. С.С. Артоболевского и Л.М. Синцерова. – М.: Эслан, 2010. – С. 128–144.
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2011.
9. Социально-демографический портрет России: по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года / Федер. служба гос. статистики. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. – 183 с.
10. Glückler J. (2013): Knowledge, networks and space: connectivity and the problem of non-interactive learning // *Regional Studies*. – 2013. Vol. 47, issue 6. – P. 880–894.
11. Сайт Министерства сельского хозяйства РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mcsx.ru>.
12. Сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат) – URL: <http://www.gks.ru>.

Корниенко О.С. (Владивосток)

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛОВ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Kornienko O.S.

THE COMPARATIVE ESTIMATE OF THE POTENTIAL OF THE FAR EASTERN REGIONS

Аннотация. Проводится сравнительная оценка потенциалов регионов российского Дальнего Востока по пяти укрупненным группам показателей. Оцениваются как собственный потенциал (природно-ресурсный, экономический, демографический и др.) каждого субъекта Дальневосточного макрорегиона, так и их транспортно-географическое положение относительно наиболее вероятных стран-партнеров.

Abstract. The comparative assessment of the potential of the Far Eastern regions is conducted. Both the potential of each Far Eastern region (such as natural resource, economic, demographic potential, etc.) and its transport and geographical position concerning the most probable partner countries are estimated.

Ключевые слова: Дальний Восток России, международное сотрудничество, потенциал, сравнительная оценка.

Key words: The Russian Far Eastern regions, international cooperation, potential, comparative assessment, competitiveness.

Дальний Восток России занимает отдаленное от центральных регионов страны географическое положение. События 90-х гг. XX в. (распад союзного государства, политико-экономический кризис и реформы 1990-х гг.) и, связанные с этим, резко «взлетевшие» транспортные тарифы, повлекли за собой разрушение сложившихся межрайонных производственно-технологических, экономических связей, отрыв от других российских регионов и переориентацию его на рынки АТР.

В связи с этим произошло значительное изменение территориально-компонентной структуры хозяйства регионов Дальнего Востока России. В основе произошедших структурных изменений, несомненно, лежит изменение значимости факторов регионального развития. Наряду с традиционно важными для развития любого региона экономическим, демографическим, ресурсным факторами, для дальневосточных регионов не менее важным стал потенциал развития международного сотрудничества.

Субъекты Дальневосточного макрорегиона, располагающие во многом сходным «набором» экспортируемой продукции, оказываются в условиях определенной конкуренции за внешние рынки. В этих условиях различия регионов по уровню развития выступают весомыми предпосылками, значительно усиливающими или ослабляющими их конкурентные позиции в международном сотрудничестве с сопредельными странами.

В данной работе проводится сравнительная оценка потенциалов развития субъектов Дальнего Востока с целью оценить их конкурентные преимущества или недостатки, обусловленные экономическими, демографическими, инфраструктурными, природными, и другими факторами.

Для сравнительной оценки был использован метод рангов. Этот метод применяется и в зарубежной региональной статистике при оценке социально-экономических потенциалов территорий [13, 14 и др.], и российскими учеными [9 и др.]. Такой метод позволяет провести комплексную оценку рассматриваемых регионов, показать значимость изучаемого субъекта для всего Дальнего Востока, оценить его конкурентоспособность, отметить не только сравнительные преимущества региона, но одновременно и его слабые стороны.

Для каждого региона были выбраны пять групп количественных показателей, отражающих их частные потенциалы для их развития, в том числе и международного сотрудничества:

Социально-демографический потенциал:

- общая численность населения (человек);
- естественный прирост (убыль) населения (‰);
- коэффициент прироста (убыли) населения за счет миграции (‰);
- соотношение денежных доходов населения и величины прожиточного минимума (%).

Экономический потенциал:

- валовый региональный продукт (ВРП) (млн руб.);
- объем отгруженных товаров собственного производства обрабатывающего сектора (млн руб.);
- производство и распределение электроэнергии, газа и воды (млн руб.);
- валовая продукция сельского хозяйства (млн руб.).

Природно-ресурсный потенциал и его использование:

- добыча полезных ископаемых (млн руб.);
- вылов рыбы (тыс. т)¹;
- производство древесины (тыс. плотн. м³).

Потенциал транспортной инфраструктуры:

- грузооборот всех видов транспорта общего пользования (млн тонно-километров);
- пассажирооборот всех видов транспорта общего пользования (млн пассажиро-километров);

Развитость международного сотрудничества:

- объемы внешнеторгового оборота продукции (млн долл. США);
- оборот услуг (млн долл. США);
- объем поступающих иностранных инвестиций (млн долл. США).

На основе статистических данных за 2011 г. по выше приведенным показателям было проведено ранжирование районов по рангам от 1 до 9, в соответствии с общим количеством субъектов Дальнего Востока России. Ранг «1» присваивался району с наибольшим (наилучшим) показателем, ранг «9» – с наихудшим. На основе ранжированных значений частных показателей было проведено ранжирование в каждой их группе. Группы, в свою очередь, были ранжированы по их суммарным значениям их рангов (баллам). Результаты внутригруппового и группового ранжирования представлены в таблице 1.

Следует отметить, что ряд показателей отдельных субъектов имеет свойство год от года существенно отличаться (например, поступление иностранных инвестиций или миграционная убыль (прирост) населения). Поэтому проводить подобную оценку по по-

казателям одного года не совсем корректно. Для сглаживания таких «шероховатостей» и получения более объективных результатов были выполнены аналогичные расчеты за последние 7 лет, начиная с 2005 г. Ранжирование проводилось отдельно за каждый год и в результате для каждого региона Дальнего Востока были рассчитаны средние ранги за указанный отрезок времени. Результаты итогового ранжирования с 2005 по 2011 г. представлены в таблице 2.

В дальнейшем, с учетом длины ряда, сходства, сближенности показателей по методике ранжирования ряда, нами было проведено объединение субъектов Дальневосточного макрорегиона в три внутренне схожие группы по уровню потенциалов: субъекты с высоким, средним и с низким потенциалами.

Для выделенных трёх типов, складывается следующая шкала интегральных значений потенциалов субъектов российского Дальнего Востока: 1 тип: 47,2–70,8; 2 тип: 70,8–94,6; 3 тип: 94,6–118,2. В итоге были получены следующие 3 группы регионов (субъектов) (рис. 1 (а)):

1. Регионы с высоким потенциалом: Приморский край, Хабаровский край, Сахалинская область, Республика Саха.

2. Регионы со средним потенциалом: Амурская область; Камчатский край.

3. Регионы с низким потенциалом: Чукотский автономный округ, Магаданская область, Еврейская автономная область.

Таким образом, по результатам оценки, выделяются 4 региона, которые обладают весьма высоким потенциалом. В их числе Хабаровский край, Приморский край, Сахалинская область и Республика Саха. При этом, самым высоким потенциалом обладает Хабаровский край, на втором месте Приморский край. Самый низкий потенциал у Еврейской автономной области.

В результате проведенных расчетов можно отметить, что в целом за 2005–2011 гг. Приморский край по 10 показателям, из 16 рассматривавшихся в данной работе, занимал 1–2 места (табл. 3). В то время как Хабаровский край, лидирующий в общем рейтинге, по отдельным показателям занимал 1-е места лишь в 6 случаях. Приморский край занимает, например, лидирующие позиции

¹ Согласно классификатору ОКПД с 2010 г. статья «Улов рыбы и добыча других морепродуктов» исключена из номенклатуры статистической информации, поэтому с 2010 г. использовался показатель «Общее производство рыбной продукции», тыс. тонн.

Ранги субъектов Дальнего Востока по показателям, характеризующим потенциалы развития

	Приморский край	Республика Саха	Хабаровский край	Амурская область	Камчатский край	Магаданская область	Сахалинская область	Еврейская АО	Чукотский АО
Численность населения, чел.	1	3	2	4	6	8	5	7	9
Естественный прирост (убыль) населения, на 1000 чел.	8	1	6	4,5	2	4,5	9	7	3
Коэффициент миграционной убыли населения на 1000 чел.	4	7	2	5	1	8	6	3	9
Соотношение денежных доходов населения и величины прожиточного минимума	5	6	4	9	7	3	1	8	2
Социально-демографический потенциал (сумма рангов)	18	17	14	22,5	16	23,5	21	25	23
Итоговый ранг социально-демографического потенциала	4	3	1	6	2	8	5	9	7
Валовый региональный продукт, млн руб.	2	3	4	5	6	7	1	9	8
Объем отгруженных товаров собственного производства обрабатывающего сектора, млн руб.	1	4	2	6	3	7	5	8	9
Производство электроэнергии, газа и воды, млн руб.	1	3	2	4	5	7	6	9	8
Объем продукции сельского хозяйства, млн руб.	1	3	4	2	7	8	5	6	9
Экономический потенциал (сумма рангов)	10	12	14	17	23	26	17	32	29
Итоговый ранг экономического потенциала	1	2	3	4,5	6	7	4,5	9	8
Добыча полезных ископаемых, млн руб.	7	2	6	5	8	4	1	9	3
Вылов рыбы, производство рыбной продукции (тыс. т)	3	7	4	9	2	5	1	8	6
Производство древесины	2	4	1	3	6	8	5	7	9
Использование природно-ресурсного потенциала (сумма рангов)	12	13	11	17	16	17	7	24	18
Итоговый ранг по использованию природно-ресурсного потенциала	3	4	2	6,5	5	6,5	1	9	8
Грузооборот транспорта всех видов экономической деятельности	3	4	1	2	6	7	5	8	9
Пассажирооборот всех видов транспорта общего пользования	1	2	3	4	6	8	5	7	9
Использование транспортной инфраструктуры (сумма рангов)	4	6	4	6	12	15	10	15	18
Итоговый ранг по использованию транспортной инфраструктуры	1,5	3,5	1,5	3,5	6	7,5	5	7,5	9
Сумма рангов по 4 группам	9,5	12,5	7,5	20,5	19	29	15,5	34,5	32
Внешнеторговый оборот	2	3	4	6	5	7	1	9	8
Объем поступления иностранных инвестиций	5	2	3	4	6	9	1	8	7
Оборот международных услуг	1	6	2	7	4	5	3	8	9
Развитость международного сотрудничества (сумма рангов)	8	11	9	17	15	21	5	25	24
Итоговый ранг международного сотрудничества	2	4	3	6	5	7	1	9	8

Рассчитано автором по данным [5].

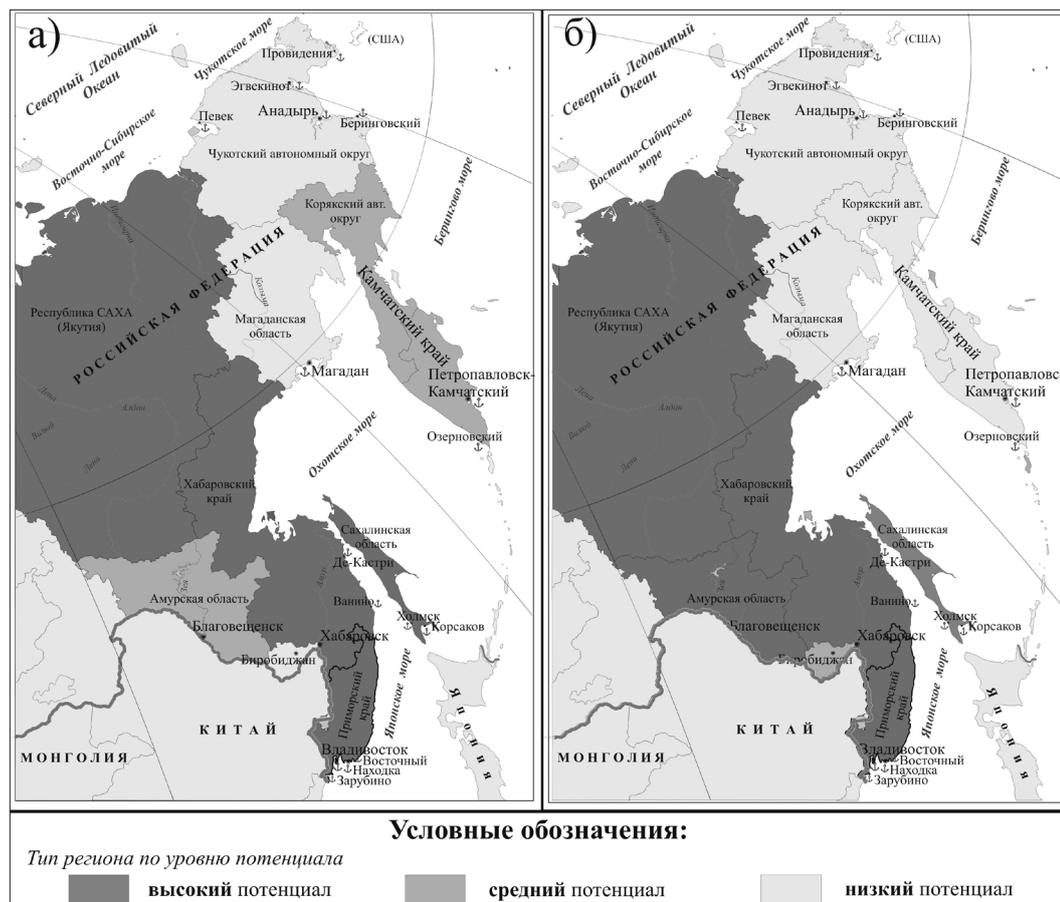

Рис. 1. Изменения субъектов Дальнего Востока по уровню потенциала: а) типы без учета коэффициента территориальной близости; б) с учетом к территориальной близости

в ДВФО по численности населения и трудовым ресурсам – весьма важным показателям – для слабо освоенного макрорегиона. Он опережает Хабаровский край и по основным экономическим показателям, в том числе по объему валового регионального продукта. В последние годы Приморский край в ДВФО по этому показателю устойчиво занимает 2-е место после нефте-, газодобывающей Сахалинской области и 23-е место в РФ, в сравнении с 4-м местом в ДВФО и 32-м местом в РФ Хабаровского края. Приморский край опережает Хабаровский край и по объему производства обрабатывающего сектора экономики, по вылову рыбы – важному показателю экономики притихоокеанского макрорегиона.

Данная оценка показала и «проблемные точки» Приморского края. В первую очередь – это достаточно высокий уровень естественной убыли населения на фоне других субъектов Дальнего Востока. Несмотря на то, что по показателю «соотношение денежных до-

ходов населения и величины прожиточного минимума» в последние годы ситуация в крае стала улучшаться, регион в целом по этому показателю все еще остается во «втором эшелоне». Также можно отметить сокращение поступающих в край инвестиций.

Для Дальневосточных регионов, с их внешнеориентированной экономикой, среди рассматриваемых групп показателей наибольший интерес представляет потенциал международного сотрудничества, как один из основных факторов их развития. Актуальность различных форм международного сотрудничества для макрорегиона отмечается в ряде работ других авторов [1, 6, 8 и др.]

Проведенные нами оценки показали высокую взаимосвязь между экономическим, социально-демографическим, ресурсным потенциалами региона с одной стороны и масштабами его международного сотрудничества. Так, коэффициент ранговой корреляции Спирмена (ρ) [7] показывающий взаимосвязь

Средние ранги субъектов Дальнего Востока за 2005–2011 гг.

	Хабаровский край	Приморский край	Республика Саха (Якутия)	Сахалинская область	Амурская область	Камчатский край	Магаданская область	Чукотский автономный округ	Еврейская автономная область
Численность населения	2	1	3	5	4	6	8	9	7
Коэффициент миграционной убыли населения на 1000 человек	1,7	3,1	6,7	5,8	4,2	5,4	8,3	7,8	2,2
Естественный прирост (убыль) населения на 1000 человек	6,1	8,3	1	7,6	5,2	2,8	5,3	2,2	6,6
Соотношение денежных доходов населения и величины прожиточного минимума	4,5	6,2	4,5	1,3	8,5	7,2	3,2	1,7	8
Социально-демографический потенциал (сумма рангов)	14,6	18,6	15,8	20,5	22,4	22,4	25,9	22,2	25,1
Валовый региональный продукт	3,7	1,7	2,7	2	5	6,3	6,8	8,3	8,5
Объем отгруженных товаров собственного производства обрабатывающего сектора	1,3	1,6	3,8	3,5	5,2	5,5	7,5	9	7,5
Производство электроэнергии, газа и воды	2,2	1	2,8	6	4	5	7,2	7,8	9
Валовый сбор продукции сельского хозяйства	4	1,7	1,8	5	2,3	7	8	9	6
Экономический потенциал (сумма рангов)	11,5	6	11	16,5	16,5	24,2	29	33,3	31
Добыча полезных ископаемых	4	6,6	1,7	1,3	5	7,8	4,3	5,3	9
Вылов рыбы, производство рыбной продукции	4,1	2	7	2,3	7,6	1,8	4,9	6,7	7,4
Производство древесины	1	2	4	5,1	3	6,3	8,1	8,9	6,7
Использование природно-ресурсного потенциала (сумма рангов)	9,1	10,5	11,5	8,8	15,6	15,9	17,3	20,9	23,1
Грузооборот транспорта всех видов экономической деятельности	1	2,9	4	5	2	6,5	7	8,5	8
Пассажиروоборот всех видов транспорта	1,8	1,4	2,8	5	3,8	6,3	7,7	9	7
Использование транспортной инфраструктуры (сумма рангов)	2,8	4,3	6,8	10	5,8	12,8	14,7	17,5	15
Внешнеторговый оборот	2,8	2	3,8	1,3	6	5,2	7	7,3	8,8
Объем поступления иностранных инвестиций	3,3	5,4	2,2	1	4,5	5,7	7,7	7,7	8
Оборот международных услуг	3	1	6	2,2	6,2	4,3	5,2	8,9	8,1
Развитость международного сотрудничества (сумма рангов)	9,2	8,4	12,2	4,5	16,7	15,2	19,8	23,9	24
Суммарный ранг регионов по 5 группам	47,2	47,8	57,3	60,3	77	90,5	106,7	117,8	118,2
Место региона по суммарному рангу	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Тип региона по уровню потенциала развития	1	1	1	1	2	2	3	3	3

Расчитано автором по данным [3, 4, 5, 10, 11, 12].

суммарного потенциала развития региона и объема внешнеэкономической деятельности, в 2011 г. составил 0,89, а средний за рассматриваемый период $\rho = 0,84$. То есть, чем выше

собственный совокупный потенциал региона (экономический + социально-демографический + природно-ресурсный + транспортный), тем выше его потенциал для развития между-

*Изменение места Приморского края в Дальневосточном макрорегионе
по показателям развития международного сотрудничества
в 2005–2011 гг.*

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	Ранг
Социально-демографический потенциал (сумма рангов)	17	19	20	19	18	18	19	18,6
<i>Место края по социально-демографическому потенциалу</i>	3	3	4	4	3	4	4	3,6
Численность населения	1	1	1	1	1	1	1	1
Коэффициент миграционной убыли населения на 1000 человек	2	3	3	3	3	4	4	3,1
Естественный прирост (убыль населения на 1000 человек)	7	9	9	9	8	8	8	8,3
Соотношение денежных доходов населения и прожиточного минимума	7	6	7	6	6	5	6	6,2
Экономический потенциал (сумма рангов)	6	6	8	6	6	5	5	6
<i>Место края по экономическому потенциалу</i>	1	1	1	1	1	1	1	1
ВРП	1	1	2	2	2	2	2	1,7
Объем отгруженных товаров собственного производства обрабатывающих производств	2	2	2	2	1	1	1	1,6
Производство электроэнергии, газа и воды	1	1	1	1	1	1	1	1
Валовый сбор продукции сельского хозяйства	2	2	3	1	2	1	1	1,7
Природно-ресурсный потенциал (сумма рангов)	9	9	9	11	12	12	12	10,6
<i>Место края по природно-ресурсному потенциалу</i>	3	1,5	2,5	3	3	3	3,5	2,8
Добыча полезных ископаемых	6	6	6	7	7	7	7	6,6
Вылов рыбы, производство рыбной продукции	1	1	1	2	3	3	3	2
Производство древесины	2	2	2	2	2	2	2	2
Уровень развития транспортной инфраструктуры (сумма рангов)	5	5	5	4	4	4	3	4,3
<i>Место края по уровню развития транспортной инфраструктуры</i>	2,5	2	2	2	1,5	1,5	1	1,8
Грузооборот транспорта всех видов экономической деятельности	3	3	3	3	3	3	2	2,9
Пассажиروоборот всех видов транспорта общего пользования	2	2	2	1	1	1	1	1,4
Развитость международного сотрудничества (сумма рангов)	8	9	9	5	9	8	11	8,4
<i>Место края по развитости международного сотрудничества</i>	2	3	2	2	2	2	3	2,3
Внешнеторговый оборот	2	2	2	2	2	2	2	2
Объем поступления иностранных инвестиций	5	6	6	2	6	5	8	5,4
Международный оборот услуг	1	1	1	1	1	1	1	1
Место края по общему потенциалу	2							

народного сотрудничества. Таким образом, можно говорить, что совокупный потенциал региона напрямую отражает и потенциал развития международного сотрудничества и

определяет его возможности. Для развития международного сотрудничества важным является также фактор территориальной близости субъектов к потенциальному за-

рубежному партнеру. Этот фактор на Дальнем Востоке часто играет определяющую роль. Основными и достаточно устойчивыми внешнеторговыми партнерами субъектов Дальнего Востока, являются ближайшие страны-соседи: Китай, Республика Корея, Япония. На них приходится более 80% всего внешнеторгового оборота. Из этой тройки стран наибольший интерес для Дальнего Востока, в плане дальнейшего развития международного сотрудничества, представляет Китай с его масштабной, развивающейся и широко диверсифицированной экономикой. Китай уже сегодня обеспечивает более 50% внешнеторгового оборота макрорегиона. При значительной ресурсной и структурной взаимодополняемости экономик этих двух субъектов международного сотрудничества, внешнеторговый оборот между ними может еще более возрасть.

Анализ внешнеэкономической деятельности дальневосточных регионов показывает, что все они, в т.ч. и самые северные, приоритетно, т.е. и в перспективе ориентируются на одни и те же три сопредельные страны: Китай, Республику Корея и Японию. Так, с 2005 по 2011 гг. доля этой «тройки» стран во внешнеторговом обороте Камчатского края, например, колебалась от 70 до 90%. Доля других стран в его внешнеторговом обороте

не значительна, лишь несколько возрастает доля США, но и она не велика – от 1,6 до 8%.

Во-многом, аналогичное положение и в Магаданской области – в 2005–2011 гг. на вышеотмеченную «тройку» стран приходилось примерно 50–70% ее внешнеторгового оборота. Но здесь существенно возрастает доля США – видимо, в силу их территориальной близости. В этот период доля США во внешнеторговом обороте Магаданской области достигает 15–20% и более, но в основном за счет импорта. Значения ее экспорта в США невелики – до 0,8% (как и Камчатского края – 0,3%).

При сравнении субъектов российского Дальнего Востока по фактору территориальной близости к Китаю (по существу – это транспортно-географическое положение субъекта, как составляющая его ЭГП. Последнее для Дальневосточного региона подробно было охарактеризовано в работе [2]), как активному внешнеторговому партнеру, можно выделить три их типа. Для каждого типа нами был введен коэффициент территориальной близости ($k_{тб}$), который условно снижает потенциал региона при удалении от границы:

1) регионы, имеющие общую границу с КНР: Приморский край, Хабаровский край, Еврейская автономная область, Амурская об-

Таблица 4

Типы регионов по потенциалам развития международного сотрудничества с учетом коэффициента территориальной близости

	Хабаровский край	Приморский край	Республика Саха (Якутия)	Сахалинская область	Амурская область	Камчатский край	Магаданская область	Чукотский автономный округ	Еврейская автономная область
Коэффициент территориальной близости ($k_{тб}$)	1	1	0.75	0.75	1	0.5	0.5	0.5	1
Совокупный потенциал региона (П)	9,5	11,3	15,8	16,9	24,9	28,9	36,8	40	41
Совокупный потенциал региона для развития международного сотрудничества с учетом коэффициента территориальной близости	9,5	11,3	21	22,5	24,9	57,8	73,6	80	41
Тип региона по потенциалу развития	1	1	1	1	2	2	3	3	3
Тип региона по потенциалу развития международного сотрудничества с учетом коэффициента территориальной близости	1	1	1	1	1	3	3	3	2

ласть. Коэффициент территориальной близости ($k_{тб} = 1$);

2) регионы, территориально приближенные: Республика Саха, Сахалинская область. ($k_{тб} = 0,75$);

3) регионы, территориально отдаленные: Магаданская область, Камчатский край и Чукотский АО. ($k_{тб} = 0,5$)

С учетом коэффициента территориальной близости ($k_{тб}$) равная: $P/k_{тб}$ оценка потенциалов приобретает следующий вид (табл. 4). Для того, чтобы сохранить соотношение (чем ниже сумма рангов, тем выше потенциал региона), мы совокупный потенциал региона не умножаем, а делим на коэффициент $k_{тб}$.

Была составлена картосхема потенциалов регионов Дальнего Востока для международного сотрудничества с Китаем без учета коэффициента территориальной близости и с учетом (рис. 1).

Как видно из рис. 1, четыре субъекта (Хабаровский край, Приморский край, Сахалинская область и республика Саха) остались в первом типе с высоким потенциалом для развития российско-китайского

сотрудничества. К ним присоединилась Амурская область. Во второй тип – с умеренным потенциалом – перешла Еврейская АО. Третий тип – регионы с низким уровнем потенциала – составили Камчатский край, Магаданская область и Чукотский АО. Это объясняется, в первую очередь, их отдаленным географическим положением относительно основной «тройки» стран-партнеров и, прежде всего, Китая.

Таким образом, из дальневосточных регионов выделяются два, которые наряду с высоким собственным потенциалом развития, имеют еще и выгодное транспортно-географическое положение относительно Китая – это Приморский и Хабаровский края.

В современных условиях для этих двух соседних регионов сотрудничество с Китаем наиболее выгодно. В дальнейшем их необходимо позиционировать как основную часть «контактной зоны» России в Северо-Восточной Азии и в АТР в целом. Однако их потенциал пока используется недостаточно, и решение данной проблемы на ближайшую перспективу становится актуальным.

Библиографический список

1. Бакланов П.Я., Ганзей С.С. Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования. – Владивосток: Дальнаука, 2008. – 216 с.
2. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. – Владивосток: Дальнаука, 2009. – 172 с.
3. Внешнеэкономические связи Приморского края 2012.
4. Дальний Восток России (Положение Приморского края в сравнении с другими субъектами ДВФО). 2008: доклад. – Владивосток: Приморскстат, 2008. – 112 с.
5. Дальний Восток России (положение Приморского края в сравнении с другими субъектами ДВФО) 2011: стат. сб. / Приморскстат. – Владивосток, 2011 – 75 с.
6. Деваева Е.И. Внешнеэкономический фактор развития Дальнего Востока России // Пространственная экономика. – 2008. – № 2. – С. 46–59.
7. Корреляция [Электронный ресурс] // Википедия: свободная энцикл. – Электрон. дан. – 2013 – URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 08.08.2013)
8. Ларин В.Л. Тихоокеанская Россия в контексте внешней политики и международных отношений в АТР в начале XXI века. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2011. – 216 с.
9. Прокапало О. М. Сравнительная оценка социально-экономических потенциалов субъектов федерации Дальнего Востока // Регион: экономика и социология. – 2000. – № 2. – С. 146–155.
10. Промышленное производство в Камчатском крае 2012: стат. сб. / Камчатстат. – Петропавловск-Камчатский, 2012. – 124 с.
11. Рыболовство, переработка и консервирование рыбо- и морепродуктов в Камчатском крае . 2012: Статистический сборник / Камчатстат. – Петропавловск-Камчатский, 2012. – 50 с.
12. Социально-экономическое положение Приморского края в сравнении с субъектами Дальневосточного федерального округа в 2006 г. РОССТАТ. – Владивосток, 2006. – 99 с.
13. American business climate and economic profiles. – Staff. Detroit, Washington D.C., London, 1994.
14. State rankings 1993: a statistical view the 50 United States. – Morgan Quinto Corporation, 1993.

Куричева Е.К. (Москва)

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ НОВОЙ МОСКВЫ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Kuricheva E.K.

SPATIAL TRANSFORMATION OF NEW MOSCOW UNDER THE INFLUENCE OF THE HOUSING CONSTRUCTION

Аннотация. В статье рассмотрена трансформация территории Новой Москвы, происходящая в результате присоединения к столице. Главное внимание сосредоточено на основном из факторов трансформации – жилищном строительстве. Определены причины отличия реальных процессов трансформации от декларируемых целей присоединения новых территорий. Проведен анализ воздействия на развитие территории различных сил: законодательных инициатив и управленческих решений федеральной и региональной власти, предписаний органов территориального планирования, коммерческих интересов бизнеса.

Abstract. The article describes the transformation of the territory of New Moscow under the influence of the acquisition by the capital. The attention is concentrated on housing construction as the main factor of transformation. The article reveals the differences between the actual processes of transformation and declared aims of accession of new territories. Moreover, the causes of this phenomenon are considered as well. The impact of different forces on the development of the territory is revealed in the article, including legislative initiatives and administrative decisions of the federal and regional authorities, the requirements of territorial planning, business interests.

Ключевые слова: агломерация, жилищное строительство, Новая Москва.

Key words: agglomeration, housing construction, New Moscow.

Введение. Анализ процессов трансформации территории Новой Москвы важен для понимания путей развития Московской агломерации. Продолжающаяся концентрация населения и ресурсов в столичном регионе, являясь проблемой общероссийского масштаба, накладывает на диспропорции развития собственно Москвы и Московской агломерации, которые достигли критической точки. Постоянный транспортный коллапс, нарастающий объем ежедневной маятниковой миграции, продолжение формирования новых спальных районов уже за пределами МКАД, высокие темпы строительства жилой, административно-деловой и коммерческой недвижимости, без адекватного развития транспортной и социальной инфраструктуры – это инерционные тренды, которые ведут в тупик. Остро назрела необходимость новых управленческих решений, которые позволят выйти за рамки инерционных трендов.

Проект расширения Москвы пользуется поддержкой властей федерального и регионального уровней, что, казалось бы, должно обеспечить его реализацию в интересах развития столицы и всей агломерации. Но фактически резкий рост интенсивности освоения территории, бывшей еще два года назад наименее урбанизированной частью

Московской области, идет стихийно под воздействием не столько властей, сколько местных стейкхолдеров в соответствии с их интересами: девелоперы застраивают Новую Москву в логике максимизации прибыли. Присоединение новых территорий уже состоялось, но институциональных, управленческих и экономических рамок для смены инерционного тренда развития Московской агломерации не создано.

В этих условиях остро стоит задача изучения трансформационных процессов и поиск путей эффективного управления пространственным развитием новых территорий и агломерации в целом. Анализ ситуации на территории Новой Москвы выявляет резкие противоречия между декларируемыми планами и реальными изменениями. Данная работа является попыткой ответа на вопрос – чем обусловлены отличия реальных процессов от запланированных? Для решения этой задачи последовательно рассмотрен ход жилищного строительства в Московской агломерации и более подробно – на территории Новой Москвы, оценено воздействие решения о присоединении на интенсивность строительства, изучено воздействие различных факторов на трансформацию территории Новой Москвы.

Анализ планов развития Новой Москвы включает мониторинг инициатив федеральной власти с момента принятия решения о присоединении новых территорий, изучение материалов международного конкурса на разработку концепции развития Московской агломерации «Большая Москва», оценку целевых установок Департамента развития новых территорий Москвы, а также разработок нового Генерального плана Москвы, который должен быть принят в 2014 г.

В эмпирической части исследование опирается на мониторинг крупнейших проектов жилищного строительства в Московской агломерации и всех проектов в активной фазе реализации на территории Новой Москвы. Мониторинг осуществлен по данным Росстата, сайтам компаний-девелоперов, публикациям аналитических агентств и экспертов. На основе мониторинга определены текущие и перспективные объемы жилищного строительства, проведена оценка предполагаемого роста населения и числа рабочих мест. Взаимодействие стейкхолдеров в процессе планирования и строительства рассмотрено на трех уровнях: федеральном, региональном и муниципальном.

Методы анализа влияния новых крупных жилищных массивов на развитие агломерации опираются на морфологический, функциональный и институциональный подходы, изложенные в работах В.Л. Глазычева [1, 2], В.Я. Любовного, Ю.А. Сдобного [5], А.Г. Махровой, Т.Г. Нефедовой, А.И. Трейвиша [6] и В.М. Полтеровича [8].

Исходное состояние новых территорий и цели их присоединения. Система расселения Новой Москвы на момент присоединения представляла собой вытянутую с юго-запада на северо-восток территориальную структуру, в которой четко выражены центр-периферийные отношения и связи между «старой» Москвой и присоединенными территориями. Отсутствие локализованных на периферии субцентров – «edge cities», включающих общественно-деловые и торгово-развлекательные функции, усиливало диспропорции и нагрузку на и так перегруженную транспортную систему города [11].

Основную часть Новой Москвы составили территории, ограниченные Киевским и Варшавским шоссе – 144,63 тыс. га. Новые территории расположены в одном из наиме-

нее урбанизированных секторов Московской области, где сельское население преобладает над городским (51,8% против 48,2%). Характерной чертой территории являются сезонные колебания в численности населения – летнее население в 4 раза превышает зимнее. На момент присоединения на территории постоянно проживало 235,8 тыс. чел. и расположено 219 населенных пунктов: 3 города (Троицк, Щербинка, Московский), 2 поселка городского типа (Киевский, Кокошкино), 214 сельских населенных пунктов. Плотность населения на новых территориях, согласно статистическим данным, в 66 раз ниже плотности населения в Москве и составляла всего 161 чел/км² [21].

Вместе с тем, плотность населения и количество мест приложения труда на присоединяемой территории искусственно занижены, поскольку при формировании территории Новой Москвы из нее были исключены крупные населенные пункты, такие как Подольск (193,4 тыс. чел.), Наро-Фоминск (71,1 тыс. чел.), Апрелевка (18,7 тыс. чел.), Климовск (56,2 тыс. чел.). Между тем, фактически территория Новой Москвы образует с указанными городами единую систему расселения, связанную множеством функциональных связей, в первую очередь – через трудовую маятниковую миграцию. Суммарное население указанных выше «вырезанных» населенных пунктов составляет 339,4 тыс. чел. (почти в 1,5 раза больше, чем на остальной присоединенной территории). Тем не менее, даже с учетом этих поправок, юго-западный сектор Московской агломерации действительно отличается наименьшей плотностью населения и уровнем урбанизированности [6], хотя и далеко не в такой степени, как это вытекает из официальных данных по Новой Москве.

Основной целью решения о расширении Москвы провозглашалась реализация градостроительной политики, направленной на полицентрическое развитие города [16]. На присоединенной территории предполагалось сформировать несколько новых центров деловой активности, которые перенаправят на себя часть потоков, в том числе и ежедневной трудовой маятниковой миграции, что позволит оптимизировать транспортные потоки и обеспечит условия для создания действительно комфортной городской среды.

Сформировать пул идей, направленных на решение этих задач, планировалось в ходе

международного конкурса на разработку концепции развития Московской агломерации «Большая Москва» в 2012 г. Практически все предложения участников конкурса содержали концепцию полицентричного развития агломерации. Это – и специализированное кластерное развитие подмосковных городов с целью создания ряда субцентров в срединной и периферийной зонах агломерации, и точки роста на базе аэропортов, и преобразование центр-периферийной структуры агломерации в решетчатую, и мягкое смещение «центра тяжести» Москвы на юго-запад.

Основной полюс притяжения должен был возникнуть в результате переноса на присоединенные территории *комплекса зданий для размещения федеральных учреждений. Обеспечение их инфраструктурой потребует огромных финансовых затрат.* Идея переноса федеральных органов власти трансформировалась в проект создания в Коммунарке административно-делового центра, а окончательное решение о том, учреждения какого уровня туда переедут: федерального или регионального, еще не принято. Таким образом, пока не понятно, начнет ли работать первоначальный драйвер развития Новой Москвы вокруг комплекса правительственной застройки.

Следует отметить два системных недостатка конкурса. Целью конкурса стало обоснование уже принятого решения о расширении Москвы в юго-западном направлении, а не поиск оптимального варианта развития агломерации. Предложения конкурсантов не учитывали институциональные условия России, реальную практику землепользования, местные «правила игры», реакцию других игроков (стейкхолдеров): застройщиков, местных органов власти. Результаты конкурса не имеют обязательного характера, это не более чем пул идей, которые были учтены при подготовке технического задания для корректировки Генерального плана Москвы.

Новый Генеральный план развития Москвы должен быть утвержден в 2015 г. Предыдущий Генплан, принятый в 2010 г., опирался на заниженный прогноз роста населения и автомобилизации и к настоящему моменту потерял свою актуальность в связи с ростом территории Москвы почти в 2,5 раза и изменившейся градостроительной политикой столицы. Она предполагает создание новых центров деловой активности на всей территории

города, стабилизацию застройки в историческом центре города, активизацию строительства дорожно-транспортной инфраструктуры. Предполагается, что корректировка Генплана Москвы будет синхронизирована с территориальными схемами Московской области. В дополнение к Генплану в 2015 г. предполагается разработать мастер-план развития города, который теоретически предназначен для формирования экономических рамок градостроения, однако его конкретные положения пока неизвестны.

На идеи полицентричного развития опируются планы Департамента развития новых территорий Москвы по формированию 12 «точек роста». Основной акцент сделан на создание новых мест приложения труда, что снизит маятниковую миграцию. Целевым показателем к 2025 г. является создание 1 млн рабочих мест, при этом планируется построить 100 млн м² недвижимости, в том числе 40 млн м² жилья для проживания 1,5 млн чел. [16]. Для сравнения отметим, что в Москве в пределах МКАД расположено около 400 млн кв. метров различной недвижимости, из них на начало 2013 г. 230,7 млн м² жилья [21]. До конца 2015 г. на территории Новой Москвы предполагается построить 7,5 млн м² недвижимости, в том числе 3,8 млн м² жилья, 37 ДОУ, 19 школ и 13 поликлиник [16].

Наиболее масштабные проекты создания новых мест приложения труда, как и строительства жилья, запланированы Департаментом недалеко от МКАД. Технопарки «Румянцево» и «Мосрентген» должны обеспечить работой 148 тыс. человек. Главным арендатором «Румянцево» должна стать компания «Ростелеком», планирующий к 2015 г. переместить в технопарк свою штаб-квартиру. В 2014 г. начнется строительство административно-делового центра в пос. Коммунарка, куда ранее предполагалась разместить федеральные органы власти. В административно-деловом центре планируется разместить около 200 тыс. работников, для чего будет построено более 3 млн м² недвижимости. В качестве новых центров деловой активности запланировано развитие инновационного кластера «Сколково» (31 тыс. рабочих мест), кластера «Внуково» (8 тыс. рабочих мест), международного финансового центра «Рублёво-Архангельское» (30 тыс. новых рабочих мест). Для сравнения надо отметить, что

до присоединения к Москве (на 1 июля 2012 г.) на этих территориях было лишь 84 тыс. мест приложения труда.

Необходимым условием создания новых центров деловой активности является кардинальная перестройка всей транспортной инфраструктуры, как на юго-западе Москвы в пределах МКАД, так и на новой территории. Трех автотрасс и двух железнодорожных линий, которые работают в этой зоне, совершенно недостаточно. Ввод в эксплуатацию столь масштабных кластеров, причем опережающими темпами по сравнению со скоростью ввода жилья, вызывает сомнения, как и, в целом, достижение планового показателя в 1 млн. занятых на территории Новой Москвы.

Крупнейшие жилищные проекты в Московской агломерации и Новой Москвы. Понимание процессов на территории Новой Москвы невозможно без учета тенденций развития всей Московской агломерации, которое характеризуется, в первую очередь, активным жилищным строительством. На основе проведенного мониторинга отобраны реализуемые в настоящий момент крупнейшие проекты с площадью более 400 тыс. м² каждый, формирующие новые центры расселения (рис. 1). Информация о проектах включает площадь застройки, этажность и

ожидаемый прирост численности населения. Всего таких крупных центров на начало 2014 г. – 21. Один из них расположен в Москве в пределах МКАД, один – в Москве за пределами МКАД, пять – на территории Новой Москвы, остальные в других районах Московской области.

Большинство проектов, и как следствие, новых потенциальных центров расселения расположено в десятикилометровой зоне от МКАД в северо-западном, западном, юго-западном и юго-восточном направлениях. Кроме того, пространственное положение проектов тяготеет к основным транспортным магистралям, вдоль которых идет наращивание каркаса расселения Московской агломерации [4]. Два крупнейших проекта с предполагаемым объемом жилищного строительства более 10 млн м² – «Проект А101» и «Большое Домодедово» – были анонсированы до кризиса, но не были реализованы в первоначальном виде. В настоящий момент их владельцам удалось привлечь в качестве соинвесторов крупные строительные компании для реализации ряда сравнительно небольших проектов на своей территории («Москва А-101», «Южное Домодедово» и др.), реализующихся различными застройщиками и не связанных друг с другом кон-

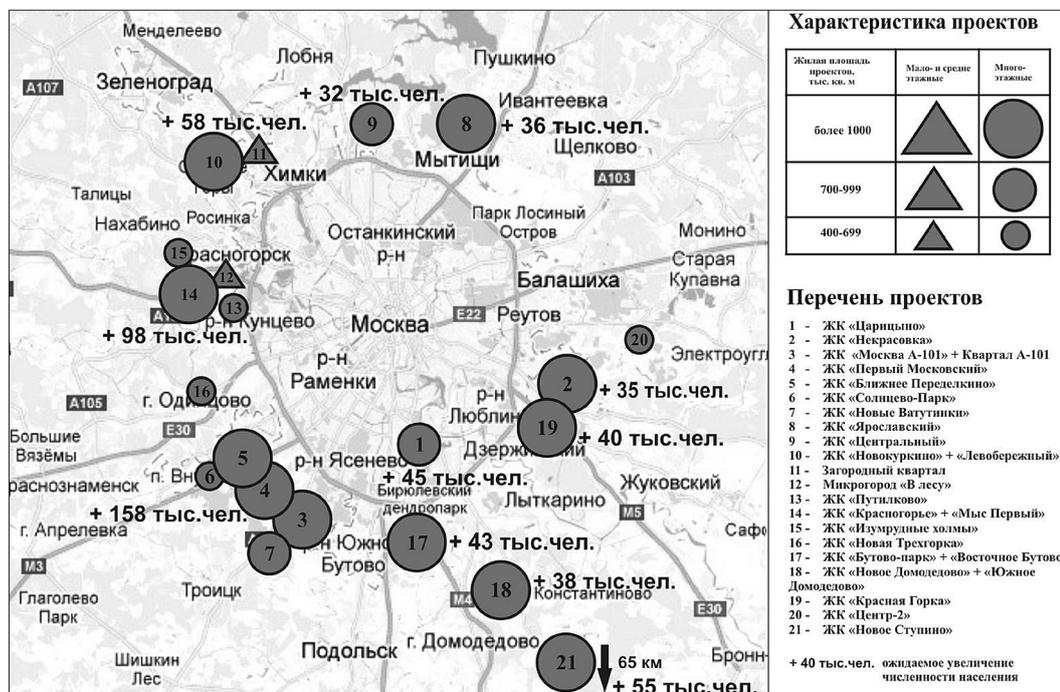

Рис. 1. Крупнейшие проекты жилищного строительства Московской агломерации, 2014 г.

Источник: составлено автором по данным порталов и сайтам девелоперских компаний [15, 18, 20].

цептуально. После завершения реализации всех рассмотренных проектов население агломерации, по оценке автора, вырастет на 710 тыс. человек. На территории Новой Москвы появится 158 тыс. новых жителей, в Красногорске – 98 тыс., в Люберцах и Некрасовке – 75 тыс., в Химках – 58 тыс. (рис. 1). Для новых жителей остро встанут проблемы занятости и маятниковой миграции, что усугубит и без того сложную ситуацию в агломерации. Попытка решения проблем Московской агломерации путем экстенсивного расширения ядра городской застройки формирует «лоушкку развития».

Наибольшее влияние на трансформацию территории в Новой Москве оказывает жилищное строительство, объем которого значительно вырос после изменения границ города. На момент присоединения в Новой Москве были выданы разрешения на строительство 16,2 млн м² недвижимости различ-

ного назначения. За 2013 г. на новой территории введены в эксплуатацию 1,09 млн м² жилья. Всего в настоящее время на территории Новой Москвы действует 87 инвестиционных контрактов, 55 из которых находятся в стадии строительства, 18 – в стадии проектирования, 14 не реализуются. В сегменте жилищного строительства в активной фазе реализации на начало 2014 г. находилось 32 проекта. Как указывалось выше, 5 из этих проектов – весьма крупные, с объемом возводимого жилья более 500 тыс. м² каждый. В 17 проектах предполагаемый объем ввода жилья превышает 100 тыс. м². Преимущественно это многоэтажная застройка. Общая площадь жилья во всех проектах составляет 7,48 млн м². Еще два масштабных проекта – Gazoil Park и Пригород МЗ – уже анонсированы, и их строительство начнется в 2014 г., что увеличит ввод жилья до 8,98 млн м². Расположение и краткая характеристика проектов

представлены на рис. 2 и в таблице 1.

Общей тенденцией в интенсивности жилищного строительства является ярко выраженный центр-периферийный градиент. В периферийных районах вводится 3,5–4% общего объема жилья, тогда как наиболее интенсивное строительство идет в 10–15 км зоне от МКАД. Основная часть проектов – 29 из 34 – сосредоточены в Новомосковском административном округе Москвы. Наиболее крупные из этих проектов предполагают освоение больших пространств в 100–150 га и фактически станут средообразующими для окружающей территории. Пять проектов, реализующихся в Троицком административном округе, значительно уступают проектам, расположенным в Новомосковском АО, по объему предполагаемого ввода жилья.

За последние годы произошла локализация жилищного строительства в ряде формирующихся новых центров

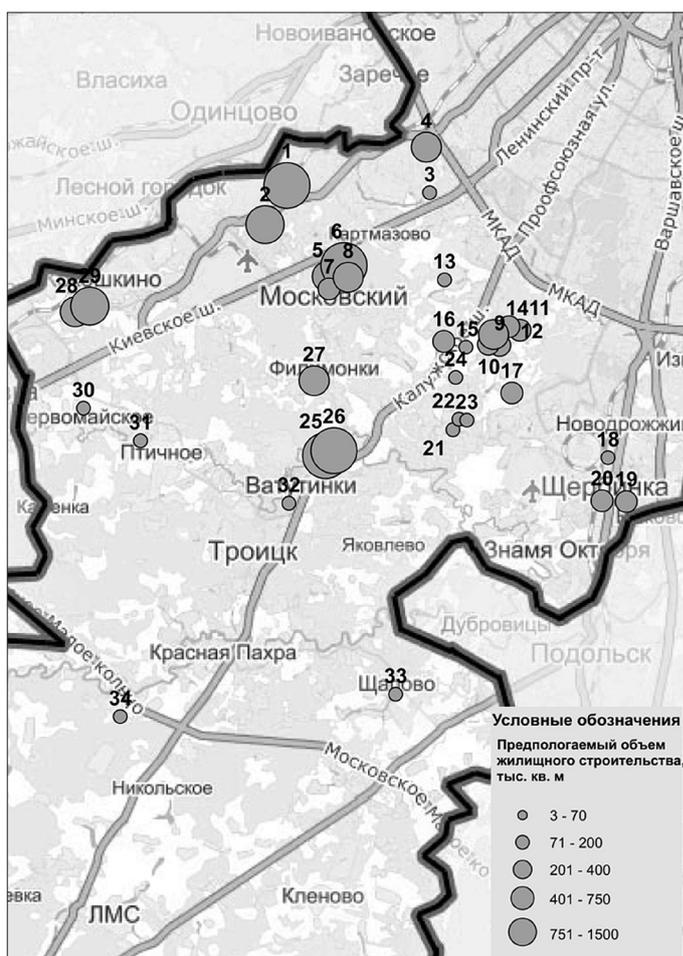

Рис. 2. Жилищные проекты Новой Москвы, 2014 г.

Источник: составлено автором по данным порталов и сайтам девелоперских компаний [15, 18, 20].

Таблица 1

Проекты жилищного строительства на территории Новой Москвы, 2014 г.

№	Наименование проекта	Населенный пункт	Площадь жилья, тыс. м ²	Начало заселения жилого комплекса
Новомосковский АО				
1	Переделкино Ближнее	д. Рассказовка	1300,4	2 кв. 2014
2	Солнцево-Парк	д. Пыхтино	468,0	3 кв. 2013
3	Румянцево	д. Румянцево	3,0	4 кв. 2013
4	Татьянин Парк	д. Говорово	270,0	2 кв. 2016
5	Юго-западный*	г. Московский	300,0	4 кв. 2013
6	Первый Московский*	г. Московский	1500,0	4 кв. 2014
7	Московский	г. Московский	140,0	3 кв. 2013
8	Град Московский	г. Московский	346,0	2 кв. 2013
9	Эдальго*	пос. Коммунарка	90,0	1 кв. 2013
10	Garden Park Эдальго*	пос. Коммунарка	105,0	4 кв. 2013
11	Москва А101	пос. Коммунарка	200,0	1 кв. 2014
12	Николин Парк	д. Николо-Хованское	125,7	2 кв. 2015
13	Вяземское (таунхаусы)	д. Николо-Хованское	40,4	4 кв. 2014
14	Коммунарка	пос. Коммунарка	400,0	4 кв. 2014
15	Магистр	пос. Коммунарка	30,0	1 кв. 2013
16	Дубровка	д. Сосенки	90,0	4 кв. 2014
17	Бутовские Аллеи	д. Столбово	110,0	1 кв. 2014
18	Калипсо	г.о. Щербинка	11,1	4 кв. 2014
19	Прима Парк	г.о. Щербинка	170,0	2 кв. 2013
20	Овражный	г.о. Щербинка	203,5	1 кв. 2015
21	Сандей Хиллз	пос. Воскресенское	10,3	4 кв. 2014
22	Кронбург (таунхаусы)	д. Ямонтово	41,9	2014
23	Юрьев Сад	пос. Воскресенское	20,0	1 кв. 2014
24	Фестиваль (таунхаусы)	д. Сосенки	70,0	4 кв. 2014
25	Новые Ватутинки	д. Ватутинки	764,5	4 кв. 2013
26	Gazoil Park	д. Станиславль	1000,0	2016
27	Марьино Град	пос. Марьино	250,0	2 кв. 2015
28	Западная долина	д. Большое Свинорье	223,0	2016
29	Пригород МЗ	д. Шарاپово	500,0	2019
Троицкий АО				
30	Киевское шоссе	пос. Первомайское	22,0	3 кв. 2013
31	Экопарк Горчаково	д. Птичное	64,0	2 кв. 2014
32	Изумрудный*	г.о. Троицк	40,0	4 кв. 2013
33	Акварель	пос. Щапово	55,9	3 кв. 2014
34	Шишкин лес	пос. Шишкин лес	19,4	4 кв. 2013

Примечания: 1) в проектах, отмеченных * – площадь жилья оценена автором; 2) в случае жилого комплекса, состоящего из нескольких очередей, дата начала заселения жилого комплекса указана для очереди, находящейся в активной фазе строительства на январь 2014 г.

Источник: составлено автором по данным порталов и сайтам девелоперских компаний [15, 18, 20].

расселения (табл. 2) – поселение Московский (33,2% всего строительства в Новой Москве в 2012 г.), Сосенское (25,7%), «Мос-рентген» (15,9%).

Наиболее крупные проекты расположены в г. Московский в 7 км от МКАД. Суммарная площадь жилой недвижимости, которая будет введена до конца 2014 г., достигает почти

2,3 млн м². Большую часть жилья предполагается построить в рамках одного проекта – «Первый Московский». Предполагаемый прирост численности населения составит 110 тыс. чел.

Другим центром активного жилищного строительства является поселок Коммунарка (поселение Сосенское) на 4-м км Калужского

Центры локализации проектов

Населенный пункт	Наименование проекта	Площадь жилья, тыс. м ²	Прирост населения, тыс. жителей**
г. Московский	Первый Московский Юго-западный Московский Град Московский	2286,0	110
пос. Коммунарка	Эдальго Эдальго Garden Park Москва А101 Коммунарка Магистр	825,0	42
пос. Воскресенское	Сандей Хиллз Кронбург (таунхаусы) Юрьев Сад Фестиваль (таунхаусы)	142,2	6
пос. Новые Ватутинки	Новые Ватутинки Gazoil Park	764,5 (1804,5*)	35
г.о. Щербинка	Калипсо Прима Парк Овражный	384,6	15

Примечания: 1 * – объем жилья с учетом проекта “Gazoil Park”, на настоящий момент лишь анонсированного; 2 ** – оценка автора.

Источник: составлено автором по данным порталов и сайтам девелоперских компаний [9, 10, 11].

шоссе, где до середины 2015 г. появится 825 тыс. м² жилья. Ряд проектов на данной территории был заявлен еще в докризисный период. С присоединением к Москве строительная активность в Коммунарке возросла. На территории поселка одновременно реализуется пять проектов компаний «Крост», «Авгур Эстейт», ГК «МИЦ», «Экспо-Риэлт», что ставит вопрос об увязанности проектов между собой. Ориентировочная численность населения новых микрорайонов составит 42 тыс. чел.

Еще одним центром активного жилищного строительства являются Новые Ватутинки (поселение Десеновское), где реализуется один из крупнейших в Новой Москве одноименный проект компании «Инвесттраст» площадью более 700 тыс. м². Начало реализации анонсированного еще в 2010 г. масштабного проекта Gazoil Park запланировано на 2014 г.

Несколько небольших проектов с общей площадью ввода жилья в 384,6 тыс. м² реализуются в поселении Щербинка. Два крупных проекта реализуются на территории поселения Внуковское. В д. Рассказовка компания «Абсолют» в рамках проекта «Ближнее Переделкино» планирует построить 1,3 млн м². Вблизи д. Пыхтино компания «Мортон» возводит микрорайон «Солнцево-Парк» (470 тыс. м² жилья).

Таким образом, уже сейчас весьма активно идет процесс трансформации при-

соединенной в 2012 г. территории из слабоурбанизированного пригорода Москвы в совокупность больших городских поселений с многоэтажной застройкой и многими десятками тысяч жителей. Причем до конца 2014 г., на который запланировано принятие Генплана, реализация 27 из 34 рассмотренных проектов должна быть завершена. С изменением статуса территории игроки рынка ожидали изменения механизмов государственного регулирования строительства. Это подтолкнуло девелоперов к скорейшей реализации запланированных или начатых «по старым правилам» проектов. Решение о присоединении привело в краткосрочном периоде к активизации жилищного строительства. Общая площадь жилых помещений на территории Новомосковского и Троицкого автономных округов увеличились с 4,81 млн м² на начало 2012 г. до 5,36 на начало 2013 г., и до 6,37 на начало 2014 г. Таким образом, общая площадь жилья за 2012–2013 гг. увеличилась на 1,55 млн м² или на 32,4% [16, 21]. В 2014–2015 гг. планируется дальнейший рост объемов строительства жилья до 2–3 млн м² ежегодно. К 2016 г. это приведет к росту площади жилья ориентировочно на 7–9 млн м² или в 2,5–3 раза по сравнению с началом 2012 г. В перспективе 3–5 лет это вызовет более чем двукратный рост численности населения Новой Москвы (ориентировочно на 350 тыс. чел.).

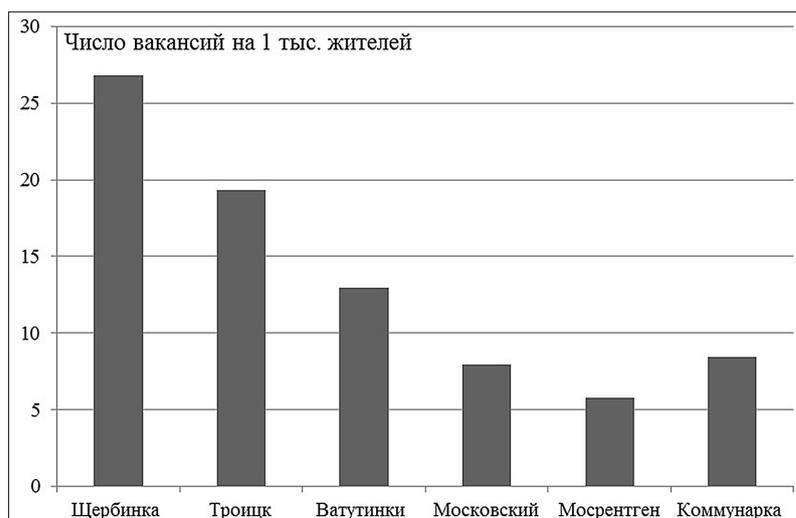

Рис. 3. Количество вакансий на тыс. жителей в основных населенных пунктах Новой Москвы, 2013 г.

Источник: составлено автором по данным Росстата, департамента труда и занятости Москвы, консалтинговой компании «Метриум Групп» [17, 19, 21].

Быстрый рост численности населения, очевидно, резко усилит дисбаланс между местами приложения труда и расселением, усугубит транспортные проблемы. Оценка состояния рынка труда на июнь 2013 г. в Новомосковском и Троицком административных округах показала наличие около 2,2 тыс. вакансий в шести основных населенных пунктах: Щербинке, Троицке, Ватулино, Московском, поселках Мосрентген и Коммунарка (рис. 3). В целом, на присоединенных территориях на тысячу жителей приходится 12,5 вакансий. На территории Москвы внутри МКАД этот показатель вдвое больше и составляет почти 25 вакансий на тысячу жителей. По числу вакансий на тысячу жителей со средними московскими показателями могут сравниться лишь наиболее крупные населенные пункты Щербинка (26,8 вакансий) и Троицк (19,3). Число рабочих мест на новых территориях возрастает, но недостаточными темпами по сравнению с ожидаемым ростом численности населения. За 2013 г. на новой территории введены в эксплуатацию 690 тыс. км² площадей многофункционального, складского, торгового, административного и производственного назначения, что позволит создать около 35 тыс. рабочих мест (около 40% от количества рабочих мест на момент присоединения). Из формирующихся деловых центров активное

строительство идет в технопарке «Румянцево», где в 2013 г. сданы в эксплуатацию 126 тыс. м² коммерческих площадей.

Быстрый рост численности населения усилит один из важнейших негативных трендов развития Московской агломерации – расползание пятна городской застройки [7]. Между тем, малоэтажное строительство, по данным Департамента развития новых территорий, составит в 2013 г. около 10%. Доминирование многоэтажного строительства приводит к разрастанию спальных районов столицы, их выплескиванию за МКАД и дальнейшему уплотнению, что негативно влияет на качество городской среды. В связи с расползанием пятна городской застройки остро встает проблема необходимой социальной инфраструктуры – школ, детских садов, поликлиник. До недавнего времени строительство инфраструктуры осуществлялось по схеме госзаказа – после ввода объекта в эксплуатацию застройщиком он переводился на баланс города. Но с весны 2013 г. московские власти, минимизируя бюджетные расходы, рекомендуют девелоперам оставлять в собственности построенную социальную инфраструктуру. Город намерен оплачивать их работу, частично компенсируя инвесторам затраты на строительство. Из объектов социальной инфраструктуры в 2013 г. инвесторы ввели

в эксплуатацию 10 детских садов, 3 школы и 2 поликлиники.

Причины резкого контраста декларируемых планов и реальных процессов трансформации лежат в поведении стейкхолдеров – ключевых сторон, заинтересованных в развитии территории.

Главная задача федеральной власти состоит в формировании законодательной рамки градостроительного процесса. Непосредственное вмешательство верховной власти в планирование развития агломерации – это уже симптом кризиса городского развития и механизмов управления им. Подобные действия властей наблюдались и в развитых странах, например в таких городах как Париж и Лондон [1]. Но в российских условиях способность федерального центра выступать независимым и эффективным фактором трансформации городской среды весьма ограничена.

Во-первых, интересы федеральных властей глубоко укоренены в Москве и Московской области. Это касается как сугубо политических интересов – необходимости иметь высокий уровень поддержки в главном городе страны, так и тесного переплетения политических и экономических элит.

Во-вторых, федеральные власти обладают слабыми компетенциями в стратегии городского развития. Оторванность федеральных властей от городских проблем, влекущая за собой неоптимальное использование средств, характерна и для развитых стран, в частности США и Канады [3]. В этих условиях, при формально больших возможностях федеральных властей они, на самом деле, не в состоянии эффективно влиять на процессы «на микроуровне».

В российских условиях определяющее влияние на развитие территории осуществляется на региональном уровне. Но различие интересов Москвы и Московской области существенно усложняет их взаимодействие в рамках агломерации. Региональные власти ориентируются не столько на реальные интересы региона, сколько на группы влияния регионального уровня – в первую очередь, на крупный строительный бизнес и девелоперов. В Московской агломерации по объему строительства лидируют СУ-155, ГК «Мортон», ГК «ПИК», ОАО «Главстрой». В первую десятку крупных застройщиков, осуществляющих свою деятельность в Новой Москве, вошли такие компании как ГК

«Масштаб», ГК «Абсолют», ГК «ПИК», ООО «Инвесттраст», ГК «МИЦ». Доминирование крупных застройщиков имеет и свои плюсы, в первую очередь речь идет о строительстве застройщиком социальной инфраструктуры – школ, детских садов, поликлиник.

Еще одной важной группой влияния регионального уровня являются владельцы земли, 10 крупнейших компаний которых контролируют в Московской агломерации 235 тыс. га территории [20]. В Новой Москве крупнейшими землевладельцами являются ГК «Масштаб» (13 тыс. га) и ГК «Абсолют» (7 тыс. га). Лоббизм крупных землевладельцев, которые заинтересованы в капитализации активов и извлечении прибыли, оказывает на планирование развития Новой Москвы существенное влияние. Наиболее эффективным способом капитализации больших земельных массивов является жилищное строительство. Именно с этой деятельностью связана сейчас реальная трансформация территории Новой Москвы.

Местная власть теоретически должна регулировать строительную деятельность на своей территории и быть ключевым игроком пространственного развития. Заинтересованность местной власти в активном коммерческом и жилищном строительстве объясняется тем, что строительство жилья дает возможность переложить на девелопера обеспечение территории социальными объектами и инфраструктурой, получение доли в новостройках квартирами позволяет выполнять социальные обязательства, а показатель ввода жилых домов является одним из важных критериев оценки работы муниципалитета.

Но финансовая зависимость муниципалитетов от вышестоящих властей и недостаток ресурсов блокируют выполнение одной из ключевых задач муниципальных властей, типичной для зарубежной практики – конструирование места, среды обитания (placemaking), поиск компромиссов в развитии территории с учетом потребностей местного сообщества, инициатив бизнеса и планировщиков [11]. В российских условиях эффект от жилищного строительства слабо локализован на территории – местные жители не влияют на процесс строительства, а налоговая база местного бюджета не зависит от возводимой недвижимости. Для местной власти экономически привлекателен только сам

процесс строительства. Это порождает приоритет локальных краткосрочных интересов над стратегическим развитием территории и стимулирует рентоориентированное поведение местной власти.

Поведение местной власти могло бы измениться с введением налога на недвижимость, который направлялся бы в местный бюджет, или переход к уплате НДФЛ по месту жительства [9]. Рост налоговых поступлений в местный бюджет позволил бы муниципалитетам создать финансовую базу для развития территории. Возросла бы заинтересованность местной власти в качестве создаваемой среды с целью привлечения лиц с более высокими доходами.

Институциональные рамки. Анализ взаимодействия интересов стейкхолдеров показывает, что в настоящий момент функционирование рынка недвижимости характеризуется наличием нескольких институциональных ловушек [8]. Так, идея расширения Москвы предполагала, что свободные территории позволят решить городские проблемы. Но к моменту изменения юридического статуса территорий девелоперы форсировали строительство. Власти были поставлены перед фактом массовой застройки, причем, в отличие от Москвы, земля на новых территориях находится в основном в частной собственности. Отменить проекты было уже невозможно, не вызвав массового недовольства дольщиков, приобретших квартиры на ранней стадии строительства, а также местных властей и бизнеса. В итоге попытка использования крупного резерва свободных территорий привела к его резкому сокращению.

В настоящий момент освоение Новой Москвы идет под воздействием двух мощных векторов различной природы. Во-первых, это усилия городских властей, направленные на создание новых центров притяжения и опережающий ввод инфраструктуры, и, во-вторых, достаточно хаотическое стремление девелоперов и лендлордов максимизировать свою прибыль, пользуясь изменением статуса территории. Сквозь хаос отдельных проектов, расположение которых определяется более или менее случайно приобретенными землями на основе различных связей и лоббизма, проглядывает определенная рыночная логика – застраиваются наиболее привлекательные участки, в первую очередь по

транспортной доступности и возможности решения инфраструктурных вопросов. Таким образом, взаимодействие стейкхолдеров устроено таким образом, что де-факто стратегические вопросы развития агломерации – ограничение расплозания городской застройки, опережающее развитие транспортной инфраструктуры, повышение качества городской среды, развитие местных сообществ – не получают удовлетворительного решения, даже при концентрации усилий со стороны региональных властей. Более того, ключевые проблемы усугубляются именно в результате усилий по их решению, что и является признаком «ловушки развития».

Опыт Новой Москвы показывает, что проекты развития территории часто приводят к результатам, обратным ожидаемым.

В этих условиях перед властью стояли две альтернативы:

Введение системных институциональных изменений, ужесточение контроля над исполнением существующего законодательства, создание экономических стимулов для местной власти к изменению линии поведения, повышение зависимости местной власти от населения.

Создание специальных механизмов на реорганизуемой территории, движение в ключе «ручного управления».

Приняв в апреле 2013 г. федеральный закон (ФЗ–43) об изъятии земель на территории Новой Москвы, который будет действовать до 1 января 2020 г, власть выбрала второй путь. Этот выбор обусловлен необходимостью быстро и оперативно действовать на новых территориях. Принятие подобных мер дает власти большую свободу, но в долгосрочной перспективе порождает целый ряд проблем. Создается эксклюзивное законодательство [9], противоречащее Градостроительному, Земельному и Гражданскому кодексу. Федеральный закон №43 от 05.04.2013 г. допускает разработку документов по планировке территории без опоры на документы территориального планирования и без публичных слушаний. Это ведет к утрате реальной значимости Генеральных планов и правил землепользования и застройки, лишает местное население возможности воздействовать на ситуацию и фактически «развязывает руки» девелоперам, позволяя им разрабатывать документы по планировке территории, которые игнорируют проблемы агломерации, но спо-

способствуют максимизации дохода. Выбирая более выгодный в краткосрочном плане путь, власти способствуют развитию непрозрачных и недемократичных схем взаимодействия и усугубляют ситуацию в перспективе – еще одна «ловушка развития», с которой сталкивается Московская агломерация.

Такое положение дел еще раз подчеркивает специфичность институциональных условий в России, что делает невозможным простое копирование и ориентацию на лучшие практики развитых стран. Анализ международного опыта показывает, что, в отличие от России, в развитых странах проекты реализуются преимущественно государственными или муниципальными властями, частные компании выступают только как подрядчики. Это позволяет строительным и девелоперским компаниям освободиться от несвойственных им функций планирования развития территории и подготовки инфраструктуры и сосредоточиться на своей основной сфере компетенции. Активное участие местных сообществ и местной власти в процессе планирования обеспечивает общественный контроль над застройкой [13]. Все это позволяет реализовывать комплексные проекты и указывает на необходимость развития эффективных институтов контроля за строительной деятельностью [12]. По-видимому, при планировании развития Московской агломерации более целесообразно опираться на опыт крупных городов развивающихся стран, например китайского метрополитенского ареала Гуанчжоу [10]. Это определяется сходством институциональных условий, несовершенством законодательства, авторитарными тенденциями в управлении, относительно низкой обеспеченностью жильем, отсутствием развитых механизмов местного самоуправления, тесной связью застройщика и местных властей. Одновременное наличие этих факторов в развивающихся странах создает кардинальное отличие от условий современных развитых стран. Высокие темпы урбанизации на фоне постсоциалистической трансформации экономики усиливают сходство с процессами, происходящими на территории Московской агломерации.

Наконец, заведомо бесперспективны попытки решить проблемы Московской агломерации без развития альтернативных центров притяжения на общенациональном уровне.

Необходимо переломить тренд концентрации населения и экономической активности в крупнейшей агломерации страны, который обусловлен не только и не столько агломерационными эффектами повышения продуктивности в крупном городе, сколько «столичной рентой», что придает этой концентрации деструктивный характер. Теоретически, положительный эффект от процессов концентрации описывается простейшими моделями новой экономической географии. Но внесение в модель простых и логичных дополнений [10] позволяет прийти к принципиально другим выводам – существует определенный оптимум концентрации, превышение которого замедляет экономический рост. И теоретические концепции, и острота разнообразных проблем дают основания утверждать, что в Москве оптимальный уровень концентрации уже превышен.

Выводы. 1. На территории Новой Москвы идут исключительно активные трансформационные процессы, в первую очередь жилищное строительство в больших масштабах. Новые территории являются «переходной зоной» активной застройки. Это уже не сельская местность, но еще и не город – самый сложный объект управления. Территория быстро урбанизируется, формируется целый ряд городских поселений с преимущественно многоэтажной застройкой и десятками тысяч новых жителей.

2. На новых территориях действует множество заинтересованных сторон (стейкхолдеров) федерального, регионального и муниципального уровня, что усложняет управление ей, так как территория активно реагирует на внешнее воздействие, а трансформационные процессы идут совершенно не так, как планируют городские власти.

3. В отличие от планов властей, жилищное строительство идет опережающими темпами по сравнению с возведением деловой и коммерческой недвижимости. Как следствие, рост населения опережает создание мест приложения труда. В результате фактическая локализация новых центров развития отличается от запланированной и определяется процессами жилищного строительства, а не созданием производственных, научных или образовательных кластеров.

4. Главная причина отличий фактических трендов от планируемых – специфика инсти-

туциональной среды – слабость муниципалитетов, отсутствие контроля снизу, неисполнение норм регулирования, доминирование интересов бизнеса, доминирование неформальных институтов над формальными.

5. Планирование развития агломерации должно учитывать ловушки развития, когда краткосрочная оптимизация усугубляет долгосрочные негативные тренды. Решение проблем Москвы за счет расширения территории способствует росту интенсивности миграции, численности населения, транс-

портной нагрузки, что приведет к дальнейшей сверхконцентрации экономической активности и ресурсов страны в столичном регионе и к еще более острому кризису на новом витке.

6. Для трансформации пространственной структуры Московской агломерации с целью решения наиболее острых проблем необходимо создать коалицию реально действующих на территории стейкхолдеров, выстроить механизмы коммуникации между ними для принятия согласованных решений.

Библиографический список

1. Глазычев В.Л. Город без границ. – М.: Территория будущего, 2011. – 400 с.
2. Глазычев В.Л. Урбанистика. – М.: Изд-во «Европа», 2008. – 220 с.
3. Джекобс Дж. Экономика городов. – Новосибирск: Культурное наследие, 2008. – 294 с.
4. Лаппо Г.М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение // Известия АН СССР. Сер. географическая. – 1983. – № 5. – С. 16–28.
5. Любовный В.Я., Сдобнов Ю.А. Москва и столичный регион: проблемы регулирования социально-экономического и пространственного развития. – М.: Экон-информ, 2011. – 401с.
6. Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Московская область сегодня и завтра. – М.: Новый хронограф, 2008. – 344 с.
7. Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Пространственные тенденции социально-экономического развития Московской агломерации // Территория и планирование. – 2012. – № 4 (40). – С. 18–32.
8. Полтерович В. М. Элементы теории реформ. – М.: Экономика, 2007. – 446 с.
9. Трутнев Э.К. Новая Москва вне закона? // Проект Россия. – 2013. – № 67. – февраль-март.
10. Fujita M., Krugman P., Venables A.J. The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade. – Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1999. – 367 p.
11. Golubchikov, O., Phelps, N. and Makhrova, A. From closed city to edge city? Governing growth at the periphery of Moscow – the case of Khimki // Phelps, N. and Wu, F. (eds). International Perspectives on Suburbanization: A Post-Suburban World? – Palgrave-MacMillan, 2011. P. 177–191.
12. Housing policy – a fundamental review. The Institute for Public Policy Research (IPPR), 2011. Режим доступа: www.ippr.org (дата обращения: 23.11.2013).
13. Madennan, D. & O'Sullivan, A., Localism, Devolution and Housing Policies // Housing Studies. – 2013. – P. 1–17.
14. Zhu J. Governance over land development during rapid urbanization under institutional uncertainty, with reference to periurbanization in Guangzhou metropolitan region, China // Environment and Planning C: Government and Policy. 2013. – Т. 31. – № 2. – С. 257–275.
15. Аналитический центр «Индикаторы рынка недвижимости» IRN.RU [Электронный ресурс] URL: www.irn.ru (дата обращения: 14.12.2013).
16. Департамент развития новых территорий Москвы [Электронный ресурс] URL: www.dmnt.mos.ru (дата обращения: 23.12.2013).
17. Департамент труда и занятости Москвы [Электронный ресурс] URL: <http://trud.mos.ru> (дата обращения: 16.12.2013).
18. Информационный портал о недвижимости RealEstate [Электронный ресурс] URL: www.realestate.ru (дата обращения: 26.01.2014).
19. Консалтинговая компания «Метриум Групп» [Электронный ресурс] URL: www.metrium.ru/news/detail/16769 (дата обращения: 16.01.2014).
20. Независимый земельный портал Zemer.ru [Электронный ресурс] URL: www.zemer.ru (дата обращения: 26.12.2013).
21. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] URL: www.gks.ru (дата обращения: 02.12.2013).

Петрова Е.Г. (Москва)

ПРИРОДНО-ТЕХНОГЕННЫЙ РИСК КАК ПРОБЛЕМА РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Petrova E.G.

NATURAL-TECHNOLOGICAL RISK AS A PROBLEM OF REGIONAL DEVELOPMENT

Аннотация. Опасные природные воздействия на население и хозяйство, приводящие к усилению природно-техногенного риска и наносящие значительный социальный, экономический и экологический ущерб, рассматриваются как проблема и один из факторов регионального развития. Проанализированы социально-экономические последствия крупнейшей природно-техногенной катастрофы 2011 г. в Японии; было выявлено, что она не только нанесла серьезный урон населению и экономике страны, но и оказала определенное влияние на дальнейшее социально-экономическое развитие на региональном, национальном и даже на глобальном уровне. Проведена оценка природно-техногенного риска для регионов России на основе анализа составленной автором базы данных. Выделены пять групп субъектов РФ по уровню риска.

Abstract. The paper considers natural hazards impacts on people and economics, which increase natural and technological risk causing a large social, environmental and economic damage, as a problem and one of factors influencing on regional development. The author has analyzed social and economic consequences of the most severe natural-technological disaster that occurred 2011 in Japan. It was revealed that the disaster not only caused a large damage to the population and economy of the country, but also influenced on the social and economic development at regional, national and even at global level. Natural-technological risk to the regions of Russia was evaluated using a database that was created by the author. Five groups of regions in terms of risk level were revealed.

Ключевые слова: опасные природные воздействия, природно-техногенный риск, социально-экономические последствия, региональное развитие.

Keywords: natural hazards impacts, natural-technological risk, social and economic consequences, regional development.

Введение. В последнее десятилетие во многих регионах мира отмечено нарастание повторяемости, интенсивности проявления и тяжести последствий опасных природных процессов различного генезиса. Они не только влекут за собой значительные экономические и социальные потери, но и начинают входить в число факторов, способных повлиять на социально-экономическое развитие на различных уровнях от регионального до глобального [1]. Наибольший экономический и экологический ущерб, значительные людские потери нанесла катастрофа в Японии 11 марта 2011 г. в результате 9-ти балльного землетрясения у северо-восточных берегов острова Хонсю, породившего более чем 30-ти-метровые волны цунами, в свою очередь спровоцировавшие аварию на АЭС Фукусима и множество других аварий [7, 8, 14, 25]. Эта природно-техногенная катастрофа, при всей тяжести ее последствий, в том числе и макроэкономического характера, привела определенный импульс дальнейшему развитию и модернизации экономики затронутых бедствием районов и страны в целом.

К серьезным экономическим и социальным последствиям приводят наводнения [18], количество которых увеличилось в 1,5 раза, по сравнению с аналогичными периодами в прошлом. В России наиболее тяжелыми были последствия наводнения в Краснодарском крае в июле 2012 г., когда за несколько дней выпала многомесячная норма осадков [5], и паводка на Дальнем Востоке осенью 2013 г. В результате бедствия 2012 г., по официальным данным, экономический ущерб оценивался в 20 млрд. руб.

В статье опасные природные воздействия на население и хозяйство, приводящие к усилению природно-техногенного риска, рассматриваются как одна из важных проблем регионального развития. На основе анализа информации, собранной в созданной автором базе данных техногенных и природно-техногенных аварий и ЧС, проводится оценка природно-техногенного риска для регионов России.

Понятие природно-техногенного риска. Воздействие различных неблагоприятных и опасных природных процессов и

явлений на население и хозяйство может не только приводить к формированию чрезвычайных ситуаций природного характера от локального до регионального, федерального и трансграничного уровня, но и выступать в роли «спускового крючка» для возникновения целого ряда аварий в техносфере. Таким образом, опасные природные воздействия не только наносят прямой социальный и экономический ущерб, но становятся также одним из дополнительных и немаловажных факторов усиления техногенного риска, который в данном случае можно рассматривать как природно-техногенный. Под риском понимается возможность нежелательных последствий какого-либо действия или течения событий. Под термином природно-техногенный риск автор, вслед за С.М. Мягковым [10], понимает техногенный риск, провоцируемый какими-либо природными событиями и, соответственно, под природно-техногенными авариями / ЧС понимаются любые аварии / ЧС в техносфере, вызываемые теми или иными природными процессами или явлениями. В свою очередь, усиление на современном этапе природного и природно-техногенного риска оказывает заметное воздействие на социально-экономическое развитие не только на региональном, но даже на общенациональном и международном уровне.

Мы разделили все природные процессы на два типа по их генезису, пространственному распространению и характеру воздействия на техносферу и общество [22]. К первому типу были отнесены различные солнечно-космические возмущения, аномалии магнитных и других геофизических полей, способные спровоцировать аварии как напрямую, вследствие вызываемых ими сбоев электроники и автоматики, так и опосредованно, усиливая действие так называемого «человеческого фактора». Такое опосредованное влияние может быть связано с замедлением или неадекватностью реакции, снижением надежности работы операторов различных технических систем, водителей, пилотов и других людей под воздействием вспышек на Солнце, магнитных бурь и других подобных явлений. Кроме того, вариации гравитационного поля Солнечной системы (особенно сильные в системе Земля–Луна–Солнце) влияют на усиление глубинных газовых потоков из внешнего ядра Земли (метана, водорода, аммиака, сероводо-

рода и др.) и планетарной дегазации, т.е. выброса этих газов в гидросферу и атмосферу в рифтовых зонах [17]. Природные процессы данного типа отличаются либо глобальным распространением (как возмущения солнечно-космического происхождения), либо имеют определенную географическую привязку (в случае геофизических аномалий). По данным ряда исследований, эти процессы могут повысить вероятность возникновения различных транспортных аварий, аварий на шахтах и некоторых других [4, 17, 19, 21]. Во второй тип были выделены все опасные геологические, гидрометеорологические и другие природные процессы и явления, которые оказывают преимущественно прямое механическое воздействие на объекты техносферы, тем самым, становясь непосредственной причиной аварий или нарушая условия нормального функционирования тех или иных объектов экономики. Эти явления очень сильно различаются по своим масштабам, географическому распространению и распределению во времени.

Число различного рода природно-техногенных аварий и катастроф в мире в целом постоянно увеличивается, как увеличивается и наносимый ими экономический, экологический и социальный ущерб [24]; до конца текущего столетия прогнозируется дальнейший их рост. Такая тенденция объясняется, с одной стороны, наблюдающейся интенсификацией самих опасных природных процессов (в том числе, в связи с изменениями климата) [6], а с другой стороны, значительно усложнившимся составом современных технологических систем, подпадающих под нежелательные природные воздействия. Кроме того, нарастание природного и природно-техногенного риска обусловлено все большим продвижением экономической деятельности в районы, подверженные опасным природным воздействиям, в том числе и в связи с активным освоением прибрежных районов и континентального шельфа. В нашей стране ситуация дополнительно усугубляется критическим состоянием значительной части объектов техносферы (особенно, энергетики [16], транспорта и ЖКХ) в связи с сильной степенью изношенности, что делает их особенно уязвимыми к внешним воздействиям.

Одной из основных особенностей природно-техногенных событий является их

комплексный и синергетический характер, когда воздействие одного (или нескольких усиливающих друг друга) природных процессов провоцирует возникновение многочисленных аварий в техносфере, в свою очередь, вызывающих новые аварии по принципу домино. Так, например, нарушение электроснабжения в результате аварий на энергосистемах, вызванных природными факторами, может повлечь за собой аварии на промышленных, транспортных, сельскохозяйственных, рекреационных, коммунально-бытовых и других объектах или нарушение их нормальной работы. При этом ЧС природно-техногенного характера, в отличие от техногенных, происходящих по каким-либо другим причинам, по своим масштабам чаще выходят за рамки локальных или муниципальных и достигают регионального и даже межрегионального уровня.

Особенно острые проблемы возникают в тех случаях, когда в зону интенсивных природных воздействий попадают объекты повышенной опасности, такие как АЭС, нефтеперерабатывающие и химические предприятия, нефте-, газо- и продуктопроводы, хранилища сильнодействующих ядовитых или других вредных веществ, а также различных опасных, в том числе и радиоактивных отходов. В этом случае стихийное бедствие может спровоцировать аварии с выбросом в окружающую среду нефти и нефтепродуктов, загрязняющих или радиоактивных веществ. Это умножает суммарный материальный ущерб, а также социальные и экологические последствия от самого стихийного бедствия.

Ликвидация последствий природно-техногенных катастроф, как правило, также бывает очень сильно затруднена, по сравнению с «обычными» стихийными бедствиями или техногенными авариями, поскольку спасателям и управленческим структурам приходится одновременно справляться с последствиями и тех, и других. Последствия эти тем более тяжелы, чем выше плотность населения и концентрация промышленных, социальных, инфраструктурных и других уязвимых объектов в затрагиваемых бедствием районах и чем ниже степень их защищенности. При этом все силы и средства быстрого реагирования направляются в первую очередь на борьбу со стихией. Это ограничивает возможности ликвидации вторичных техно-

генных последствий, которые могут оказаться не менее, а иногда и более серьезными. Ситуация осложняется еще и тем, что в условиях стихийных бедствий все транспортные коммуникации, инфраструктура, линии электроснабжения и связи, необходимые для оперативной ликвидации негативных последствий, могут оказаться разрушенными.

Проблемы российских регионов. В России природно-техногенные аварии с катастрофическими последствиями случаются достаточно редко. Однако их потенциальную возможность все же необходимо учитывать, особенно при хозяйственном освоении районов повышенного природного риска, каким является, например, Дальневосточный регион, подверженный воздействию землетрясений, цунами, вулканических извержений, наводнений, сильных ветров, штормов, дождей, снегопадов и других природных опасностей. Наиболее тяжелыми были последствия землетрясения на Сахалине 28 мая 1995 г, которое стало самым разрушительным в России за всю историю наблюдений. Помимо значительного количества жертв и материального ущерба, оно вызвало множество аварий в техносфере, в том числе более 200 порывов нефтепроводов АО «Сахалинморнефтегаз»; было повреждено 275 км магистрального и более 100 км промысловых нефтепроводов, нефтеперекачивающая станция, четыре пункта сбора и подготовки нефти и газа. Вышли из строя 200 эксплуатационных скважин и одна буровая установка, произошло свыше 100 порывов коллекторов нефтяных скважин. По некоторым данным, в результате в окружающую среду вытекло несколько десятков тысяч тонн нефти. Природе был нанесен сильный ущерб, поскольку все нефтепроводы традиционно были закопаны в грунт и не были рассчитаны на сейсмические события. По нерестовым рекам нефть ушла в заливы и в Охотское море [2].

Масштабные бедствия, затрагивающие значительную территорию, случаются при участившихся в последние десятилетия наводнениях. Так, паводок, начавшийся в августе 2013 г. с Амурской области, охватил в общей сложности пять субъектов Дальневосточного федерального округа и также был самым масштабным в регионе за всю историю наблюдений. Причиной стали очень сильные и продолжительные осадки на общей террито-

рии длиной более 4 тыс. км и шириной более 2 тыс. км, включая территорию КНР. Ситуация осложнилась тем, что в связи с многоснежной зимой и поздним таянием снега в регионе из-за холодной весны почва уже на 70–80% была насыщена влагой и не смогла впитать дождевую воду, дополнительно выпавшую на эту территорию в июле-августе [9]. Значительную роль сыграла также недостаточная оснащённость российских берегов реки Амур противопаводковыми дамбами и другими защитными сооружениями. Крупных природно-техногенных аварий отмечено не было, однако были подтоплены дороги, объекты энергетики, ЖКХ, жилые дома и объекты социальной инфраструктуры. Под воду ушли целые поселения, сельскохозяйственные угодья, пастбища и практически вся инфраструктура. Всего от наводнения на Дальнем Востоке пострадали около 350 населенных пунктов, в которых проживают более 100 тыс. чел. Из более чем 300 населенных пунктов было эвакуировано свыше 30 тыс. чел. [3]. В Еврейской АО, Амурской и Магаданской областях, Хабаровском и Приморском краях был введен режим ЧС. По предварительным оценкам МЧС РФ, нанесенный ущерб превысил 30 млрд руб.

Более 90% всех природно-техногенных аварий в России происходит под воздействием опасных природных процессов и явлений гидрологического и метеорологического характера или связанных с ними природных опасностей другого генезиса. Это показал анализ информации, собранной автором в постоянно пополняемой электронной базе данных по чрезвычайным ситуациям и авариям в техносфере, в том числе вызванным природными факторами [12, 13]. В настоящее время база данных насчитывает более 14 тыс. единиц информации.

На основе накопленной информации была проведена оценка повторяемости за 1991–2012 гг., пространственного распределения на уровне субъектов федерации и последствий природно-техногенных ЧС (ПТЧС) в России. В результате было выделено 12 различных типов ПТЧС:

- 1) аварии систем электро-, теплоснабжения и связи вследствие землетрясений, наводнений, сильных ветров различного генезиса, снегопадов, дождей и града, сильных морозов, грозных разрядов, снежных лавин, селей,

оползней или гололедно-изморозевых явлений (более 60% всех ПТЧС);

- 2) аварии систем водоснабжения в результате сильных морозов, дождей, наводнений, землетрясений или просадок грунта (3%);
- 3) внезапные обрушения зданий и сооружений под воздействием сильных ветров, снегопадов, дождей, сильных морозов, подтоплений или просадок грунта (15%);
- 4) порывы трубопроводов в результате землетрясений, различных склоновых процессов, а также сильных ветров, снегопадов, дождей, града или ударов молний (6%);
- 5) пожары и взрывы, возникшие из-за сильной жары или молний;
- 6) взрывы и пожары на шахтах в результате аккумуляции водорода и метана вследствие глубинной дегазации Земли (подробнее, см. [17]);
- 7) водные аварии, вызванные штормами, циклонами, тайфунами и туманами;
- 8) автомобильные аварии из-за снегопадов и метелей, гололедицы, дождей, туманов, снежных лавин или селей;
- 9) железнодорожные аварии в результате снежных заносов, дождей, лавин, селей, оползней, камнепадов или сильной жары;
- 10) авиакатастрофы, обусловленные неблагоприятными метеоусловиями, а также другими природными факторами;
- 11) аварии с выбросом различных загрязняющих веществ в результате наводнений или оползней;
- 12) сельскохозяйственные аварии (гибель посевов) вследствие засухи, наводнений, морозов, снегопадов, дождей и града или бурь.

Самую большую долю среди зарегистрированных в базе природно-техногенных событий составляют аварии на объектах производственной и транспортной инфраструктуры, таких как системы электро-, тепло- и водоснабжения, трубопроводы, линии связи, железные и автомобильные дороги, которые были спровоцированы различными опасными природными воздействиями [23]. Наиболее часто на территории практически всех российских регионов возникают ЧС, обусловленные авариями в электроэнергетических системах. Они приводят к продол-

жительным отключениям электроэнергии на транспорте, промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, социальных объектах и в коммунально-бытовом секторе. Это может, в свою очередь, вызвать целый ряд других аварий. Аварийное отключение энергоснабжения наносит существенный ущерб экономике, нарушает нормальные условия жизнедеятельности населения, создает серьезные социальные проблемы, особенно в холодное время года. Более 70% всех ЧС в системах электроснабжения обусловлено природными причинами. Особенно уязвимы к неблагоприятным природным воздействиям воздушные ЛЭП, составляющие основную долю в суммарной их протяженности в России. Лидерами по повторяемости ПТЧС в системах электроснабжения являются Сахалинская область и Краснодарский край (более 2 ЧС в среднем за год), в наибольшей степени подверженные воздействию сильных ветров, снегопадов, дождей и других природных процессов, опасных для ЛЭП. Повышенной повторяемостью ПТЧС этого типа отличаются также Приморский и Ставропольский края, Ленинградская, Саратовская и Новгородская области, Республика Татарстан (более 1 ЧС в год).

Значительный экономический и экологический ущерб наносят аварии на трубопроводном транспорте, особенно те из них, которые сопровождаются разливами нефти и нефтепродуктов. Абсолютным лидером по количеству ЧС на трубопроводах является Ханты-Мансийский АО; велико их число также в Башкортостане, Дагестане, Пермском, Краснодарском и Ставропольском краях, Самарской, Саратовской и Свердловской областях. Основные причины аварий на трубопроводах – сильная изношенность фондов и, так называемый, «человеческий фактор» – случайное или преднамеренное нарушение труб, эксплуатационные ошибки. Аварии на трубопроводах, вызванные опасными природными воздействиями, были отмечены за рассматриваемый период в 26 субъектах РФ. Среди природных причин аварий наиболее значимы оползни (Краснодарский и Ставропольский края, Республики Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Ингушетия, Чеченская и Удмуртия, Саратовская и Самарская области) и смещения грунта (Ленинградская, Смоленская обл., Республика Чувашия, Ханты-Мансийский АО); силь-

ные ливни и наводнения (Краснодарский и Ставропольский края, Пензенская, Саратовская обл., Республики Кабардино-Балкария, Татарстан, Саха и Северная Осетия), а также сильный ветер (Краснодарский и Ставропольский края, Самарская, Оренбургская обл., Республики Чувашия и Мордовия); превышение снеговых нагрузок (Сахалин); морозное пучение грунтов и другие геоэкологические процессы (Республика Коми, Тюменская обл., Ханты-Мансийский АО).

Железнодорожные аварии и нарушения железнодорожного сообщения под воздействием природных факторов были зафиксированы на территории 19 субъектов РФ. Их причинами стали метели и снежные заносы (Ямало-Ненецкий АО, Оренбургская обл.), сильные ливни (Республика Дагестан, Амурская область), снежные лавины (Сахалинская область, Хабаровский край), сильная жара (Республика Калмыкия, Ростовская обл.), оползни (Краснодарский край, Орловская обл.), сели (Краснодарский край) и камнепады (Хабаровский край, Республика Башкортостан).

Суммарный природно-техногенный риск для субъектов РФ был оценен по повторяемости природно-техногенных событий всех выделенных типов за исследованный период. В целом риск возникновения ПТЧС наиболее велик в Сахалинской области, Краснодарском, Приморском Ставропольском и Хабаровском краях, Республиках Дагестан, Карачаево-Черкесия и Татарстан, Ленинградской, Ростовской, Амурской, Нижегородской, Саратовской и Челябинской областях. Именно в этих регионах следует, прежде всего, принимать необходимые превентивные меры по предупреждению таких аварий и повышению степени защищенности и подготовленности к ним.

Заключение. Природно-техногенные ЧС происходят не так часто как техногенные, однако они приводят к более тяжелым последствиям и требуют больших усилий по их ликвидации, поскольку отличаются комплексным характером (одновременным проявлением последствий самих опасных природных процессов и спровоцированных ими техногенных аварий) и большей зоной распространения.

Основная часть всех ПТЧС, происшедших в России за рассматриваемый период, была обусловлена воздействием неблаго-

приятных и опасных природных процессов и явлений гидрометеорологического характера. Поэтому следует ожидать увеличения их повторяемости и тяжести последствий в результате прогнозируемой активизации этих процессов к концу столетия [15]. Так, положительная динамика осадков в холодное время года, чередование оттепелей и похолоданий повышает риск обрыва ЛЭП, различных транспортных аварий и внезапных обрушений. Может возрасти число и тяжесть ЧС, вызванных наводнениями и паводками. Увеличение продолжительности периодов с критически высокими значениями температуры воздуха в центральных и южных районах России может повысить вероятность возникновения пожаров. Прогрессирующее таяние многолетнемерзлых пород и активизация различных геокриологических опасностей создает угрозу разрушения автомобильных и железных дорог, нефте-, продукто- и газопроводов, ЛЭП, других линейных сооружений, а также внезапного обрушения зданий, построенных в расчете на постоянно мерзлый грунт. Особой опасности будут подвергаться районы размещения хранилищ радиоактивных и других промышленных отходов. Что касается опасных природных процессов другого генезиса, то наиболее катастрофическими могут

оказаться последствия землетрясений и цунами, которые необходимо учитывать, в том числе и для перспективного развития нефтедобычи в Дальневосточном регионе.

Все эти ожидаемые негативные последствия делают проблему природного и природно-техногенного риска особенно актуальной. Полезным для нашей страны может оказаться изучение японского опыта управления природными рисками. Одним из важных уроков катастрофы 2011 г. должен стать вывод о недопустимости размещения особо опасных промышленных объектов в зонах повышенного природного риска. Необходимо также по возможности выводить из таких зон жилые и социальные объекты, создавать надежные убежища для людей, обеспеченные автономными источниками энергии, запасами воды и продовольствия, возводить защитные сооружения.

Исследования в этой области должны быть продолжены, в том числе усилиями экономико-географов. В первую очередь, эти исследования должны быть направлены на снижение уязвимости и повышение защищенности населения и хозяйства российских регионов к неблагоприятным природным воздействиям, особенно в тех районах, где риск возникновения ПТЧС наиболее велик.

Библиографический список

1. Бакланов П.Я. Экстремальные природные процессы и устойчивое развитие региона (некоторые теоретические аспекты) // Стихийные природные процессы: географические, экологические и социально-экономические аспекты. – М.: Изд-во НЦ ЭНОС, 2002. – С. 4–9.
2. Воробьев Ю.Л., Акимов В.А., Соколов Ю.И. Предупреждение и ликвидация аварийных разливов нефти и нефтепродуктов. – М.: Ин-октаво, 2005. – 368 с.
3. Интервью министра по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий В. Пучкова. URL: <http://www.mchsmedia.ru>
4. Канониди Х.К., Ораевский В.Н., Белов А.А., Гайдаш С.П., Лобков В.Л. Сбои в работе железнодорожной автоматики во время геомагнитных бурь // Проблемы прогнозирования чрезвычайных ситуаций. Научно-практическая конференция. Сборник материалов. – М.: Центр «Антистихия», 2002.
5. Котляков В.М., Десинов Л.В., Долгов С.В., Коронкевич Н.И., Лихачёва Э.А., Маккавеев А.Н., Медведев А.А., Рудаков В.А. Наводнение 6–7 июля 2012 года в городе Крымске // Известия РАН. Сер. географическая. – 2012. – № 6. – С. 80–88.
6. Кузьмин С.Б. Оценка риска хозяйственной деятельности в условиях стихийных бедствий по странам мира // Известия РАН. Сер. географическая. – 2007. – № 4. – С. 86–96.
7. Лебедева И.П. Март 2011: экономическое измерение // Япония: события 11 марта 2011 года. Итоги и уроки. – М.: АИРО-XXI, 2012. – С. 72–89.
8. Маркарьян С.Б. События 11 марта 2011 года и аграрный сектор японской экономики // Япония: события 11 марта 2011 года. Итоги и уроки. – М.: АИРО-XXI, 2012. – С. 90–113.
9. Меняется ли климат: причина наводнения на востоке России. Интервью Русской службы Би-би-си с начальником ситуационного центра Росгидромета Юрием Варакиным. URL: <http://www.bbc.co.uk>
10. Мягков С.М. География природного риска. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. – 224 с.
11. Мягков С.М. Социальная экология: этнокультурные основы устойчивого развития. – М.: НИИПИ экологии города, 2001. – 190 с.
12. Петрова Е.Г. Природно-техногенные ЧС в России: опыт составления и анализа базы данных // Снежные лавины, сели и оценка риска / Под ред. А.Л. Шныпаркова. – Вып. 2. – М: Университетская книга, 2009. – С.152–162.

13. Петрова Е.Г. Природные воздействия на техносферу: проблемы российских регионов // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. Сборник научных статей. – Смоленск: Универсум, 2011. – С. 524–528.
14. Петрова Е.Г. Социальные, экономические и экологические последствия землетрясения и цунами 11 марта 2011 года в Японии // Проблемы снижения природных опасностей и рисков. Т.1. – М: РУДН, 2012. – С. 310–314.
15. Петрова Е.Г., Шныпарков А.Л. Чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера. // География, общество, окружающая среда. Т. IV: Природно-антропогенные процессы и экологический риск. Ч. 4. Природный и техногенный риски. – М.: Изд. дом «Городец», 2004. – С. 334–348.
16. Сдасюк Г.В. Демонтаж ЕЭС России – усиление рисков развития страны и регионов // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. Сборник научных статей. – Смоленск: Универсум, 2011.
17. Сывороткин В.Л. Глубинная дегазация Земли и глобальные катастрофы. – М.: ООО «Геоинформцентр», 2002. – 250 с.
18. Таратунин А.А. Факторы роста ущерба от наводнений // Известия РАН. Сер. географическая. – 2013. – № 6. – С.122–125.
19. Эпов А.Б. Закономерности возникновения техногенных чрезвычайных ситуаций и их связь с природными процессами // Проблемы безопасности при чрезвычайных ситуациях. – М., 1994. Вып.12.
20. Earthquake Report [Электронный ресурс] URL: <http://earthquake-report.com/>
21. Petrova, E.: Natural hazards and technological risk in Russia: the relation assessment, Nat. Hazards Earth Syst. Sci., 2005, 5, 459–464, DOI: 10.5194/nhess-5-459-2005.
22. Petrova E. Natural hazards as pre-conditions of technological disasters in Russia // Georisk: Assessment and Management of Risk for Engineered Systems and Geohazards, 2008, 2:4, p.248–256. DOI: 10.1080/17499510802369124.
23. Petrova E.: Critical infrastructure in Russia, Geographical analysis of accidents triggered by natural hazards, Environ. Eng. Manage. J., 10(1), 53–58, 2011.
24. Petrova E.G., Krausmann E.. Postface: «From natural hazards to technological disasters». // Natural Hazards and Earth System Sciences, ISSN 1684-9981, 1561-8633; European Geosciences Union, 11, 2011, p. 3063–3065.
25. Results of the Emergency Survey on the Actual Status of Industries after the Great East Japan Earthquake. June 2011, p.2.

Сомов Э.В. (Москва)

МАТЕМАТИКО-КАРТОГРАФИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ДОСТУПНОСТИ ЦЕНТРА ГОРОДА НА ОБЩЕСТВЕННОМ ТРАНСПОРТЕ ПРИ ОЦЕНКЕ ТРАНСПОРТНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ Г. МОСКВЫ

Somov E.V.

MATHEMATICS AND CARTOGRAPHIC MODELING ACCESSIBILITY CITY CENTER BY PUBLIC TRANSPORT WHEN ASSESSING TRANSPORT SECURITY OF THE POPULATION OF MOSCOW

***Аннотация.** Исследование посвящено созданию и использованию сетевой модели системы общественного транспорта г. Москвы для крупномасштабных географических исследований городских территорий, а также анализу этой модели с применением ГИС-технологий. В ходе исследования, на основе созданной сетевой модели, выполнено моделирование доступности центра города на общественном транспорте, в статье описаны его методика и особенности, приведен краткий анализ результатов.*

***Abstract.** The research is devoted to the creation and usage of Moscow public transport network model for large-scale geographical studies of urban areas. Also the study focuses on the analysis of this model using GIS technologies. On the basis of created network model the city center accessibility by public transport has been modeled. The article describes the modeling technique and provides brief analysis of the results.*

***Ключевые слова:** математико-картографическое моделирование, сетевые модели, транспортная доступность, общественный транспорт.*

***Key words:** mathematic and cartographic modeling, network models, transport accessibility, public transport.*

Введение, постановка проблемы. Транспортная обеспеченность характеризует потенциальные возможности населения пользоваться транспортными услугами. Су-

ществует значительное число показателей разработанных для описания транспортной обеспеченности, которые отражают уровень транспортного обслуживания населения и

хозяйства. Картографирование и моделирование транспортной обеспеченности является популярной темой во многих Атласах. В географических исследованиях эти показатели, как правило, используются для мелко и среднемасштабного картографирования и позволяют сравнивать различные регионы по уровню транспортного обслуживания.

В настоящее время, на волне роста интереса к микрогеографии, урбанистике и исследованиям городов, становится все более актуальным моделирование транспортной обеспеченности при крупномасштабных исследованиях городских территорий, в том числе и методами картографии [8, 9, 10].

Например, транспортная обеспеченность, как характеристика качества положения в транспортной системе, является одним из ключевых факторов при оценке качества городской среды. Она влияет и на прочие характеристики городской среды, так как определяет ежедневные временные затраты на реализацию потребностей человека, а зачастую и лимитирует их [8].

Данная тематика в настоящее время актуальна и для многих коммерческих исследовательских организаций, занимающихся исследованиями, связанными, например, с оценкой и оптимизацией размещения объектов недвижимости. Транспортная обеспеченность и транспортная доступность одни из основных факторов для динамичного развития большинства сегментов рынка недвижимости [6, 8].

Наметившийся сейчас рост популярности и количества подобных исследований отчасти обуславливается следующими факторами:

- увеличением доступности и развитием геоинформационных систем и технологий моделирования;
- увеличением доступности данных дистанционного зондирования (которые раньше были не доступны широкому кругу специалистов);
- улучшением статистической обеспеченности проводимых исследований;
- использованием глобальных навигационных систем при проведении исследований;
- появлением новых, все более детальных «открытых» источников пространственных данных.

Если раньше подобными крупномасштабными исследованиями занимались в основном крупные государственные организации,

то сейчас многие исследователи, получив все эти инструменты, смогли решать подобные задачи, разрабатывая собственные подходы к моделированию, картографированию, и анализу полученных результатов. Данные исследования отличаются разнообразием подходов и не всегда проработанной с картографической точки зрения методологией.

В рамках настоящего исследования мы рассмотрим такую характеристику, как транспортная доступность, ее принято выделять как один из базовых параметров транспортной обеспеченности. Целью данного исследования является моделирование доступности селитебных территорий на общественном транспорте относительно центра города при крупномасштабных географических исследованиях городских территорий с использованием геоинформационных технологий.

Под доступностью в общем смысле понимают потенциальные возможности для достижения (различных мест). Таким образом, транспортная доступность является одной из ключевых характеристик городской среды, т.к. именно она определяет временные затраты для реализации многих человеческих потребностей [8].

Согласно определению комфортности среды, разработанному в 1970-х гг. советским экономистом К.А. Багриновским, качество среды определяется минимизацией временных затрат для реализации максимально возможного спектра человеческих потребностей. Транспортная доступность играет важную роль в теориях размещения объектов продаж товаров и услуг [3, 6].

Классификация доступности по различным критериям подробно рассмотрена в работах Бугроменко В.Н. [1]. В рамках данного исследования остановимся на моделировании транспортной доступности относительно центральной части мегаполиса. Центральная часть Москвы несет много различных функций, а структура транспортной сети города такова, что, зачастую, не зависимо от того, где находится цель поездки, при использовании общественного транспорта маршрут, как правило, все равно лежит через центр. При этом приходится использовать несколько видов транспорта.

Поэтому, доступность центра является важным показателем, характеризующим положение в транспортной системе в целом, а геоинформационное моделирование пред-

ствляется интересным как с точки зрения географической интерпретации результатов, так и с точки зрения методики. Настоящее исследование проводилось в границах Москвы до ее расширения.

Создание модели транспортной сети. Пространственная структура транспортных систем определяется транспортными сетями. Транспортной сетью называется совокупность транспортных связей, по которым осуществляются пассажирские и грузовые перевозки [2].

В данном случае под транспортной сетью будем понимать совокупность маршрутов городского общественного транспорта, линий метрополитена, остановок и станций.

Для определения транспортной доступности и анализа перемещения людей транспортные сети представляют и анализируют в виде сетевых моделей, которые базируются на теории графов. Граф – это фигура, состоящая из точек (вершин) и соединяющих их отрезков (звеньев). Вершины графа – это точки на сети, наиболее важные для определения расстояний или маршрутов движения. Звенья графа – это отрезки транспортной сети, характеризующие наличие дорожной связи между соседними вершинами. Звенья графа характеризуются числами, которые могут иметь различный физический смысл (расстояние, время и т.д.) [2].

Граф, каждая вершина которого может быть соединена некоторой последовательностью звеньев с любой его другой вершиной, называется связанным графом. Граф, моделирующий транспортную сеть, обязательно должен быть связанным. Числа, характеризующие звенья такого графа, обычно выражают протяженность пути, время или стоимость проезда [2].

Чтобы проанализировать доступность объектов в рамках этой сети, нужно сделать сетевую модель транспортной сети. Она должна описывать транспортную сеть города в виде плоского, связанного, ориентированного (звенья должны быть ориентированы по направлению) графа, в качестве физических атрибутов которого будет использоваться время, затрачиваемое на прохождение дуги движения. При анализе городских территорий доступность во времени наиболее показательна, так как показывает удаленность территории, но не в единицах длины, а в единицах времени.

Различные ГИС-пакеты сейчас имеют в своем составе модули, которые обладают широкими возможностями для анализа сетевых моделей, например, в ArcGIS это модуль Network Analyst, в MapInfo – модуль RouteFinder и другие. Эти модули позволяют рассчитывать кратчайшие пути, матрицы расстояний, строить полигоны зон доступности (изохроны) и решать другие задачи анализа сетевых моделей.

В настоящем исследовании для создания и анализа модели используется программный комплекс ArcGIS ESRI Inc., поэтому при формировании сетевых моделей использовались требования и спецификации данного программного обеспечения.

Одним из первых при создании сетевой модели встает вопрос об уровне детализации модели. Примеры различных уровней детализации при моделировании транспортной сети можно найти в работах Ю.Г. Котикова. Например, при моделировании слоя УДС используется следующая иерархия (рис. 1):

- а) уровень 1 – модель сети на центральных осях дорог;
- б) уровень 2 – модель сети на основе коридоров движения;

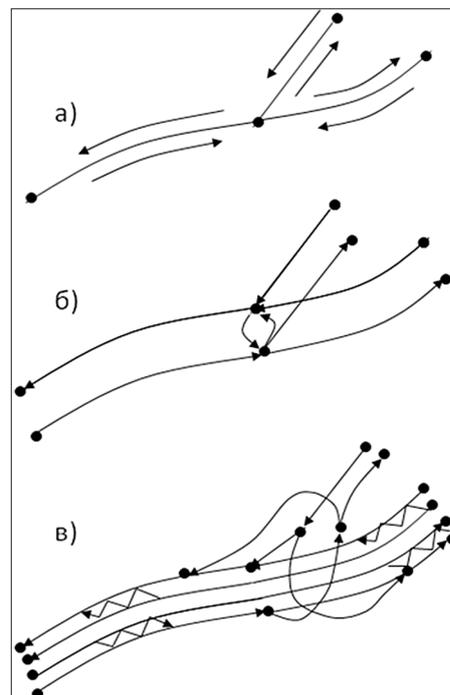

Рис. 1. Уровни детализации транспортной сети

Источник: [4].

Рис. 2. Маршруты по видам транспорта:
а) автобус, б) троллейбус, в) трамвай, г) метро

в) уровень 3 – модель сети на основе полюс движения;

Точечные объекты являются узлами УДС, линейные объекты – ребрами сети; гладкими стрелками (самостоятельными, а также в составе ребер) обозначены направления движения [4].

В данном исследовании мы используем модель, основывающуюся на центральных осях дорог, этого более чем достаточно для получения необходимой точности и географической интерпретации результатов.

Перед созданием модели и сбором данных были выделены сегменты пассажирской транспортной сети, в рамках которых производилось формирование сетевой модели. Сегменты соответствуют видам транспорта. В первую очередь создается сетевая модель по каждому отдельному виду транспорта: метро, автобус, троллейбус и трамвай (рис. 2).

Также при создании модели необходимо учитывать, что люди должны добраться до остановки необходимого им вида транспорта, поэтому дополнительно включается подсеть пешеходного графа, он также позволяет учесть и варианты мультимодальных поез-

док, когда одна поездка разделяется между несколькими видами транспорта и необходима пересадка.

Основной весовой атрибут для последующего анализа модели – это время, затрачиваемое на поездку.

Средства программного обеспечения ArcGIS, при формировании модели позволяют учитывать таблицы расписаний транспортных средств и т.д. Для наших целей мы ограничились использованием средней скорости движения транспортного средства по участку маршрута (источник – расчеты и измерения автора с использованием сервиса Яндекс. Карты), а также учли временные издержки при ожидании транспортного средства, пересадке и остановках.

В результате для каждого вида транспорта создан набор пространственных слоев, которые характеризуют транспортную сеть данного вида транспорта и связь с остальными видами. Более подробное их описание приведено в таблице 1.

После создания и заполнения всех необходимых весовых атрибутов, а также атрибу-

Таблица 1

Описание слоев сетевой модели

Слой	Описание
Линии маршрутов	Линейный слой, характеризует конфигурацию маршрута и содержит информацию о времени движения по маршруту.
Станции (остановки)	Точечный слой на линиях маршрута. Описывает время, затрачиваемое транспортным средством на остановки при следовании по маршруту. Также осуществляет связывающую функцию – через остановки описывается связь с другими маршрутами.
Вход на остановку / выход с остановки	Линейный слой, соединяет остановки с пешеходными улицами и содержит информацию о времени на ожидание транспортного средства (только при заходе на остановку).
Переходы между станциями (только для метро)	Линейный слой, выполняет связывающую функцию – с помощью него описываются пересадки между линиями метро, и содержит информацию о времени на переход между станциями.

тов, отвечающих за направление движения по дуге, в программном комплексе ArcGIS формируется база пространственных данных характеризующих, сеть пассажирского транспорта г. Москвы.

Далее с помощью модуля Network Analyst формируется специальный набор данных, где устанавливаются правила связности, ограничивающие переходы между сетями, весовые поля и т.д., таким образом, все слои объединяются в единую модель, и завершается ее создание и подготовка к ГИС анализу.

Информационное обеспечение исследования. Появление новых, все более детальных «открытых» источников пространственных данных в свободном доступе – одна из тенденций, которые способствуют выполнению подобного рода исследований. Например, «Open Street Map» (OSM) – это некоммерческий сетевой картографический проект по созданию силами сообщества участников-пользователей интернета подробных бесплатных пространственных данных на территорию всего мира. Все данные доступны для легального копирования, редактирования и коммерческого использования. Наборы данных, используемые для создания модели, были получены с помощью использования открытых данных и их доработки на основе высокодетальной космической съемки и данных интернет источников. Остановимся подробнее на каждом виде транспорта.

Метро – набор слоев, описывающих данный вид транспорта, создан на основе данных OSM, с правками и доработками автора, а также с использованием информации с «портала открытых данных города Москвы» (<http://eatlas.mos.ru/>), которые также есть в открытом доступе. Автобусы, троллейбусы и трамваи – векторизация на основе данных ГУП Мосгортранс (<http://www.mosgortrans.ru/>). Пешеходный граф создан на основе данных OSM с правками и доработками автора.

Анализ в ГИС и расчет транспортной доступности. Задача поиска кратчайшего пути является основой для задач маршрутизации транспорта. Поскольку ребрам сети можно приписать значения расстояния, стоимости или времени поездки, одинаково просто найти кратчайшие расстояния, наименьшую стоимость или время поездки от одной вершины до всех остальных. Существует

множество методов и алгоритмов решения задачи о кратчайшем пути. Один из них реализован в модуле Network Analyst.

В данном случае мы рассчитываем время доступности до центра и в качестве точек для измерения доступности (назовем их фокусными точками) используем точки в районе центральных пересадочных транспортных узлов: «Библиотека им. Ленина», «Охотный ряд», «Лубянка», «Китай-город», всего – четыре точки.

Для расчетов мы используем данные о размещении жилых строений – 32 611 точек. Для каждой точки жилого строения мы смоделируем время, которое необходимо затратить на кратчайший путь с использованием общественного транспорта на дорогу от каждого жилого строения до каждой из фокусных точек. Таким образом, размерность матрицы при сетевых расчетах будет составлять 4 на 32611, где 4 – число фокусных точек, а 32611 – количество жилых строений. Увеличение доступности и развитие геоинформационных систем и технологий моделирования позволяет проводить все более объемные вычисления.

Время, затрачиваемое на путь с использованием одного вида транспорта, определяется следующим образом:

$$I = t_1 + t_2 + t_3 + t_4,$$

где: I – время, t_1 – путь от дома до остановки общественного транспорта, t_2 – время на ожидание транспорта на остановке, t_3 – время на путь в транспорте, t_4 – время на путь от остановки общественного транспорта до места назначения. При использовании метрополитена, также добавляется время на переход между станциями. Учитывая, что поездки могут иметь мультимодальный характер, итоговое время на поездку до центра может суммироваться из поездок на нескольких видах транспорта.

Для моделирования матрицы расстояний мы используем созданную нами сетевую модель транспортной сети, анализируем ее с помощью модуля Network Analyst и рассчитываем матрицу расстояний между двумя наборами точек. В нашем случае это центры и жилые строения и фокусные точки.

В результате моделирования для каждого жилого строения получили по четыре значения доступности, по одному для каждой

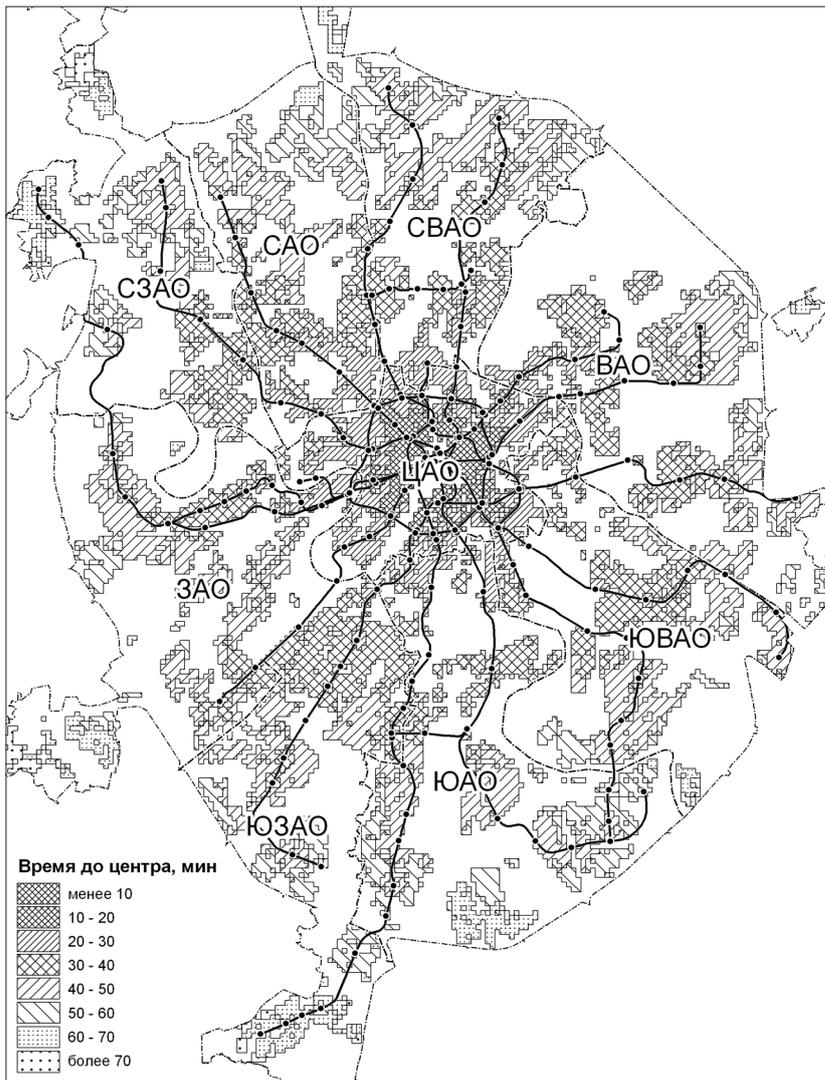

Рис. 3. Схема, иллюстрирующая доступность центра города относительно селитебных территорий на общественном транспорте (размер ячейки 200x200 м)

фокусной точки. Вычислив среднее из них, получили итоговое время доступности центра для каждого жилого строения.

Для отображения результатов и дальнейшего использования полученной модели используем сетку с размером ячейки 200 метров. Для каждой ячейки рассчитываем время доступности от центра, как среднее арифметическое между значениями доступности попавших в данную ячейку центроидов жилых строений. Итоговая модель доступности селитебных районов от центра города представлена на рис. 3.

Результаты исследования и выводы. Построенная модель отображает дифферен-

циацию уровня транспортной доступности в пределах города. Для анализа результатов моделирования были использованы данные о потенциальной численности населения жилых строений по сетке с размером ячейки 200 м. С помощью этих данных мы оценили количество людей, имеющих доступ к центру за то или иное время (рис. 4). На диаграмме распределения населения по зонам доступности видно, что более 4 млн. человек (более 30% населения), проживает в зоне, где для поездки в центр на общественном транспорте необходимо тратить от 40 до 50 мин.

Среднее по городу время доступности центра на общественном транспорте, учиты-

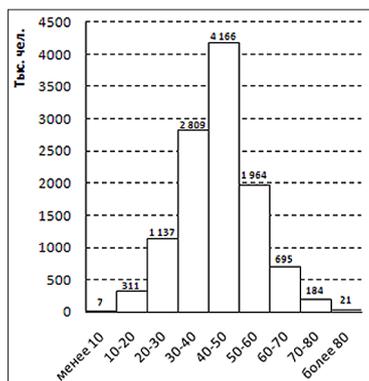

Рис. 4. Распределение населения по зонам доступности

вая численность населения каждой ячейки, составляет 43,2 мин.

В целом транспортная доступность центра города изменяется очень не равномерно и не соответствует реальной удаленности территории от центра, что отмечается во многих исследованиях.

Ценность созданной модели заключается в ее использовании в рамках исследований

по оценке качества городской среды и выгоды расположения в транспортной системе города. Подобные модели необходимы при оптимизации размещения и выборе наилучшего местоположения для объектов социально-коммерческой инфраструктуры.

Безусловно, доступность центра города – это только один из факторов, которые характеризуют транспортную обеспеченность, но в рамках сложившейся в мегаполисе ситуации он является одним из основных индикаторов качества положения в транспортной системе города.

В данном исследовании мы описали методику и особенности создания сетевой модели пассажирской транспортной сети. На примере моделирования транспортной доступности центра города рассмотрели пример ее анализа с применением ГИС-технологий. На основе созданной в рамках исследования сетевой модели общественного можно рассчитывать различные показатели, характеризующие выгоду расположения в сложившейся транспортной системе города – в этом заключается ее основная ценность.

Библиографический список

1. Бугроменко В.Н. Транспортная составляющая пространственной организации общества // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития. Материалы Международной научной конференции. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2010. – С. 209–214.
2. Гореев А.Э. Основы теории транспортных систем: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во СПбГАСУ, 2010 – 214 с.
3. Имангалин А.Ф. Пространственные модели потребительского поведения, применяемые при оценке размещения рыночных услуг // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2013. – № 7. – С. 62–68.
4. Котиков Ю.Г. Аспекты использования технологий ArcGIS в транспортной модели Санкт-Петербурга // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 3. URL: www.science-education.ru/103-6271 (дата обращения: 25.12.2013).
5. Крылов П.М. Типологии региональных транспортных систем России. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. – М., 2007.
6. Перекрест В.В., Рюмин М.Ю., Моисеева Н.К. Влияние пространственного фактора на поведение потребителей товаров и услуг // Маркетинг услуг. – 2006. – № 2.
7. Петров П.В., Тикунов В.С. Моделирование изохрон при создании карт транспортной доступности // Геодезия и картография. – 1984. – № 5. – С. 42–43.
8. Попов А.А. Оценка территориальной дифференциации качества городской среды Москвы. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. – М., 2008.
9. Сомов Э.В. Геоинформационное моделирование при оценке качества транспортного обслуживания городского населения (на примере Юго-Запада Москвы) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2013. – № 1. – С. 42–46.
10. Уткин А.А. Географический анализ общественного транспорта крупного города: территориальная организация и взаимодействие с населением: на примере Твери. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. – Тверь, 2008.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Карякин В.В. (Москва)

ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ АРКТИКИ – ИСТОЧНИК КОНФЛИКТОГЕННОСТИ И ВЫЗОВОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Karyakin V.V.

ARCTIC NATURAL RESOURCES AS A SOURCE OF CONFLICTS AND CHALLENGES TO REGIONAL STABILITY

***Аннотация.** Статья посвящена усилению активности арктических государств в экономической и военной сферах, стремящиеся закрепить за собой значительные части арктического бассейна с целью последующего освоения транспортных путей и природных ресурсов данного региона. Особое внимание уделено политике США и России при отстаивании своих национальных интересов в арктическом регионе.*

***Abstract.** The article is devoted to activity of arctic states in economical and military fields that aspires to obtain most parts of the Arctic basin for the following development of transport paths and natural resources of this region. Special attention is paid to United States and Russian politics in defending of own national interests in Arctic region.*

***Ключевые слова:** Арктика, Арктическая зона России, Северо-западный проход, Северный морской путь, природные ресурсы Арктики, политика США и России в отстаивании своих интересов в арктическом регионе.*

***Key words:** Arctic, Russian Arctic zone, North-west pass, North marine path, politics of USA and Russia in Arctic region.*

Главным условием устойчивого развития экономики является её обеспеченность энергоресурсами. И это условие сохранится в обозримом будущем, несмотря на интенсивные поиски альтернативных источников энергии. Арктика, которую физическая география определяет как часть земного шара, расположенную севернее Полярного круга, площадью 21 млн км², включающую Северный Ледовитый океан с окраинными морями, расположенными там островами и прилегающими районами материковой суши Европы, Азии и Северной Америки, благодаря значительным запасам разведанных углеводородов привлекает к себе внимание развитых государств мира и транснациональных корпораций. Это ведёт к обострению споров по поводу границ экономических зон арктических государств и активизирует военную деятельность в данном регионе. Арктическими государствами являются Россия, Канада, Соединённые Штаты Америки, Норвегия и Дания, которые, согласно Конвенции ООН

по морскому праву (1982 г.), обладают суверенным правом на разработку недр в пределах принадлежащих им в Арктике исключительных экономических зон шириной до 200 миль, а также континентального шельфа (до 350 миль), хотя последние не входят в состав их государственных территорий. В то же время государства, не относящиеся к арктической группе, также стремятся получить права на освоение арктических недр. Эти факторы порождают угрозы региональной стабильности и безопасности.

С международно-правовой точки зрения современная Арктика остаётся «ничейной землёй», так как пока не решен вопрос о способах раздела данной территории и не разработаны юридические принципы данного процесса. Канада ещё в 1909 г. распространила свою юрисдикцию на сектор Арктики, расположенный между меридианами, начинающимися в точках выхода её сухопутной границы к Северному Ледовитому океану и сходящимися на полюсе, а в 1925 г. офици-

ально закрепила право на свой арктический сектор. Вслед за ней Постановлением ЦИК СССР от 1926 г. вся территория арктической зоны от северного полюса до материковой части СССР объявлялась суверенной территорией государства. Норвегия, Дания и США, хоть и не пошли на законодательное оформление своих владений в Арктике, но возражений Канаде и России не высказали.

Вместе с тем, секторальный подход оказался несовершенным ввиду того, что он определял правовой статус островов и земель, но не акваторий секторов. Этот недостаток был устранён в 1982 г., когда был принят закон, согласно которому территория государства распространяется только на арктический шельф, а внешельфовая зона считается международной. Россия присоединилась к этому соглашению в 1997 г. Это привело к утрате суверенитета над территорией площадью 1,7 млн км².

В связи с открытием в Арктике стратегически важных запасов полезных ископаемых, в частности – углеводородов, и перспективами их промышленного освоения, в последние годы зазвучали призывы к пересмотру принципа деления арктической зоны с учётом интересов не только арктических государств, но также Швеции и Финляндии.

По оценкам Геологической службы США, в зоне Северного Ледовитого океана находится до 20% мировых запасов углеводородов. При этом запасы нефти составляют до 180 млрд т [8], газа – 47,3 трлн м³, газового конденсата – 44 млрд баррелей [4]. Наиболее значимые газовые месторождения находятся у берегов Аляски и Сибири [13]. Это говорит о том, что арктический шельф в будущем может стать важным источником углеводородов, за доступ к которому будут бороться крупные нефтегазовые компании. Арктика обладает также богатыми биоресурсами: более 150 видов рыб [12], причём некоторые из них являются основными в мировом рыбном промысле [2]. России принадлежит половина побережья Ледовитого океана, в шельфе которого залегают около 80% нефти и 90% газа. Этим объясняется интерес арктических стран к освоению недр данного региона, который растёт по мере таяния полярных льдов. В связи с этим арктические государства разрабатывают собственную программу освоения территорий, в которых военная составляющая занимает не последнее место.

С военно-стратегической точки зрения Арктика также имеет важное значение. В акваториях полярных морей могут располагаться удобные позиции для подводных лодок с баллистическими ракетами и кораблей системы противоракетной обороны (ПРО). Военно-морские силы, благодаря глобальному потеплению и уменьшению площади ледового покрова, получают возможность действовать в Арктике более длительное время, чем это было в прежние годы.

Для транспортных компаний становится важным прокладка кратчайших морских маршрутов между Европой и Дальним Востоком, а также между Северной Америкой и странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Однако использование данных путей сдерживается сложностью плавания в высоких широтах из-за неразвитой обеспечивающей инфраструктуры региона и опасности повреждения судов дрейфующими льдами. Это требует значительных инвестиций в береговую инфраструктуру, включающую навигационное обеспечение, службы спасения, ремонта и снабжения объектов данной системы.

На освоение арктического региона накладываются ограничения и его экстремальные климатические условия: низкие температуры, мощный сезонный ледовый покров на акваториях, вечная мерзлота на суше, резкие изменения погодных условий и длительные полярные ночи. Хозяйственная деятельность в Арктике связана с зависимостью от внешнего завоза топлива, оборудования и товаров для обеспечения жизнедеятельности персонала объектов инфраструктуры. В то же время перспективы смягчения климата в регионе оцениваются специалистами неоднозначно. По пессимистическим оценкам до потепления, которое приведёт к заметному изменению климатических условий, пройдут десятилетия.

Несмотря на неоднозначные прогнозы, значение Арктики возрастает. Это ведёт к обострению отношений в экономической, юридической и военной областях за контроль над её территориями. Сильному в военном отношении государству легче доказать своё право на оспариваемые территории и заниматься там добычей полезных ископаемых.

Военно-политические интересы и стратегия США в арктическом регионе. Концептуальную основу арктической стратегии представила Комиссия США по Арктике

в докладе «Цели и задачи арктических исследований на период 2005–2008 гг.», в котором подчёркнуто, что присоединение шельфовых территорий Арктики увеличит общую площадь территории страны на 4,1 млн км². Это позволит начать освоение природных ресурсов общей стоимостью 1,3 трлн долл., включая углеводородные ресурсы на сумму 650 млрд долл. [7].

В Вашингтоне рассматривают курс арктических государств на юридическое закрепление за собой территорий арктического шельфа как угрозу национальным интересам США и считают необходимым всемерно сдерживать территориальную экспансию конкурентов. Этим объясняется непризнание американским руководством ни одного из вариантов определения границ арктического шельфа, предлагаемых приполярными государствами. Соединённые Штаты ставят перед собой задачу получить территорию, простирающуюся на 600 морских миль (965 км) от побережья Аляски до Северного полюса.

Реализуя свои интересы в Арктике, Вашингтон стремится дискредитировать политику полярных государств перед лицом американского и международного сообщества, привлекая для этого американские и транснациональные компании и международные экологические и гуманитарные организации.

К Канаде Вашингтон предъявляет претензии из-за Северо-Западного прохода (СЗП), объявленного Оттавой в 1970-х гг. своими территориальными водами. Северо-Западный проход (англ. Northwest Passage) – морской путь через Северный Ледовитый океан вдоль северного берега Северной Америки через Канадский Арктический архипелаг, который соединяет Атлантический и Тихий океаны. Американцы отстаивают принцип максимальной «интернационализации» СЗП, который по мере потепления откроет путь из Атлантического в Тихий океан через моря Бофорта и Баффина.

Аналогичную идею «интернационализации» продвигают американцы по отношению российского Северного морского пути (СМП) с целью обеспечения возможности свободного использования данным транспортным коридором. Северный морской путь – кратчайший морской путь между Европейской частью России и Дальним Востоком, законодательством РФ определен как «исторически сложившаяся национальная

единая транспортная коммуникация России в Арктике». Проходит по морям Северного Ледовитого океана (Баренцево, Карское, Лаптевых, Восточно-Сибирское, Чукотское) и частично Тихого океана (Берингово). Северный морской путь ограничен западными входами в новоземельские проливы и меридианом, проходящим на север от мыса Желания, и на востоке в Беринговом проливе параллелью 66 градусов северной широты и меридианом 168 градусов 58 минут 37 секунд западной долготы. Длина Северного морского пути от Карских Ворот до бухты Провидения около 5600 км.

В докладе Комиссии США по арктическим исследованиям «Арктический океан и изменение климата: сценарий для ВМС США» (2007 г.) отмечается наличие противоречий по вопросу использования СМП. В документе говорится, что «США продолжают настаивать, что покрытые льдом проливы СМП являются международными и представляют субъект транзитных перевозок. Россия продолжает считать проливы своими внутренними водами» [3]. В докладе прогнозируется, что проблема использования СМП и СЗП может в будущем стать предметом серьёзных разногласий и даже конфликтов между США и Россией, а также США и Канадой. «Россия и Канада, следуют политике, согласно которой все пригодные для навигации проливы в СМП и СЗП находятся под их эксклюзивным контролем. У Соединённых Штатов подход к определению статуса этих проливов отличается от точки зрения указанных стран. По мере того как эти проливы будут всё больше задействованы в международном трафике, вероятно возникновение конфликтов» [3].

В отстаивании своих интересов Вашингтон прибегает также к экологической тематике. Американцы развернули настоящую информационную войну, периодически вбрасывая в СМИ различные факты нарушения арктическими государствами экологических стандартов и экологические проблемы арктической зоны, создаваемые Россией, Канадой и Данией.

Это объясняется тем обстоятельством, что Соединённым Штатам, которым принадлежит приарктическая Аляска, может достаться относительно небольшой участок данного региона в случае его раздела на сектора. В настоящее время границы арктического сектора того или иного государства

проводятся в виде прямых линий, соединяющих крайние точки территории страны с Северным полюсом. Поэтому американский сегмент составит не более 10% от общей площади, поделенной между странами арктического пространства, а Россия при этом получит наибольшую часть, ограниченную линиями, соединяющими Северный полюс с Чукоткой и Мурманском.

В случае реализации секторального раздела Арктического региона основная доля запасов полезных ископаемых на дне Северного Ледовитого океана достанется России. В связи с этим американцы выдвигают принцип, по которому арктические владения государств должны ограничиваться только двухсотмильной экономической зоной. А центральную часть Арктики объявить «открытым морем», доступным для всех стран, способных заняться её освоением.

Поэтому Россия является главным соперником США в борьбе за раздел арктических территорий. В связи с этим целью американской стратегии является обеспечение влияния на военную, экономическую и экологическую деятельность России в данном регионе. Американские нефтяные компании, допущенные к реализации проектов в российской зоне Арктики, являются проводниками этой политики. А для воспрепятствования осуществлению проектов, непосредственно не связанных с американскими финансовыми и промышленными кругами, подключаются различные международные и российские экологические организации, создающие негативный общественный резонанс по поводу вреда, якобы наносимого РФ окружающей среде региона.

Освободившаяся ото льда Арктика позволит подводным силам США осуществлять патрулирование с целью нанесения ударов крылатыми ракетами из акваторий северных морей по значительной части территории РФ. В арктическом секторе РФ ведётся активная разведывательная деятельность США и их союзниками по НАТО. Над акваторией Баренцева моря регулярно осуществляются разведывательные полёты американской авиации, походы боевых кораблей и подводных лодок. При этом пристальное внимание обращено к испытательному полигону на Новой Земле.

Основополагающим документом, регламентирующим деятельность США в арктическом регионе, является «Националь-

ная стратегия Арктического региона» от 10 мая 2013 г., которая направлена на усиление американского присутствия в регионе путём демонстрации военной мощи и обеспечение возможности развёртывания в нём элементов противоракетной обороны и системы предупреждения о ракетно-ядерном нападении [10].

Если масштабы военной деятельности России в Арктике зачастую неоправданно преувеличиваются, то усилия руководства России по социально-экономическому освоению данного региона, наоборот, занижаются. Американские СМИ постоянно отмечают наличие экономических и социальных проблем в арктической зоне РФ. Это делается для расширения иностранного экономического, гуманитарного, а в перспективе и политического присутствия на территориях российской Арктики, что бы спасти их от надвигающейся «деградации и экологической катастрофы», что говорит о подготовке почвы для проведения «гуманитарной интервенции» в будущем. В связи с этим в американских СМИ постоянно подчёркивается недовольство Вашингтоном действиями Москвы в Арктике. Это же можно отнести и к региональной политике Канады и Дании, что позволяет предположить, что со временем арктическая тема станет предметом жесткого экономического и политического торга США с Россией, Канадой и Данией. Поэтому в борьбе против установления американской гегемонии в Арктике по ряду вопросов Оттава и Копенгаген могут стать союзниками Москвы [7].

Межгосударственные противоречия арктических государств как вызовы региональной стабильности. Несмотря на наблюдаемую в настоящее время относительную военно-политическую стабильность в Арктике, нельзя исключать, что в будущем может возникнуть межгосударственный вооруженный конфликт касающийся раздела природных ресурсов и территорий данного региона. Обострение ситуации может спровоцировать также следующий ряд нерешенных проблем, затрагивающих национальные интересы России:

1. Разграничение континентального шельфа Арктики. Для решения данной проблемы в рамках Конвенции по морскому праву была создана Комиссия ООН по границам континентального шельфа. Государство, сумевшее доказать Комиссии, что его конти-

нентальный шельф простирается за границу принадлежащей ему полосы исключительной экономической зоны шириной 200 морских миль и прилегающей к территориальным водам государства, получает права на освоение нефтяных, газовых и минеральных ресурсов данного шельфа.

Россия должна была представить заявку в Комиссию ООН в 2010 г., но этот срок был перенесён на 2013 г. Представленные в Комиссию данные предназначены для обоснования права РФ на природные ресурсы, предположительно имеющиеся на континентальном шельфе, прилегающему к побережью российской арктической зоны. В ответ на это оппоненты России выдвигают тезис о том, что к Арктике следует подходить как общему наследию человечества, открытому для судоходства и работы транснациональных нефтегазодобывающих компаний с установлением режима международного управления по аналогии с Договором об Антарктиде.

По действующей Конвенции ООН о морском праве, в настоящее время ни у одного государства экономическая зона не достигает Северного полюса. Эта полярная зона находится в юрисдикции Международного управления по проблемам морского дна, расположенного в Кингстоне, Ямайка, и является международной территорией.

Конвенция о морском праве – основное средство решения споров в области разработки природных ресурсов и международного судоходства. Она была ратифицирована Россией и другими 152 государствами.

Однако США отказались её ратифицировать, заявив, что она даёт слишком большие полномочия ООН и ущемляет суверенитет США. Поэтому в сложившейся ситуации ничто не мешает России заявить о своих правах на энергетические, минеральные и биологические ресурсы Арктики в границах доказанного ею континентального шельфа.

Однако в международном сообществе действия России воспринимают как попытку «приватизировать» огромный кусок региона Арктики. Пока решающую роль в этой истории играет бесспорное российское преимущество в истории освоения Арктики и наличие современных технических средств. Не следует забывать о том, что у СССР (и России, как его правопреемницы) имеется неоспоримый приоритет в освоении Арктики. Яркими вехами в освоении Арктики являют-

ся российские экспедиции на дрейфующих льдах, перелёты в Америку через Северный полюс, регулярное движение по Северному морскому пути, строительство первого атомного ледокола «Ленин», проход к Северному полюсу на атомном ледоколе «Арктика». Побывать на морском дне в районе Северного полюса смогли только наши учёные, всем остальным уготована роль наблюдателей. Экипажи глубоководных батискафов «Мир-1» и «Мир-2» стали такими же первопроходцами, как и полёт Гагарина в космос.

Позиция США в отношении континентального шельфа состоит в том, что подводные хребты имеют океаническое происхождение и, следовательно, не являются частью континентального шельфа какого-либо государства, что противоречит позиции большинства арктических государств. Примером является спор вокруг принадлежности хребта Ломоносова, который проходит под Северным полюсом от России до Гренландии. Россия считает, что хребет Ломоносова является естественным геологическим продолжением Сибири, а Дания считает данный хребет продолжением шельфа Гренландии. Вместе с тем в Осло считают, что арктические притязания России и Норвегии не пересекаются в районе полюса в силу геологических причин, так как континентальные шельфы двух стран там не сходятся. Поэтому спор пока ведётся лишь о части Баренцева моря.

Отвергая значимость российской акции по установлению титановой капсулы с российским флагом, два главных претендента на Северный полюс, Канада и Дания, лукавят, утверждая, что Москва устроила дорогостоящее, но бессмысленное шоу. Но это не верно. Вот уже много лет между Оттавой и Копенгагеном идёт «флажковая война» за небольшой каменистый островок Ханса. Обе страны претендуют на этот клочок суши, находящийся между датской Гренландией и северными территориями Канады. Остров Ханса расположен в Северо-Западном проходе, соединяющем Атлантику и Тихий океан. До сих пор Северо-Западный проход не имел практического значения из-за сложной ледовой обстановки в этих водах. Но согласно прогнозам, глобальное потепление сделает прибрежные воды Арктики судоходными в летние месяцы уже к концу этого столетия. Тот, кто будет обладает данным островком, сможет контролировать открывшийся СЗП. Поэтому на протяжении

почти десяти лет канадские и датские военные экспедиции, сменяя друг друга, высаживаются на острове Ханса и поочерёдно водружают там свои национальные флаги. Это имеет практическое значение. Ввиду того, что международное законодательство о принадлежности спорных территорий в Арктике сформулировано достаточно расплывчато активность стран на данных территориях увеличивает шансы на их закрепление.

В период с 1969 по 2004 г. объём льда на востоке Канадского арктического архипелага уменьшился на 15%. А в некоторых районах западного арктического побережья он снизился на треть. Специалисты не исключают, что к середине XXI в. летом моря вдоль побережья арктических стран будут полностью свободны ото льда. Таким образом, появится возможность судоходства по Северному морскому пути, вдоль северного побережья Аляски и многочисленным проливам у берегов Канады и Гренландии. Транспортировка грузов из Европы в Азию по СМП в летнее время будет короче на 4000 миль.

У Канады, помимо спора с Данией из-за острова Ханса, есть претензии к США. В 1977 г. Канада объявила проливы между своими северными островами территориальными водами. С этим не согласны США, которые считают эти проливы международными водами с режимом свободного судоходства. Помимо споров за Северо-Западный проход, у Канады не урегулированы вопросы с США о границе между американской Аляской и канадской провинцией Юкон.

Это говорит о том, что Россия является не единственной страной, к которой имеются и которая сама предъявляет территориальные претензии в арктической зоне.

Согласно Конвенции ООН по морскому праву, страна имеет право претендовать ещё на 150 миль океанского дна, отсчитываемого от континентального шельфа. Россия, Канада и Дания утверждают, что Северный полюс находится в пределах этого расстояния от их шельфов.

По мнению вице-президента Международного морского комитета и судьи Международного трибунала ООН по морскому праву Анатолия Колодкина, «при положительном решении по нашей заявке страна получит право вести разведку шельфа, а при наличии там запасов углеводородов – начать их разработку (если будут к тому времени

разработаны необходимые для этого технологии). В случае же если решение будет негативным, то разработку всё равно надо начинать, потому что всегда можно найти пути решения данного вопроса» [1].

Что касается ближайших прогнозов освоения недр Арктики, то при нынешнем уровне развития технологий добыча полезных ископаемых в полярной зоне сложна и дорогостояща. Добыча полезных ископаемых на глубинах порядка 4 км в ближайшей перспективе будет нерентабельной до тех пор, пока мировые цены на нефть не превысят 500 долл. за баррель. Однако этот уровень основывается на отсутствии эффективных технологий добычи углеводородов в экстремальных условиях крайнего Севера, что требует решения следующих проблем:

- откачки нефти и газа с глубины порядка 4 тыс. метров;
- добычи в условиях подвижных ледовых полей, которые могут повредить морские нефте- и газодобывающие платформы.

Поэтому полезные ископаемые на шельфе Арктики в ближайшие годы будут рассматриваться как «неприкосновенный запас» человечества, но старт к их переделу уже дан.

2. Проблема судоходства в арктическом регионе. Как считают российские эксперты, плавание в арктических водах в обозримом будущем будет возможно только в течение тёплых летних месяцев. Причём даже в этот период на некоторых участках арктических морей, например между островом Врангеля и Новой Землёй (свыше 3 тыс. км) нельзя будет отказаться от ледовой проводки. Не избежать и необходимого в этом случае дооборудования судов в части укрепления корпусов, установки защиты винторулевой группы от повреждений во льдах, монтажа системы обогрева служебных, жилых и грузовых помещений. Плавающие льды снизят скорость движения судна в 2 раза, а караванная проводка – ещё в 3 раза. Возможность обледенения судна снизит вес принимаемых грузов. И всё это на фоне повышенного расхода топлива. К этому следует добавить высокие ставки страховки, оплату услуг ледокольной проводки и повышенные денежные выплаты членам экипажей. Эти обстоятельства делают использование СМП СЗП в качестве международных транспортных коридоров экономически не такими привлекательными, как

южные маршруты. Но в отношении России эти факторы имеют сдерживающее, но не решающее значение. С помощью крупных иностранных и транснациональных компаний развитые страны стремятся проникнуть в российское Заполярье, чтобы там закрепить и развернуть хозяйственную деятельность на нашем арктическом побережье.

Вместе с тем, Россия заинтересована в транзите грузов по СМП как источнике валютных поступлений для развития инфраструктуры региона. По состоянию на 2009 г. территории арктической зоны России приносят 21% в национальный ВВП, а его экспортная продукция составляет 17% от общего объема экспорта РФ [5]. Растущая добыча газа на Ямале и планы его сжижения в месте его добычи, транспортировка нефти из Тимано-Печорского бассейна, а также увеличение производства минеральных удобрений, лесоматериалов и никеля потребуют обеспечения транспортными услугами грузопоток объемом до 50 млн. т. Это потребует привлечения иностранных инвестиций в модернизацию предприятий региона, а также привлечения зарубежных перевозчиков, что открывает северные порты для захода иностранных судов.

3. Милитаризация арктического региона. В этом процессе главную роль играет НАТО. В 2009 г. генсек НАТО выразил мнение, что альянсу будет необходимо расширять военное присутствие в Арктическом регионе по мере сокращения площади полярных льдов [11]. Отвечая на этот призыв, скандинавские страны объявили о планах создания собственной военной структуры. В неё намерены войти такие члены НАТО, как Дания, Исландия и Норвегия, а также внеблоковые страны – Финляндия и Швеция. Задачей новой организации декларируется «обеспечение безопасности в арктическом регионе» [9], включающее патрулирование своих арктических зон и воздушного пространства над ними, формирование объединённых сил быстрого реагирования и спутниковой системы освещения обстановки.

Как известно, в основе всякого военного объединения находится подготовка к проведению силовых акций против потенциального противника. Кроме России другого такого объекта на карте Арктики нет. Поэтому ежегодные военные учения сухопутных войск и военно-морских сил НАТО на территории Норвегии и в Норвежском море проходят по

недружественному по отношению к России сценарию. Аналогичные мероприятия в данном регионе проводят США и Канада. Всё это не способствует укреплению региональной безопасности и стабильности.

В этих условиях для обеспечения безопасности своей Арктической зоны Россия планирует создание отдельной группировки войск, задачей которой должно быть участие в изучении и охране арктических районов российского континентального шельфа.

4. Экологические проблемы арктического региона. Природа Арктики чувствительна к антропогенному воздействию и медленно восстанавливается после грубого вмешательства человека. Особенно негативно влияет на окружающую среду хозяйственная деятельность человека. В арктическом регионе сходятся основные атмосферные потоки, морские течения и происходят выносы речных вод северного полушария, которые приносят вредные вещества из низких широт. Крайне остро стоит проблема утилизации промышленных отходов предприятий. Так российское объединение «Апатит» ежегодно складировает около 30 млн т отходов. За период хозяйственной деятельности в Арктике пробурено десятки тысяч скважин, на которых нередко случаются аварийные ситуации [6].

Вместе с тем в результате снижения объёма промышленного производства в России в 1990-е годы объёмы сбросов вредных веществ в окружающую среду Арктической зоны России (АЗР) от наземных источников сократились более чем на 10%. На загрязнение АЗР стали оказывать основное влияние источники, находящиеся за пределами России. В их числе находятся предприятия в Северной Америке и Европе. Из-за особенностей циркуляции водных и воздушных масс в Северном полушарии загрязняющие вещества, газовые и аэрозольные примеси достигают арктического региона и скапливаются в его атмосфере, на поверхности суши и в воде. Таким образом, в результате трансграничного переноса морскими и воздушными течениями практически со всего Северного полушария концентрация вредных веществ в продуктах питания местных жителей и биоресурсах оказывается зачастую выше, чем вне Арктики.

Наиболее значимыми источниками загрязнения Арктики на территории РФ – это горно-металлургические комбинаты в городах Норильск, Мончегорск и Никель, а также

Архангельский и Соломбальский целлюлозно-бумажные комбинаты, нефтегазовые комплексы в Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах, объекты Северного флота, транспортного и рыболовного флотов, а также сбросы неочищенных сточных вод в населённых пунктах.

Заключение. В обозримом будущем, если не появятся конкурентные альтернативные источники энергии, Арктика станет важной ресурсной базой человечества. Арктический регион в целом и СЗП и СМП в частности будут способствовать развитию мировой экономики и торговли.

Однако столкновение национальных интересов арктических государств грозит обернуться серьёзными конфликтами на международной арене, для предотвращения которых необходимо своевременное решение проблем, связанных с разделом арктического шельфа и правовым регулированием хозяйственной деятельности национальных и транснациональных компаний.

Особое место в решении проблем, связанных с арктическим регионом, принадлежит Соединённым Штатам, в политике которых важное место занимают вопросы расширения военного присутствия в данном регионе.

Стратегия развития мировой экономики опирается на расширение потребления природных ресурсов с целью увеличения валового национального продукта. Многие индустриальные страны Европы и Америки в значительной степени исчерпали свой ресурсный потенциал, давно вышли за пределы хозяйственной ёмкости своих пространств и перешли к обеспечению своего развития за счёт ресурсов других территорий. Поэтому Арктика рассматривается ими как стратегический резерв их будущего развития.

В этих условиях ближайшим ориентиром при формировании методологии выработки стратегических решений в области устойчивого развития Арктики становится принцип «экологизации» развития экономики и социальной сферы, которая предусматривает сочетание экономико-ресурсного и эколого-биосферного направлений.

Масштабы и характер природопользования в Арктике должны быть адекватны имеющимся ресурсам и защитным экологическим механизмам и не подрывать естественные возможности природных экосистем.

В настоящее время государственное регулирование в АЗР осуществляется в соответствии с федеральным российским законодательством, предусматривающим комплексное решение экономических, социальных и экологических проблем. Однако в действующем российском законодательстве АЗР как самостоятельный объект государственного регулирования не рассматривается. Это приводит к несогласованности действий региональных администраций, что не позволяет реализовать принцип комплексного решения сложных межрегиональных проблем. Другим недостатком, который отрицательно влияет на развитие арктического региона России – это доминирование рыночных отношений в хозяйственной деятельности. Многие вопросы экономического, социального и экологического развития региона отданы на откуп частным коммерческим структурам, которые проявляют эгоизм и заботятся только о своих текущих коммерческих выгодах. Очевидно, что в данной области должен преобладать государственный контроль и регулирование всех субъектов хозяйственной деятельности.

Политика арктических государств в Арктике ставит перед руководством Российской Федерации ряд новых задач, связанных с необходимостью, с одной стороны, использовать в своих интересах стремление иностранных государств участвовать в проектах освоения российской Арктики, а с другой стороны, нейтрализовать угрозы выведения российских территорий из-под прямого политического и юридического контроля со стороны федерального Центра.

В целом следует отметить, что перед Российской Федерацией стоит задача переосмысления приоритетов национальной политики на арктическом направлении с учётом существующих международных реалий и повышения ответственности за всестороннее социально-экономическое развитие региона.

Библиографический список

1. Арктика: надо делиться? / подг. А. Панков // Директор Инфо: интернет-сайт. – 2007. – № 17. [Электронный ресурс] URL: <http://directorinfo.ru/Article.aspx?id=18034&iid=837> (дата обращения: 10.09.2013).

2. Арктика: перспективы развития: Информационно-аналитический бюллетень «Российский вектор» / Рос. ин-т стратег. исслед. – 2008. – № 4. – 13 с.
3. Баранник А., Вознюк И. Арктика как важный геостратегический регион столкновения национальных интересов ведущих зарубежных стран // Зарубежное военное обозрение. – 2009. – № 1. – С. 3–11.
4. Кашин В. Арктическая кладовая // Ведомости. – 2008. – 25 июля.
5. Материалы заседания Экспертного совета СФ России «Государственная политика Российской Федерации в Арктике: парламентское измерение», 24 апреля 2009 г.
6. Моргунов Б.А. Методология учёта экологического фактора в процессе выработки стратегии устойчивого развития арктической зоны: дис. ... докт. геогр. наук. – СПб., 2006. – 331 с.
7. Морозов Ю.В. Военно-политические аспекты национальных интересов США в Арктике и вызовы региональной стабильности // Россия и Америка в XXI веке: интернет-сайт. – 2010. № 3. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=210> (дата обращения: 10.09.2013).
8. Пушков А. Спокойно Арктику поделить не получится: Эксклюзивный коммент. Алексея Пушкова специально для KM.RU // Региональная политика: интернет-сайт. [Электронный ресурс] URL: http://www.globalrus.net/2007/08/real-policy_17.html (дата обращения: 10.09.2013).
9. Скандинавские страны создают «арктический кулак» // Новости@mail.ru: интернет-сайт. – 2009. 12 февраля. [Электронный ресурс] URL: <http://news.mail.ru/politics/2364882/> (дата обращения: 11.09.2013).
10. Федосеев А. Доктринальные взгляды США и Канады на освоение Арктики // Зарубежное военное обозрение. – 2013. – № 6. – С. 3–9.
11. NATO warns of tensions as ice thaws in the Arctic // Associated Press. – 2009. – January 30.
12. Robinson S., DiPierro B. Europe's new salmon war // Seafood international. – 2009. April. – Vol. 24. – № 4. – P. 38–44.
13. Schepp M., Traufetter G. Riches at the North Pole: Russia Unveils Aggressive Arctic Plans // Spiegel Online : website. 2009. 29.01. [Электронный ресурс] URL: <http://www.spiegel.de/international/world/riches-at-the-north-pole-russia-unveils-aggressive-arctic-plans-a-604338.html> (дата обращения: 10.09.2013).

Подольская Я.М. (Москва)

ГЕОГРАФИЯ ОФШОРНЫХ ЮРИСДИКЦИЙ БРИТАНСКИХ ОСТРОВОВ: КОРОННЫЕ ЗЕМЛИ ДО И ПОСЛЕ ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА

Podolskaya Ya.M.

GEOGRAPHY OF OFFSHORE JURISDICTIONS OF BRITISH ISLANDS: CROWN DEPENDENCIES BEFORE AND AFTER THE FINANCIAL CRISIS

Аннотация. В статье рассматриваются коронные земли, входящие в состав региона Британских островов и представляющие собой офшорные юрисдикции. Целями данной работы стали, во-первых, анализ причин их возникновения, как режимов с льготным налогообложением, а во-вторых, представление возможных сценариев их дальнейшего развития в посткризисный период. В итоге автор приходит к выводу о том, что офшорный характер коронных земель обусловлен рядом географических и исторических факторов, а сами они представляют собой наилучший пример офшорных юрисдикций, придерживающихся реализации международных налоговых стандартов, что в посткризисный период гарантирует им сохранение своей специализации.

Abstract. This paper focuses on the crown dependencies as a part of the region of British Islands considering its offshore specialization. The aims of this research are following: to analyze the causes of their rise as low tax regimes and to present some possible scenarios of their future development in a frame of post-crisis period. As a result author draws a conclusion, that an offshore character of the crown dependencies is based on several geographical and historical factors, and they themselves present one of the best examples of the offshore jurisdictions, which follow the international tax standards, and this circumstance guarantees to keeping their specialization in a post-crisis period.

Ключевые слова: Британские острова, коронные земли, Гернси, Джерси, остров Мэн, офшорная юрисдикция, льготный налоговый режим, посткризисный период.

Key words: British Islands, crown dependencies, Guernsey, Jersey, Isle of Man, offshore jurisdiction, low tax regime, post-crisis period.

Что такое «офшорная юрисдикция»?

Термин «офшор» происходит от английского термина «offshore», который можно перевести, как «вне берега». В широком смысле под этим термином принято понимать всю юрисдикцию или её часть, которая активно

используется в основном для того, чтобы снизить налоговое бремя. Но с его помощью можно и отмывать грязные деньги, уводить средства из поля зрения кредиторов и решать какие-либо другие подобные проблемы, возникающие у компании или предпринимателя.

Юрисдикция же – это правовая сфера, определяющая полномочия определённых органов власти. Таким образом, любая деятельность материнской компании вне своей юрисдикции попадает под определение «оффшор». При этом стоит отметить, что «оффшором» часто называют те страны, в которых действующее законодательство обеспечивает функционирование зарегистрированных там компаний на льготных налоговых условиях.

Несмотря на то, что зарождение этого явления началось ещё в глубокой древности, когда, например, некоторые из греческих островов вблизи богатейших Афин и Спарты использовались торговцами тех лет в качестве перевалочных пунктов для импортируемых товаров с целью уйти от уплаты двухпроцентной налоговой пошлины в этих городах, периодом расцвета использования офшоров всё же можно назвать 70–80-е гг. XX в., когда малые по размеру островные государства открыли для себя весьма прибыльные возможности привлечения капитала в национальные экономики путём учреждения специальных налоговых режимов. Таким образом, они получили некое преимущество в международном налоговом соревновании с большими континентальными странами, имеющими более диверсифицированные экономики, и, соответственно, более выгодные условия для притока иностранного капитала и их развития.

По мнению Б.А. Хейфеца, существует ряд других специфических условий, без которых нельзя говорить о традиционных офшорах. Во-первых, к ним относится обязательность получения доходов, зарегистрированных на данной территории компаний, вне данной территории. При этом в большинстве офшорных юрисдикций налоговые льготы предоставляются только нерезидентам, а в некоторых – иностранным и национальным компаниям, но только по доходам, полученным от их зарубежной деятельности. Во-вторых, особые, упрощённые условия регистрации и функционирования офшорных компаний, комфортные условия для развития бизнеса. В-третьих, относительная закрытость информации о деятельности офшорных компаний, особенно об их реальных бенефициаров [1].

Коронные земли: история возникновения и предпосылки их формирования, как офшорных юрисдикций. К офшор-

ным юрисдикциям Британских островов относят Нормандские острова Джерси, Гернси и остров Мэн. Они называются коронными землями, так как являются владениями британской короны и когда-то вошли в её состав на основании наследственно-династических прав монарха [6].

Интересно, что ни один из островов не входит ни в состав Соединённого Королевства, ни Европейского Союза. Они также не являются заморскими департаментами страны и никогда не имели статуса колоний, а фискальную независимость от Лондона обрели в IX в. При этом данные самостоятельно управляемые территории нельзя назвать полностью независимыми, так как законодательную власть представляет именно британский парламент, а с 2005 г. главами правительств каждой из коронных земель является главный министр, церемониальным постом является пост лейтенанта-губернатора – представителя британского монарха в каждом владении. Географически Соединённое Королевство и коронные земли составляют Британские острова. Интересным и важным моментом является тот факт, что жители Великобритании рассматриваются в Гернси, Джерси и на острове Мэн, как иностранные граждане. Именно это обстоятельство даёт англичанам возможность пользоваться статусом нерезидентов и, регистрируя там свои компании, платить меньше налогов.

Тем не менее, согласно Организации экономического сотрудничества и развития, острова Мэн, Гернси и Джерси входят в т.н. «белый список» офшорных юрисдикций [5], которые в значительной степени придерживаются реализации международных налоговых стандартов, наряду с такими странами, как Германия, Франция и Швеция.

Совет по финансовой стабильности (*The Financial Stability Board*), в рамках саммита Большой двадцатки, подготовил доклад, в котором оценил 60 юрисдикций с точки зрения соблюдения ими международных стандартов сотрудничества и обмена информацией. Все три коронных владения были представлены в данном списке. Лидером же стал Гернси, так как законодательство этой юрисдикции соответствует международным стандартам в области обмена информацией и сотрудничества и применяется в банковской, страховой сферах, а также в сфере контроля

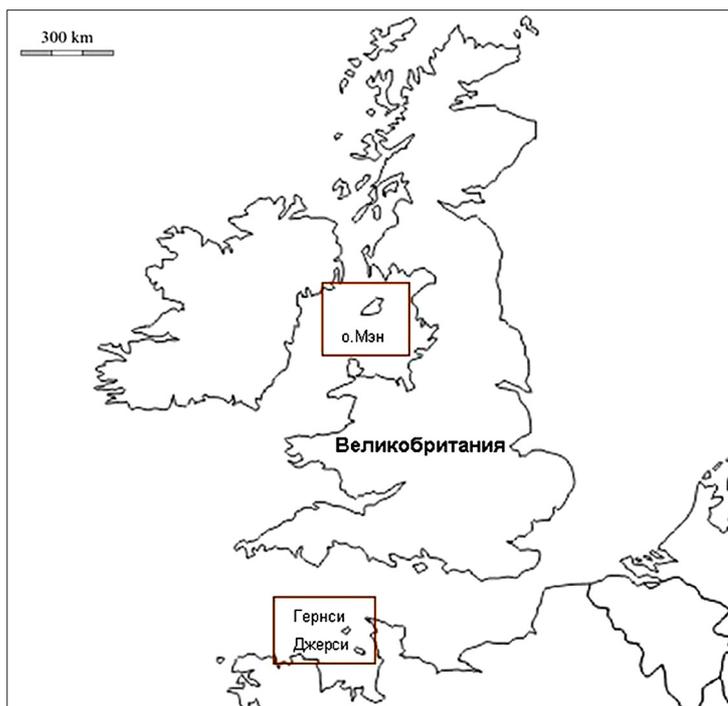

Рис. 1. Географическое положение коронных земель
Составлено автором.

за ценными бумагами [9]. Данное исследование FSB делалось на основе оценки доказательств, представленных МВФ, Всемирным Банком и Международной организацией по комиссиям ценных бумаг [4].

Гернси, Джерси и остров Мэн считаются главными оффшорными юрисдикциями Британских островов. В чём же состоят их основные преимущества?

Коронные земли занимают удобное географическое положение (рис.1), их территорию пересекает тот же часовой пояс, что и территорию Англии, что способствует торговле с Великобританией и странами Западной Европы.

Они находятся в пределах Британских островов, не являясь при этом членами Европейского союза. Это означает отсутствие необходимости вносить в фонды ЕС какие-либо взносы (правда, и не пользоваться его материальной помощью), а главное, иметь возможность не приводить свое законодательство в соответствие с его директивами (а они во многом касаются налоговой политики).

Гибкое законодательство о компаниях, основанное на английских законах, и хорошее регулирование оффшорных финансовых

центров, низкий уровень корпоративных налогов, отсутствие гербового сбора и быстрое инкорпорирование компаний привели к лидерству данных территорий в оффшорной деятельности [2], составляющей примерно 35–39% их ВВП.

Наконец, каждое из коронных владений может похвалиться своей многотолетней историей политической и социальной стабильности, а ведь это также является немаловажным фактором, способствующим успешному развитию экономики в целом и оффшорного бизнеса в частности. Например, парламент острова Мэн имеет название Тинвальд [10] и является старейшим из ныне действующих, так как его история начинается с момента первого созыва в 979 г.

Стоит отметить, что безусловным лидером по сумме оффшорных депозитов и взаимных фондов является Джерси. С общим объемом активов на сумму порядка 330 млрд евро на момент 2005 г., Джерси опережает Гернси по этому показателю примерно в 2 раза и о. Мэн – примерно в 10 раз.

Ежегодно организуются трёхсторонние встречи представителей органов финансо-

вого контроля Джерси, Гернси и острова Мэн, где обсуждаются вопросы, касающиеся развития международного законодательства, а также его потенциальное влияние на эти британские юрисдикции. В рамках данных встреч выносятся на обсуждение актуальные, важные проблемы, участники делятся опытом работы с учетом особенностей последних изменений в секторах финансовых услуг. Важным для последующего развития данных оффшорных юрисдикций является факт признания ими необходимости тесного сотрудничества, которое позволило бы найти адекватное решение на возросшие риски, вызванные мировым финансовым кризисом [3]. Что, в свою очередь, означает дальнейший рост инвестиционной привлекательности этих территорий на международном рынке оффшорных услуг. Рассмотрим, насколько подобный положительный сценарий развития коронных земель применим в посткризисный период.

Вызовы финансового кризиса: обновленные налоговые режимы вместо оффшоров.

Безусловно, глобальный финансовый кризис, начавшийся в 2008 г., заставил ведущие экономики мира обратить внимание на финансовые потери, связанные с попытками налогоплательщиков снижать налоговое бремя, используя оффшоры. Тем более, что именно оффшоры многие политики на международной арене признавали одними из виновников начала кризисной ситуации.

Изначально такие оффшорные юрисдикции, как Гернси, Джерси и остров Мэн, выбирали те предприниматели, которые пытались не только минимизировать налоговую нагрузку (ведь ни налогов на имущество, добавленную стоимость, на дивиденды для нерезидентов на островах нет), но и заботились об имидже своих компаний. Строгость в подходе к регистрации и администрированию компаний на Нормандских островах, с одной стороны, делали их весьма дорогостоящими, а с другой стороны, гарантировали их стабильность и финансовую чистоплотность. Так, например, на островах местные юристы и профессиональные агенты всегда должны были неукоснительно следовать принципу «знай своего клиента», что исключало возможность анонимного владения. Как результат, эти острова могли привлекать только тех весьма крупных потенциальных инвесторов, для которых здесь был какой-либо специфический

интерес, например, низкие налоговые ставки определённых налогов, удобная география, хорошая имиджевая составляющая и так далее.

Вполне логичным в свете последних событий кажется и подписание 22 октября 2013 г. властями Гернси [7] и Джерси [8] соглашения об автоматическом обмене налоговой информацией с Великобританией, означающее, что отныне все коронные владения, начиная с 2016 г., в автоматическом режиме должны обмениваться налоговой информацией с Соединённым Королевством.

Именно раскрытие информации о конечных владельцах (бенефициарах) компаний было положено в основу борьбы развитых экономик мира с оффшорами. Такие международные организации, как Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Федеральная служба по финансовому мониторингу (ФАТФ) и другие, выпускали директивы и составляли чёрные и серые списки оффшоров, в надежде добиться от этих суверенных государств раскрытия информации о конечных целях финансовых потоков, проходящих через их экономики. Конечно, инициаторами подобных мер были и остаются, в основном, страны-доноры или, иначе говоря, оншорные страны, откуда эти финансовые потоки перенаправляются в юрисдикции с низким налогообложением.

Таким образом, итогами этой полномасштабной борьбы международных организаций с оффшорами, которая не прекращается и до настоящего времени, стали рекомендации обязательного характера, направленные, во-первых, на реализацию внутренних мер, предотвращающих уход от налогов, и, во-вторых, на работу по принуждению оффшоров к сотрудничеству, в том числе и прежде всего, в сфере обмена информацией о компаниях и их конечных бенефициарах.

Вышесказанное не значит, что с этих пор страны, представлявшие собой оффшорные режимы, будут просто увеличивать налоги и таким образом снижать привлекательность своих стран для иностранных инвесторов. Это означает, что в современном мире назрела потребность в новых, эффективных и удобных налоговых режимах, но ни в коем случае не вредоносных или запрещённых, как это часто бывало до сих пор, и эта тенденция не может не радовать.

Библиографический список

1. Хейфец Б.А. Офшорные юрисдикции в глобальной и национальной экономике. – М.: МЭСИ, 2007.
2. Шувалова Е. Б., Пузин А. М. Налоговые системы зарубежных стран. – М.: МЭСИ, 2007.
3. Британские юрисдикции и мировая экономика. Деловой журнал Offshore News 20/10/2011 г. <http://www.offshore-news.ru/isle-of-man/britanskiye-yurisdiksi-i-mirovaya-ekonomika.html>
4. Лидеры в обеспечении стабильности. Деловой журнал Offshore News 11/11/2011 г. <http://www.offshore-news.ru/cyprus/lideri-v-obespechenii-stabilnosti-2.html>
5. Организация экономического сотрудничества и развития <http://www.oecd.org/dataoecd/38/14/42497950.pdf>
6. The Financial Stability Board «Global adherence to regulatory and supervisory standards on international cooperation and information exchange» от 02.11.2011 г. <http://www.gov.gg/CHttpHandler.ashx?id=3975&p=0>
7. Agreement between the government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the States of Guernsey to improve international tax compliance. <http://www.hmrc.gov.uk/fatca/guernsey.pdf>
8. Agreement between the government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the States of Jersey to improve international tax compliance. <http://www.hmrc.gov.uk/fatca/jersey.pdf>
9. The High Court of Tynwald <http://www.tynwald.org.im/Pages/default.aspx>
10. <http://www.pravoteka.ru/>

Потоцкая Т.И. (Смоленск)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ЮЖНАЯ ГРАНИЦА

Pototckaya T.I.

GEOPOLITICAL INTERESTS OF RUSSIA IN THE POST-SOVIET SPACE: SOUTHERN BORDER

Аннотация. В статье изложены результаты исследования геополитических интересов России в геополитических регионах постсоветского пространства, которые формирует южный сектор её государственной границы – Кавказском геополитическом регионе в составе Армении, Азербайджана, Грузии и Центральноазиатском геополитическом регионе в составе Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана, Туркмении. Выявлены политические, территориальные, социальные, экономические, экологические интересы России в рамках рассматриваемых регионов. Дана их качественная и количественная оценка. Обосновывается их значимость во внешней политике России. Акцентируется внимание на динамике геополитических интересов в постсоветский период. Определены типы стран по проводимой ими внешней политике в отношении России – потенциальные союзники, условные противники, нейтральные страны.

Abstract. This article presents the results of the study geopolitical interests of Russia in the geopolitical regions of the former Soviet Union, which forms its southern sector of the state border - Caucasian geopolitical region consisting of Armenia, Azerbaijan, Georgia and the Central Asian geopolitical region consisting of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan and Turkmenistan. There are identified political, territorial, social, economic and environmental interests of Russia in the framework of these regions; there are given their qualitative and quantitative evaluation and explained their significance in Russian foreign policy. The author focuses on the dynamics of geopolitical interests in the post-Soviet period. There are defined the types of countries in their foreign policy towards Russia – the potential allies, the conditional opponents, the neutral country.

Ключевые слова: геополитика, геополитические интересы, геополитическое положение, постсоветское пространство, Кавказский геополитический регион, Центральноазиатский геополитический регион, Россия.

Key words: geopolitics; geopolitical interests; geopolitical position, the post-Soviet space, Caucasian geopolitical region, Central Asian geopolitical region, Russia.

Каждый из геополитических регионов постсоветского пространства играет свою роль в формировании внешней политики России. Это во многом определяется особенностями их геополитического положения.

Наиболее многоаспектно оно у государств, входящих в геополитические регионы, образуемые южным сектором государственной границы России – Кавказском и Центральноазиатском.

Из всех геополитических регионов постсоветского пространства, Кавказский регион можно считать самым политически разнородным и конфликтным. В его состав входят как признанные государства (Армения, Азербайджан, Грузия), частично признанные государства (Абхазия, Южная Осетия), так и непризнанные государства – Нагорный Карабах. Каждая из перечисленных категорий государств обладает существенным конфликтным потенциалом. А если учесть соседство данного региона со странами, отягощёнными негативной исторической памятью во взаимоотношениях с ними (Турция, Иран), этот потенциал только увеличивается.

Несмотря на то, что все признанные государства региона после распада СССР вступили в СНГ и подписали Договор о коллективной безопасности (ДКБ), что свидетельствует о наличии значительных общих интересах, в дальнейшем их политические судьбы разошлись. Грузия не стала продлевать ДКБ и вышла из его состава в 1999 г., а в 2008 г. разорвала полностью дипломатические отношения с Россией и вышла из СНГ (после признания Россией независимости Абхазии и Южной Осетии). Более того, Грузия стала одним из инициаторов создания Содружества Демократического выбора (СДВ) – организации, поддерживающей «цветные революции» на постсоветском пространстве. Основным военно-политическим ориентиром для неё стал НАТО. Поэтому все военные российские базы, расположенные на её территории (Ахалкалаки, Вазиани, Батуми) были расформированы и выведены. Азербайджан продолжает оставаться членом СНГ, но, как и Грузия, он не стал продлевать ДКБ и вышел из его состава. Но на территории страны осталась радиолокационная станция (Габал), которая была важным элементом системы противоракетной обороны [4, 8]. В связи с этим Россия продолжала её использовать на условиях аренды до 2012 г.

Единственным военно-политическим союзником России в регионе продолжает оставаться Армения (она входит и в состав СНГ, и в состав ОДКБ). Поэтому основные военные объекты России в регионе размещены именно на её территории. Это Гюмри (место дислокации 102-й Российской военной базы в рамках Объединённой системы ПВО СНГ). Армения является одним из наиболее активных членов ОДКБ. Это во многом определя-

ется её вовлечённостью в конфликт с Азербайджаном в Нагорном Карабахе (именно он привёл к разрыву дипломатических отношений между Арменией и Азербайджаном). Нагорный Карабах получает поддержку Армении, которая, использует фактор членства в ОДКБ и двусторонние союзнические отношения с Россией для сохранения военного баланса в зоне конфликта, а также рассчитывает на помощь союзников в случае угрозы её безопасности [16].

Военные объекты России присутствуют и на территории частично признанных государств региона – Абхазии и Южной Осетии, Россия вынуждена размещать и содержать в их пределах воинский контингент. Более того, по истечению срока аренды территорий базирования Черноморского флота России в Украине, одним из альтернативных вариантов рассматривается размещение части Черноморского флота в Абхазии. Так, уже сегодня в Очамчире расположен пункт базирования сторожевых кораблей береговой охраны Пограничной службы ФСБ РФ.

Территориальные интересы России. Все государства региона имеют территориальные проблемы, связанные с формированием очагов сепаратизма и на их основе образованием непризнанных государств (Нагорный Карабах) или частично признанных государств (Абхазия и Южная Осетия) [2]. В связи с тем, что этнотерриториальные конфликты, приведшие к их возникновению, возникли до распада СССР, статус территорий, возникший в их результате, не определяется документами СНГ. Однако перечисленные конфликты развиваются в непосредственной близости от государственной границы России, что угрожает её безопасности и заставляет принимать активное участие в их урегулировании.

Кроме того, регион имеет и территориальную проблему, связанную со статусом Каспийского моря и, соответственно с характером его использования. В первую очередь, это касается Азербайджана и соседнего Ирана (не входящего в состав постсоветского пространства, но оказывающего значительное влияние на расстановку политических сил в Кавказском регионе). Споры о статусе Каспийского моря (море или озеро) сводятся к определению правового режима, который могут применять прикаспийские страны в его использовании [7].

Статус «моря» дает право любому прибрежному государству на морепользование. В случае признания Каспия морем, на него распространяются соответствующие статьи Конвенции ООН по континентальному шельфу и морскому праву 1958 и 1982 гг. По этому варианту каждое прикаспийское государство имеет суверенные права на 12-мильные территориальные воды (континентальный шельф) и 200-мильные исключительные экономические зоны. Поскольку максимальная ширина моря не превышает 200 морских миль, то внешние границы исключительной экономической зоны предлагается определить на основе принципа срединной линии. Все другие государства, в том числе, и не имеющие выхода к морю, в исключительной экономической зоне пользуются свободой судоходства и полетов, прокладки кабелей и трубопроводов, проведения научных исследований и других, правомерных с точки зрения международного права, видов деятельности. К разработке ресурсов своего континентального шельфа любое прикаспийское государство может привлечь компании государств, не относящихся к числу прикаспийских. Это обстоятельство делает регион уязвимым с геополитической точки зрения. Закрытый режим, в данном контексте, является более предпочтительным.

«Озеро» в юридическом смысле не имеет таких категорий, как экономические зоны, шельфы, территориальные воды. Озеро относится к внутренним водам – суверенным территориям прибрежных государств, на которые международный режим не распространяется (принцип невмешательства ООН во внутренние дела государств). Установление режима пограничного озера является исключительной компетенцией самих прибрежных государств. Раздел пограничных озер, как правило, регулируется договорами сопредельных государств, и чаще всего режим их пользования устанавливается общим.

Россия, Азербайджан и Казахстан выдвинули единое предложение – разделить дно по срединной линии, а водную поверхность моря оставить общей. Они уже подписали соответствующие двусторонние соглашения о разделе морского дна: России достается 19% площади морского дна (при протяженности береговой линии в 695 км), Азербайджану – 18% (береговая линия 850 км) и Казахстану – 27% (береговая линия 2320 км). Таким

образом, на три перечисленных государства приходится 64% площади Каспийского моря. Из 36% оставшейся площади морского дна Ирану (береговая линия 900 км.) достается всего от 11 до 14%, остальное Туркмении [13]. С этим не согласны Иран и Туркмения. Таким образом, в южной части Каспия достичь договоренностей между Азербайджаном, Ираном и Туркменистаном пока не удалось. По-прежнему спорным остаётся добыча нефти Азербайджаном на месторождениях Гюнешли, Чираг, Азери, Сердар. Следуя вертикальной срединной линии, разрезающей Каспий на национальные сектора, они попадают в Туркменский сектор Каспия.

Иран остается в оппозиции «срединной» модели решения каспийской проблемы. Он твердо стоит на своем, желая превратить морское дно в «кондоминиум», то есть выступает за общее владение морем, в том числе его недрами, а если это невозможно, то на делении Каспия на пять равных национальных долей по 20%. Твердость иранской позиции связана также с внутренним законодательством страны, которое запрещает иранским руководителям заключать новые соглашения, заведомо ухудшающие его международное положение или наносящие ущерб экономическому или политическому потенциалу.

В отличие от других геополитических регионов постсоветского пространства, социальные интересы России в Кавказском регионе не связаны с положением русскоязычной диаспоры. Изначально она была здесь незначительной, составляя в Грузии около 8% всего населения, в Азербайджане – 6%, в Армении – 2,5%. Возникновение и развитие этнотерриториальных конфликтов с использованием военной силы привело к оттоку русскоязычного населения из региона, уменьшив его до 1,5% от всего населения в Грузии, 1,3% в Азербайджане и 0,5% в Армении [12]. Основной страной приёма стала Россия. Вклад Азербайджана в этот миграционный поток оказался наиболее значительным. На него приходится 7,4% общей численности русских мигрантов постсоветского пространства, осевших в России. Вклад Грузии составляет 5,5%, Армении – 4,2%. Оставляя за рамками данной работы дискуссию по вопросу об экономической целесообразности приёма мигрантов, отметим, что мигранты из рассматриваемого региона значительно отличаются от мигрантов из

Балтийского и Западного регионов, да и от населения России в целом, по антропологическому типу, историко-культурным особенностям, ментальности.

Экономические интересы России в регионе не столь значительны, как в Балтийском и Западном регионах. Это связано с его более низким уровнем транзитности. Страны региона соединяют Россию с Ираном и Турцией, хотя и важными, но не приоритетными торговыми партнёрами. Транспортные разрывы, возникшие здесь после распада СССР, напрямую задевают интересы России только в вопросах транспортировки нефти, добываемой на шельфе Каспийского моря в пределах Азербайджана и Казахстана. В рамках СССР вся она проходила по нефтепроводу: Баку – Грозный – Тихорецк – Новороссийск. Однако Чеченские войны и исламский терроризм, распространившийся по Северному Кавказу в районе транспортировки нефти, сделали этот маршрут небезопасным. Поэтому были разработаны и реализованы альтернативные проекты транспортировки нефти, идущие в обход России, через Азербайджан, Грузию, Турцию до портов Чёрного и Средиземного морей, соответственно: Баку (Азербайджан) – Тбилиси (Грузия) – Ахалкалаки (Грузия) – Супса (Грузия) и Баку – Тбилиси – Джейхан (Турция). После введения в эксплуатацию газоконденсатного месторождения Шах-Дениз (Азербайджан) и увеличения добычи газа Туркменией, стал актуальным и вопрос о маршруте транспортировки газа. В связи с этим был построен Южнокавказский газопровод (северная часть «Набукко» и «Трансадриатического газопровода»): Баку (Азербайджан) – Тбилиси (Грузия) – Эрзурум (Турция). По территории региона он проходит параллельно вышеназванному нефтепроводу. Отсюда и вступление Азербайджана и Грузии в состав ГУАМ, одной из задач которой является снижение транспортной и энергетической зависимости от России. Инициаторами строительства перечисленных трубопроводов являются компании Азербайджана, Великобритании, Франции, США, Греции. Ущемление интересов России в транспортировке каспийской нефти естественным образом уменьшает её возможности расширения зоны влияния не только в данном регионе, но и на Ближнем Востоке в целом. Поскольку трубопроводы идут по территории Турции, усиливается именно её роль в регионе.

Прямым следствием прокладки новых маршрутов транспортировки нефти можно считать быстро развивающееся портовое хозяйство Грузии. После распада СССР на её территории осталось два порта Чёрного моря – Потти и Батуми, с грузооборотом 5 и 7 млн т, соответственно. При этом Потти специализировался на сухих грузах, а Батуми на наливных. Это дало возможность Грузии стать транзитной страной в транспортировке нефти до портов Чёрного моря, а далее в Европу. В результате, были не только диверсифицированы и расширены мощности существующих портов (Потти до 7,3 млн т, Батуми до 7,5 млн т), но и построены новые терминалы – Супса с грузооборотом 4 млн. т. и Кулеви (3,6 млн т).

Наряду с прямыми экономическими интересами, Россия имеет и косвенные интересы, связанные с изоляцией её основного союзника в регионе – Арменией, возникшей в результате действия нескольких факторов. Первый фактор – это нерешённость проблемы Нагорного Карабаха, которая превратила два соседних государства (Армению и Азербайджан) во врагов. Второй фактор – это взаимовыгодное экономическое сотрудничество Грузии и Азербайджана, которое сделало Грузию заложницей политических интересов Азербайджана. В-третьих, это узел этно-территориальных конфликтов, возникших в Грузии (Абхазия и Южная Осетия), который привёл к приостановке работы всех транспортных магистралей, идущих через конфликтные территории транзитом. В-четвёртых, это антироссийская направленность внешней политики Грузии в целом, ориентированная на ущемление интересов России. В итоге, Армения, не имеющая общей границы с Россией (сосед второго порядка) остаётся «запертой», изолированной и от неё, и от всех региональных транспортных и энергетических проектов, в которых остро нуждается. Решение проблемы видится в восстановлении работы в полном объёме транзитных магистралей, связывающих Армению и Россию. Это и Транскавказская железная дорога: Адлер (Россия) – Гал (Абхазия) – Тбилиси (Грузия) – Ереван (Армения). Сегодня она работает только на промежутке Адлер (Россия) – Сухуми (Абхазия) [10]. Это и Военно-Грузинская дорога (автомагистраль): Владикавказ (Россия) – Верхний Ларс (Россия) – Мцхета (Грузия) – Тби-

лиси (Грузия) – Ереван (Армения), закрытая в период с 2006 по 2010 г., сегодня пропускающая только гражданские грузы. Это и Транскам (Транскавказская автомагистраль): Владикавказ-Алагира (Россия) – Роккский тоннель – Цхинвал (Южная Осетия) – Гори (Грузия). К сожалению, и вновь создаваемые транспортные проекты не учитывают интересы Армении, что ещё больше усиливает её изоляцию. Так, завершается строительство железнодорожной магистрали, связывающей Азербайджан, Грузию и Турцию: Баку – Тбилиси – Карс. Эта дорога является частью большого проекта по соединению железных дорог Кавказа с Европой через Турцию. Впоследствии планируется строительство железной дороги из Карса в Нахичеванскую автономную республику.

Актуальным стало и энергоснабжение Южной Осетии, осуществляемое ранее Грузией, и остановленное в процессе Грузино-Осетинского конфликта. Сегодня эта проблема решена за счёт постройки Россией самого высокогорного газопровода в мире: Дзуарикау (Россия) – Цхинвал (Южная Осетия) [9].

Таким образом, в отличие от других геополитических регионов постсоветского пространства, в странах Кавказского региона политическое дистанцирование от России, привело и к экономическому дистанцированию. Доля России в их внешнеторговом обороте не превышает 17% (3,4% экспорта и 14,1% импорта Азербайджана; 16,4% экспорт и 16% импорта Армении). Каждое из государств имеет собственные внешнеэкономические приоритеты, значительно отличающиеся друг от друга. Для Армении основными партнёрами выступают Россия, страны ЕС, Иран, ОАЭ, Грузия; для Азербайджана – Италия, Турция, Россия, Израиль, Германия; для Грузии – Азербайджан, Турция, Армения, Китай, Украина.

Центральноазиатский геополитический регион в составе Казахстана, Таджикистана, Киргизии, Узбекистана, Туркмении – самый большой на постсоветском пространстве по количеству стран, площади, численности населения, протяжённости государственной границы. Его геополитическое положение определяется рядом уникальных черт. Во-первых, это наличие непосредственного соседства с Россией (первого порядка) только у Казахстана. У всех остальных – это соседство второго порядка, а у Таджикистана даже

третьего порядка. Данное обстоятельство автоматически превращает Казахстан в ключевого субъекта региона. Во-вторых, это непосредственное соседство трёх из пяти стран региона (Казахстан, Киргизия, Таджикистан) с одним из важнейших и наиболее динамичных игроков мировой экономики – Китаем. В-третьих, это непосредственное соседство трёх из пяти стран региона (Таджикистан, Узбекистан, Туркмения) с самым конфликтным регионом мира – Средним Востоком, а в его составе с Афганистаном и Ираном (Туркмения). В-четвёртых, три из пяти стран региона (Киргизия, Таджикистан, Узбекистан) не имеют выхода к морям, что осложняет им ведение международной торговли и делает зависимыми от стран-транзитёров. Все перечисленные аспекты в той или иной мере влияют на формирование геополитических интересов России в странах данного региона.

В силу изначально низкого уровня социально-экономического развития, страны региона длительный период времени после распада СССР по инерции оставались в едином политическом пространстве с Россией. Именно поэтому с военно-политической точки зрения Центральноазиатский регион выглядит довольно монолитным, представляя конгломерат союзников России (все его страны являются членами СНГ; все кроме Туркмении в 1992 г. подписали договор о коллективной безопасности). Однако при ближайшем рассмотрении становится понятно, что это не совсем так. Туркмения, например, декларируя нейтралитет, перешла из постоянных членов СНГ в ассоциированные. Узбекистан вышел из ДКБ в 1999 г., вступив в ГУАМ (правда, членство в ОДКБ в 2006 г. было восстановлено, а затем в 2012 г. снова приостановлено). Таким образом, на сегодняшний день страны региона в военно-политическом отношении можно разделить на следующие категории: постоянные союзники России (Казахстан, Киргизия и Таджикистан); страны с нестабильными политическими ориентирами (Узбекистан); нейтральные страны (Туркмения).

Очевидно, что основные объекты России расположены на территории стран первой категории (членов ОДКБ). В Казахстане – 5-й Государственный испытательный космодром (Байконур); отдельный полк транспортной авиации ВВС ВС России (Костанай); отдельный радиотехнический узел Космических

войск (Приозёрск, полигон Сары-Шаган); государственный испытательный полигон Сары-Шаган, полигон средств стратегической ПВО и ПРО. В Киргизии – авиационное подразделение в рамках Коллективных сил быстрого развертывания ОДКБ (Кант); испытательная база противолодочного торпедного оружия (Каракол, Иссык-Куль); 338-й узел связи ВМФ «Марево» (Первомайское). В Таджикистане размещена 201-ая российская военная база (Душанбе, Курган-Тюбе, Куляб). В её составе восемь военных городков, а также три полигона – Ляур, Момирак, Самбули. Оптико-электронный комплекс «Окно» («Нурек») системы контроля космического пространства (СККП) (Нурек). Он входит в состав космических войск России. Предназначен для обнаружения и распознавания космических объектов. Кроме того у России есть ряд обязательств по охране таджико-афганской границы, что связано с наркотрафиком из Афганистана. В Таджикистане действует оперативная группа погранслужбы ФСБ России и советники при каждом из погранотрядов [4, 8]. В Узбекистане с 2006 г. (время восстановления членства страны в ОДКБ) действовала авиабаза Карши-Ханабад для оперативного наращивания и развёртывания российских войск в Центральной Азии. Однако с приостановлением членства Узбекистана в ОДКБ (2012 г.), Россия лишилась возможности её использования.

Территориальные интересы России в регионе связаны, в первую очередь, с проблемой определения статуса Каспийского моря, к которому выходит две страны региона – Казахстан и Туркмения. Она подробно была рассмотрена ранее (см. «Геополитические интересы России в Кавказском регионе»). Для стран, не имеющих выхода к Каспийскому морю – Киргизии, Таджикистану, Узбекистану наиболее значительные территориальные проблемы формирует реализация идеи «Великого Узбекистана». Направленная на укрепление положения Узбекистана в качестве регионального лидера, она предполагает воссоединение территорий в историческом прошлом управляемых узбекскими кланами (Бухарский эмират, Кокандское и Хивинское ханства). Наибольшую реализацию она получила в конфликтах, возникающих в Ферганской долине [5, 14]. Ферганская долина в историческом прошлом была ядром Кокандского ханства. В рамках СССР она

оказалась поделенной между национальными республиками, а после его распада между государствами: Узбекистаном (Ферганская, Андижанская и Наманганская области), Киргизией (Ошская область) и Таджикистаном (Ленинабадская область). При этом ферганский клан в Узбекистане, ошский клан в Киргизии и ходжентский клан в Таджикистане практически не участвуют в формировании современных государственных национальных элит. Политическая неудовлетворённость в сочетании с экономической неудовлетворённостью (низкий уровень социально-экономического развития, высокий уровень безработицы, высокая плотность населения и, как следствие, ограниченность земельных и водных ресурсов) являются базой для возрождения этнического самосознания и попытки возвращения территориальной целостности. Особую конфликтность этим процессам придаёт религиозный фактор, так как именно в Ферганской долине сложилось мощное исламистское движение («Исламский джихад», «Хизб ут-Тахрир», «Адолат», «Товба», «Акрамия», ваххабиты и др.), имеющее связи с исламистами Афганистана, Пакистана и стран Ближнего Востока в целом.

Кроме того, в условиях строгого визового режима между Узбекистаном, Киргизией и Таджикистаном, дополнительные осложнения вызывает существование анклавов (узбекских на территории Киргизии и таджикских на территории Узбекистана), что создает потенциально взрывоопасную ситуацию в случае возникновения напряженности на межгосударственном уровне.

Социальные интересы России в Центральноазиатском регионе сложны и многообразны. Непосредственно затрагивает интересы России численность и положение русской диаспоры. После распада СССР она была здесь значительной, составляя в Казахстане 38% населения, в Киргизии 22%, в Туркмении 10%, в Узбекистане 8%, в Таджикистане 4%. Более того, в пределах Казахстана русские проживали компактно, заселяя преимущественно северные территории – Северо-Казахстанскую, Восточно-Казахстанскую, Костанайскую, Карагандинскую, Павлодарскую, Акмолинскую и др. области. Это обстоятельство, учитывая историко-географические особенности формирования территории Казахстана, безусловно, создавало угрозу территориальной целостности госу-

дарства. Своевременный перенос столицы из Алматы в Акмолу (Астану) и предание русскому языку статуса официального, предотвратило негативное развитие событий [1].

Низкий уровень социально-экономического развития, формирование национальных элит и, связанный с этим процессом, бытовой национализм, исламизация населения, повышенная конфликтность (гражданская война в Таджикистане, конфликты Ферганской долины и др.) привели первоначально к оттоку русскоязычного населения в Россию, а затем и местного населения. Во всех странах региона произошло значительное уменьшение доли русского населения: в Казахстане до 24% всего населения, в Киргизии до 8%, в Узбекистане до 5%, в Туркмении до 3%, в Таджикистане до 1% [12]. Поэтому вклад региона в формирование русскоязычного миграционного потока населения, направленного в Россию существенен. Особенно выделяется Казахстан: 22,5% русских мигрантов с постсоветского пространства – выходцы из него. Вклад Узбекистана – 8%, Киргизии – 4%, Таджикистана – 3,3%, Туркмении – 1,5% [15]. И если потенциал русскоязычной миграции из стран данного региона на сегодняшний день можно считать исчерпанным, то экономическая миграция местного населения продолжается. Несмотря на то, что трудовые мигранты повышают эффективность любой национальной экономики, которая их принимает, всё же на фоне кризисных экономических явлений, различия в антропологическом типе и ментальности коренного населения и иммигрантских групп, приводит к формированию межэтнических конфликтов уже в самой России.

Кроме того, как уже отмечалось ранее, в ряде стран региона высока доля узбеков. В Таджикистане на момент распада СССР они составляли 25% всего населения, в Киргизии – 13%, в Туркмении – 10%. Именно с ними, в первую очередь, связаны этнотерриториальные проблемы перечисленных стран (см. «Великий Узбекистан»).

Одним из очагов социальной напряжённости в регионе можно считать миграцию населения из Афганистана, связанную с обострением ситуации в стране и активизацией деятельности талибов. Несмотря на то, что с Афганистаном граничат Туркмения, Узбекистан и Таджикистан, лишь последний пока принимает афганских мигрантов в силу этни-

ческой близости народов, в остальных странах их въезд ограничен законодательно. При этом предоставление статуса беженца означает принятие государством ряда социальных обязательств, гарантий (обеспечение жильем, работой или пособием), что связано с дополнительными затратами денежных средств, которыми бюджет Таджикистана не располагает. В итоге формируется существенная нелегальная миграция. На фоне общей бедности и расширения наркотрафика из Афганистана, это приводит к увеличению уровня преступности в стране, и регионе в целом. Очевидно, что перечисленные негативные явления в силу своей мобильности в конечном итоге оказываются и на территории России.

Давая оценку экономических интересов России в регионе, остановимся только на тех из них, которые напрямую влияют на внешнюю политику России по отношению к странам региона или на их собственную внешнюю политику, то есть на геополитических экономических интересах.

Во-первых, это железные дороги, традиционно связывающие европейскую и азиатскую части России и, проходящие транзитом через территорию Казахстана. Особую роль здесь играет Транссибирская железнодорожная магистраль (южная ветвь), так называемый «Трансиб»: Челябинск – Петропавловск (Казахстан) – Владивосток. Первоначально с целью её разгрузки, а затем и для вывоза энергетического и металлургического сырья в Россию, были построены Среднесибирская железнодорожная магистраль (через казахские станции Костанай, Кокшетау, Граничная, Черпак) и Южносибирская железнодорожная магистраль: Карталы – Астана (Казахстан) – Павлодар (Казахстан) – Барнаул. Наряду с широтными дорогами, большое значение получила меридиональная Туркестано-Сибирская железнодорожная магистраль (Туркиб), соединяющая Россию (в зоне Трансиба) не только с Казахстаном, но и Узбекистаном, Киргизией и Китаем: Новосибирск – Барнаул – Семей (Казахстан) – Актогай (Казахстан) – Талдыкорган (Казахстан) – Алматы (Казахстан) – Луговая (Казахстан) – Шымкент (Казахстан) – Ташкент (Узбекистан) с ответвлением от Актогая на Дружба (Казахстан) и Урумчи (Китай) [10]. Она предназначалась для вывоза среднеазиатского хлопка и ввоза зерна из северного Казахстана и юга Западной Сибири России.

Во-вторых, для России большое значение имеют места добыча нефти и маршруты её транспортировки. Все магистральные нефтепроводы региона можно условно разделить на две категории – ориентированные на мировые рынки (по ним идёт нефть на экспорт и, ориентированные на региональный рынок). К первой категории можно отнести старый нефтепровод, соединявший в рамках СССР Среднекаспийский нефтегазоносный бассейн с магистральными трубопроводами страны, поставляющими нефть на экспорт: Узень – Гурьев – Куйбышев. После распада СССР он был реконструирован в связи с постоянно растущими объёмами добычи нефти в Казахстане на новых месторождениях и получил новое название: Атырау (Казахстан) – Самара (Россия). К этой же категории можно отнести построенный в 2004 г. Каспийским трубопроводным консорциумом (КТК) нефтепровод Тенгиз (Казахстан) – Атырау (Казахстан) – Астрахань (Россия) – Комсомольск (Россия) – Тихорецк (Россия) – Новороссийск (Россия), соединивший нефтегазоносные месторождения Казахстана с российскими портами Чёрного моря [17]. В силу того, что объёмы добываемой нефти на месторождении Тенгиз и Кашаган (Казахстан) начинают постепенно превышать пропускную способность данного нефтепровода, возникла конкуренция за маршруты её транспортировки: или расширение пропускной способности существующего нефтепровода (заинтересована Россия) или создание Казахстанской каспийской системы транспортировки (ККСТ), включающей трубопровод Ескене (Казахстан) – Курык (Казахстан), систему танкерных поставок из порта Курык в Баку и далее трубопроводом Баку (Азербайджан) – Тбилиси (Грузия) – Джейхан (Турция) (заинтересован Азербайджан, Грузия, Турция). Ещё одним экспортным магистральным нефтепроводом, представляющим интерес для России является широтный трансказахстанский нефтепровод Атырау (Казахстан) – Атасу (Казахстан) – Алашанькоу (Китай). С одной стороны, он выступает конкурентом для России в экспорте нефти в Китай, но с другой стороны, его проектная пропускная способность превышает объёмы добычи нефти в Казахстане, что требует привлечение к этому проекту других участников. Наиболее целесообразным участникам, по объективным причинам, является Россия со своими нефтяными ресурсами.

В отличие от магистральных железных дорог и нефтепроводов, преимущественно проходящих через Казахстан, магистральные газопроводы, связаны в основном с Узбекистаном и Туркменией, так как именно на их территориях сконцентрирована добыча газа. Поэтому третья категория транспортных магистралей региона, представляющая интерес для России – это газопроводы. Ещё в период существования СССР был построен магистральный газопровод «Средняя Азия – Центр» (САЦ), соединяющий месторождения Узбекистана и Туркмении с промышленными областями европейской части страны: Галкынаш (Туркмения) и Газли (Узбекистан) – Ургенч (Узбекистан) – Бейнеу (Казахстан) – Саратов (Россия). Он и сегодня продолжает оставаться важным элементом ресурсной базы ОАО «Газпром», и обеспечивает потребности внутреннего рынка России, стран СНГ и дальнего зарубежья. Уже в постсоветский период для расширения пропускной способности САЦ был построен Прикаспийский газопровод: Туркменбаши (Туркмения)–Узень (Казахстан) – Бейнеу (Казахстан) – Александров Гай (Россия) – Саратов (Россия) [6, 9]. Оба газопровода ориентированы на экспорт газа в страны Европы. Но в силу того, что страны Средней Азии не граничат непосредственно со странами Европы, экспорт осуществляется через территорию России. Это обстоятельство делает не только более высокой цену на экспортируемый газ, но и ставит добывающие страны в экономическую и, зачастую политическую зависимость от России.

Поэтому с целью дистанцирования от России, Туркмения предприняла ряд действий по формированию альтернативных маршрутов транспортировки газа. Первыми проектами стали газопроводы, выходящие непосредственно на потребителя (без посредников), в частности Иран. Потребителями газа являются северные провинции Ирана, удалённые от месторождений Персидского залива. Это газопровод Корпедже – Курт–Куи, ориентированный на северо-западные провинции Ирана и газопровод Довлетебат – Серах – Хангеран, ориентированный на северо-восточные провинции Ирана [19]. Более того, в 2009 г. был реализован международный проект, объединивший все страны региона – Туркмению, Узбекистан, Казахстан и Китай, имеет ответвления

на Киргизию и Таджикистан. Это газопровод «Средняя Азия – Китай»: Туркменабат (Туркмения) – Бухара (Узбекистан) – Навои (Узбекистан) – Шымкент (Казахстан) – Алматы (Казахстан) – Хоргос (Китай).

Однако перечисленные газопроводы, избавив добывающие страны региона от посредника, не вывели их на основного потребителя газа – страны Европы. Результатом попытки достигнуть этой цели стал проект Туркмении (поддержанный США и ЕС) – Транскаспийский газопровод. Предполагалось, что он пройдёт по дну Каспийского моря, соединив западный и восточной его берега: Туркменбаши (Туркмения) – Баку (Азербайджан). Реализации проекта препятствует нерешённость проблемы статуса Каспия, так как отсутствуют правовые нормы, регулирующие зону ответственности каждого прикаспийского государства. В этой ситуации кроме экологической аргументации противодействия данному проекту (сложность рельефа дна Каспия, высокий уровень сейсмической активности региона), присутствуют экономическая и политическая аргументация. Наиболее сильна она у России. С экономической точки зрения, Транскаспийский газопровод ущемляет интересы России, так как может стать конкурентом российским проектам «Южный поток» и «Голубой поток» [3]. С политической точки зрения, ущемление экономических интересов России приводит и к ослаблению её политического влияния.

В-четвёртых, одним из важных геополитических интересов России в регионе является наличие запасов, добычи и переработки урана. Совокупно на страны региона приходится около 20% мировых запасов урана и более 20% мирового производства уранового концентрата [11]. При этом лидерами являются Казахстан и Узбекистан, в которых наряду с добычей урана, присутствует и его переработка. Для России данный аспект имеет не столько экономическое (сырьевое обеспечение электроэнергетики и военно-промышленного комплекса), сколько политическое значение. До распада СССР перечисленные производства входили в урановую промышленность единого государства, производящего как мирный, так и военный атом. После распада СССР, каждое из государств получило потенциальную возможность воспроизвести технологическую цепочку произ-

водства ядерного оружия. Такая тенденция в сочетании с политическими амбициями руководства молодых государств, нестабильной экономикой, политической и этнотерриториальной конфликтностью, исламизацией населения, криминализацией общества (граница с Афганистаном), могла превратить Центральную Азию в ядерный полигон, а все соседние страны оказались бы его заложниками. Однако все страны региона выступили за установление безъядерной зоны [18]. И Россия, как соседнее государство, безусловно, заинтересована в её сохранении.

Для сравнения геополитических интересов России в изучаемых регионах можно использовать балльную оценку [3]. Её применение сделало очевидным вывод о том, что из всех геополитических регионов постсоветского пространства, Центрально-азиатский регион набирает самое большое количество положительных баллов (+24) (табл.1). Это свидетельствует о наличии в нём значительных интересов России, в реализации которых она не сталкивается с существенными препятствиями. При этом самое большое количество положительных баллов обеспечивает России Казахстан (+7) и Киргизия (+4), которые и являются её основными союзниками. Большое количество отрицательных баллов (-13) свидетельствует о стремлении стран региона проводить самостоятельную политику, не учитывающую (в том числе ущемляющую) интересы России. Или другими словами, не считаться с ними. При этом большие значения отрицательных баллов связаны не столько со значительными препятствиями в реализации интересов России, сколько с большим количеством стран в регионе! Наибольшие проблемы во взаимоотношениях с Россией имеет Туркмения, набирающая равное количество положительных и отрицательных баллов.

Попытка количественного анализа геополитических интересов России в Кавказском регионе (табл. 1), делает очевидным вывод о том, что он представляет собой проблемную зону для реализации этих интересов. Об этом можно судить на основе подсчёта общей суммы отрицательных баллов: -12. Это свидетельствует о стремлении стран региона проводить самостоятельную политику, не учитывающую интересы России. При этом самые большие трудности в реализации своих интересов, у России связаны с Грузией

Таблица 1

Геополитические интересы России в Кавказском и Центральноазиатском регионах

Геополитические регионы	Страны	Общее количество баллов	ВПИ	ТИ	СИ	ЭИ
Кавказский -7 (-12 / +5)	Грузия	-8	-2	-2		-4
	Армения	+2	+2			
	Азербайджан	+3-4	+1-1	-1+1		+1-2
Центральноазиатский +11 (+24 / -13)	Казахстан	+8-2	+2	+1	+2-1	+3-1
	Киргизия	+5-2	+2	-1	+2-1	+1
	Таджикистан	+4-3	+2	-1	+1-2	+1
	Узбекистан	+4-3	+1	-1	+1-1	+2-1
	Туркменистан	+3-3	+1	-1	+1-1	+1-1

Составлено автором.

Примечание: ВПИ – военно-политические интересы, ТИ – территориальные интересы, СИ – социальные интересы, ЭИ – экономические интересы.

(-8), а Армения, которая стремится к тесному сотрудничеству с Россией, не может его реализовать (всего +2) из-за территориальной изолированности. Вместе с тем, наличие положительных баллов (+5) свидетельствует о наличии общих интересов, которые могут быть выгодными обеим сторонам, то есть в регионе существуют объективные предпосылки для формирования дружественной внешней политики!

Завершая исследование геополитических интересов России на постсоветском пространстве в зоне южного сектора её государственной границы, отметим, что все исследуемые страны можно отнести к нескольким группам.

Во-первых, это страны, способствующие реализации интересов России. Условно их можно назвать «союзниками». Они набирают больше положительных баллов, чем отрицательных в количественной оценке реализации геополитических интересов России: из стран, рассматриваемых геополитических регионов, к ним можно отнести: Армению, Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Узбекистан. При этом среди них есть страны, не формирующие в целом отрицательное отношение к реализации российских интересов, то есть не имеющие отрицательных баллов – Армения (+2).

Во-вторых, это страны, препятствующие реализации геополитических интересов России. Их можно назвать «условными противниками». В силу геополитического положения, к ним не применим термин «противники», так как все они расположены или в зоне теллуократически ориентированного Rimland или являются частью Heartland. Другими словами они – часть

единой с Россией геополитической цивилизации (вне зависимости от настроений правящих элит). Однако на современном этапе развития, они показывают больше отрицательных баллов, чем положительных в количественной оценке реализации геополитических интересов России. Из стран рассматриваемых регионов – это Грузия и Азербайджан. При этом только Грузия демонстрирует полностью отрицательное отношение к любым геополитическим интересам России в своём регионе. Она является единственной страной постсоветского пространства, набирающая только отрицательные баллы (-8). Вместе с тем к данной группе относятся и страны с близкими значениями отрицательных и положительных баллов – Азербайджан (+3-4). Это свидетельствует о том, что хотя данные государства и осознают себя частью единого с Россией экономического пространства, пытаясь извлечь из этого выгоду, их собственные политические амбиции, вступающие в противоречие с амбициями России, не позволяют им это осуществлять в полной мере. Другими словами, политические интересы перевешивают экономическую выгоду.

В-третьих, это страны, осознающие себя объективной частью пока ещё единого экономического пространства с Россией, пытающиеся извлечь из этого собственную выгоду, но дистанцирующиеся от её политических амбиций. Они занимают условно «нейтральную позицию» по отношению к России – Туркмения. Это государства с равным соотношением положительных и отрицательных баллов (+3-3) в количественной оценке реализации геополитических интересов России.

Библиографический список

1. Белозеров В.С., Чихичин В.В., Панин А.Н., Коржов И.Ю. Российско-казахстанское пограничье: теория и практика исследования социально-демографических процессов // Региональные исследования. – 2012 – № 3 (37). – С.117–127.
2. Мавринчук Д.Н. Информационно–геополитическое противостояние США и России во время грузино-югоосетинского конфликта // Региональные исследования. – 2009. – № 6 (26). – С.19–24.
3. Потоцкая Т.И. Геополитические интересы России на постсоветском пространстве: Западная граница // Известия Смоленского государственного университета. – 2014. – № 2.
4. Российские военные объекты за рубежом (карты) // Коммерсантъ Власть. – 2003. – №18 (521). – 12 мая.
5. Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты / Отв. ред. С.Н. Абашин, В.И. Бушков; Ин–т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2004.
6. Часовский В.И. Промышленность стран СНГ в условиях транзитивной экономики // Известия РАН. Сер. географическая. – 2013. – № 5. – С. 41–50.
7. Бутаев А.М. Каспий: Море или Озеро? // CASPIY.NET. URL: <http://caspiy.net> (дата обращения: 15.07.2013).
8. Вооружённые Силы Российской Федерации: Российские военные объекты за рубежом // Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 23.05.2013).
9. Газпром. URL: <http://www.gazprom.ru> (дата обращения: 20.05.2013).
10. Глобал Логистик. URL: <http://glogist.ru/online> (дата обращения: 05.07.2013).
11. Информационно–аналитический центр «Минерал». URL: <http://www.mineral.ru> (дата обращения: 14.08.2013).
12. Книга фактов ЦРУ. URL: <https://www.cia.gov> (дата обращения: 12.08.2013).
13. Кольчугин Н.П. Каспийское море: процесс выработки правового статуса остается в тупике // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru> (дата обращения: 10.08.2013).
14. Лунев С. Ферганская долина как одна из моделей регионального развития // Институт центральноазиатских и кавказских исследований Швеции и Институт стратегических исследований Кавказа Азербайджанской Республики. URL: <http://www.ca-c.org> (дата обращения: 12.08.2013).
15. Мировой банк. URL: <http://www.worldbank.org> (дата обращения: 16.07.2013).
16. Минасян С. Когда содержание важнее формы: зачем Армении ОДКБ? // Научное общество кавказоведов. URL: <http://www.kavkazoved.info> (дата обращения: 10.07.2013).
17. Транснефть. URL: <http://www.transneft.ru> (дата обращения: 23.05.2013).
18. Шибутов М. Казахстан и Средняя Азия – ведущий регион добычи урана // Средняя Азия: новые координаты / Сборник статей под редакцией М.А. Колерова. Составитель М.Д. Пак. – М., 2013. URL: <http://ostkraft.ru> (дата обращения: 30.08.2013).
19. Crude Accountability. URL: <http://crudeaccountability.org> (дата обращения: 25.08.2013).
20. BeloseroV V.S., Chihichin V.V., Panin A.N., Korzhov I.Y. The Russian–Kazakh border: theory and practice of the study on the socio–demographic processes // Regional Studies. – 2012. – № 3 (37). – P.117–127.
21. Mavrinchuk D.N. Informational and geopolitical confrontation between the U.S. and Russia during the Georgian–South Ossetian conflict // Regional Studies. – 2009. – № 6 (26). – P.19–24.
22. Pototskaya T.I. Geopolitical interests of Russia in the post–Soviet space: Western border // Proceedings of the Smolensk State University, 2014. – № 2.
23. Russian military facilities overseas (cards) // KommersantVlast, № 18 (521), 12.05.2003.
24. Ferghana Valley: ethnicity, ethnic processes, ethnic conflicts / Ed. S.N. Abashin V.I. Bushkov; Institute of Ethnology and Anthropology. NN Maclay. – Moscow: Nauka, 2004.
25. Chasovskikh V.I. The Industry of the CIS in conditions of the transitive economy // Izvestiya. – Geographical Series. – 2013. – № 5. – S. 41–50.
26. Butaev A.M. The Caspian Sea: Sea or Lake? // CASPIY.NET. URL: <http://caspiy.net> (date of access: 15.07.2013).
27. Armed Forces of the Russian Federation: Russian military facilities abroad // Wikipedia . URL: <http://ru.wikipedia.org> (date of access: 23.05.2013).
28. Gazprom . URL: <http://www.gazprom.ru> (date of access: 20.05.2013).
29. Global Logistics. URL: <http://glogist.ru/online> (date of access: 05.07.2013) .
30. Information–analytical center “Mineral”. URL: <http://www.mineral.ru> (date of access: 14.08.2013).
31. CIA Factbook. URL: <https://www.cia.gov> (date of access: 12.08.2013).
32. Kolchugin N.P. The Caspian Sea: the process of developing the legal status remains in a deadlock // Institute of the Middle East. URL: <http://www.iimes.ru> (date accessed: 08/10/2013).
33. Lunev S. Ferghana Valley as one of the models for Regional Development // Institute for Central Asian and Caucasian Studies, Sweden and the Institute of Strategic Studies of the Caucasus Republic of Azerbaijan. URL: <http://www.ca-c.org> (date of access: 12.08.2013).
34. The World Bank. URL: <http://www.worldbank.org> (date of access : 16.07.2013).
35. Minasyan C. When the content is more important than the form: why Armenia CSTO? // Scientific Society Caucasiologists. URL: <http://www.kavkazoved.info> (date of access: 10.07.2013).
36. Transneft . URL: <http://www.transneft.ru> (date of access: 23.05.2013).
37. Shibusov M. Kazakhstan and Central Asia – the region ‘s leading uranium mining // Central Asia: new coordinates / Collection of articles edited by MA Kolerova. Compiled by M.D. Pak. M., 2013. URL: <http://ostkraft.ru> (date of access : 30.08.2013).
38. Crude Accountability. URL: <http://crudeaccountability.org> (date of access: 25.08.2013).

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

Клоков К.Б., Хрушев С.А. (Санкт-Петербург)

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ДЛЯ ОЦЕНКИ ВОЗДЕЙСТВИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ НА ТРАДИЦИОННОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА¹

Klokov K.B., Khrushchev S.A.

THEORETICAL FOUNDATION OF ETHNO-ECOLOGICAL EXAMINATION TO ASSESS THE IMPACT OF INDUSTRIAL DEVELOPMENT ON THE NORTHERN INDIGENOUS POPULATION'S TRADITIONAL NATURE-USE

Аннотация. В статье представлены результаты разработки основных положений теории этноэкологической экспертизы на основе данных, собранных в модельных регионах индустриального развития на Севере РФ. Объектом экспертизы является этноэкологическая система, ее предметом – взаимодействие ТЭО и ЭКС с региональной средой. В процессе экспертизы происходит актуализация ЭКС – «расшифровка» ментальных слоев культурного ландшафта и оценивается этнокультурная безопасность для ТЭО и ЭКС. Последняя определяется с помощью матрицы рисков состояния ЭКС (пассивная безопасность) и оценки креативного потенциала ТЭО (активная безопасность). Предложен новый методологический подход к оценке качества жизни и состояния ЭКС. Подход предполагает совместное использование как универсальных, так и этнорелятивных критериев. Выделены последовательные стадии этноэкспертных исследований, выступающие как этапы «этноэкологического сопровождения проекта», что обеспечивает взаимодействие ТЭО и промышленных компаний в течение всего цикла освоения.

Abstract. The main issues of theoretical foundation of ethno-ecological examination as part of ethnological one are considered. The basic results of the ethno-ecological expertise theory based on a significant data collected in the pilot regions of industrial development in the Russian North are presented. Object of ethnological examination is ethno-ecological system. Its subject matter is interaction between ethno-ecological system and regional environment. In the process of ethnoecological expertise actualisation of ethnocultural environment originates which is interpretation of mental layers of cultural landscape and ethnocultural safety is evaluated. Ethnological safety is determined by risk matrix of ethnocultural system (passive the circle of exploitation. safety) and creative potential of traditional ethocultural community (active safety). New methodological approach for assessment of quality of life and condition of ethno-cultural environment has been proposed. It takes into account inclusion of traditional ethno-cultural environment in two different value systems in the same time: both for the dominant and for the traditional communities. The new approach supposes to use together two value systems: a universal system of dominant community and ethno-relative system including traditional ethno-cultural criteria. Ethnological examination includes several stages. Together these stages make up process of "ethno-ecological project support" which provides collaboration between communities of indigenous peoples and industrial companies during the complete circle of exploitation.

Ключевые слова: этноэкологическая экспертиза, традиционное природопользование, оленеводство, коренные северные этносы.

Key words: ethno-ecological examination, traditional nature-use, reindeer husbandry, Northern indigenous peoples.

Традиционное природопользование коренных народов Севера – это основа их демографической устойчивости и этнокультурного развития. Вместе с тем, именно оно в первую очередь подвергается негативным воздействиям при хозяйственном освоении

таёжных и тундровых регионов. Поэтому в районах индустриального освоения районов, населённых коренными северными народами, целесообразно проводить этноэкологическую оценку программ и проектов развития. Этноэкологическая экспертиза

¹ Исследование проводилось при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 32 11-01-00050а.

направлена на выявление и оценку негативных воздействий на традиционное природопользование в местах добычи полезных ископаемых, гидростроительства, сооружения транспортной инфраструктуры. В фокусе её внимания лежит взаимодействие этносов с их кормящим ландшафтом в условиях транспортного и промышленного освоения. Этноэкологическая экспертиза составляет основу более широкого понятия – этнологической экспертизы, которая, наряду с этноэкологическими аспектами, охватывает широкий круг социально-экономических, демографических и культурных вопросов. Дав оценку текущего состояния этнокультурной среды и социокультурной общности, сделать прогноз их изменения в связи с тем или иным воздействием, мы сможем определять характер такого воздействия, указав, является оно положительным или отрицательным, допустимым или недопустимым, а затем, на основе полученных оценочных суждений, предлагать меры по улучшению ситуации.

1. Общие положения теории и методологии этноэкологической экспертизы

Для разработки теоретических и методологических подходов этноэкологической экспертизы авторами в 2011–2013 гг. были проведены исследования по изучению типичных проблемных ситуаций, сложившихся в регионах Севера РФ в связи с различными видами и сценариями транспортно-промышленного воздействия. Всего было рассмотрено пять типичных проблемных ситуаций в рамках трёх моделей индустриального освоения:

1-я модель – таёжное охотничье-промысловое природопользование с транспортным оленеводством эвенкийского типа, характерное для локальных этнотерриториальных групп преимущественно эвенкийского, частично якутского, происхождения с разной степенью традиционности хозяйства в Средней и Восточной Сибири. Базовая проблемная ситуация – воздействия на таёжное охотничье-промысловое природопользование с транспортным оленеводством эвенкийского типа в зоне затопления при строительстве Эвенкийской ГЭС на реке Нижняя Тунгуска в пределах Эвенкийского муниципального района Красноярского края.

2-я модель – крупнотапное тундровое оленеводство ненецкого и коми-ижемского типа, лидирующее сейчас по поголовью оле-

ней не только на российском Севере, но и во всём мире. Этот тип характерен для кочевых групп ненцев и коми-ижемцев с длинными маршрутами кочевий, с высокой степенью традиционности хозяйства и уровнем нómáдизма. О, имеет широкую географию распространения: от полуострова Канин Ненецкого АО до низовьев Енисея в Таймырском муниципальном районе Красноярского края. Здесь были рассмотрены базовые проблемные ситуации трёх типов:

1) пионерного этапа добычи и транспортировки нефти в Большеземельской тундре Ненецкого АО;

2) пионерного этапа добычи и транспортировки газа на полуострове Ямал Ямало-Ненецкого АО;

3) длительной и интенсивной добычи газа, с относительно развитой сетью не только магистральных газопроводов, но и автомобильных и железных дорог в Надымском и Пуровском муниципальных районах Ямало-Ненецкого АО.

3-я модель – крупнотапное оленеводство этнически смешанных групп коренного населения в мозаичном ландшафтном регионе с относительно низкой степенью традиционности природопользования и преимущественно поселковым образом жизни – Кольский полуостров Мурманской области. Базовая проблемная ситуация – трансформация саамского типа оленеводства в зоне этнического контакта автохтонного саамского населения с коми-ижемцами и ненцами при экзогенном воздействии индустриального развития, массового браконьерства и рекреационной активности миграционного населения.

В результате камеральной обработки эмпирических материалов (статистические данные территориальных органов государственной статистики, документы администраций муниципальных районов, городских и сельских поселений, экспертные интервью со специалистами оленеводческих и промысловых хозяйств, природоохранных служб), фондовых, архивных и картографических источников были сформулированы и апробированы следующие теоретические и методические подходы по разработке алгоритма этноэкологической экспертизы.

Определение этноэкологической экспертизы. Этноэкологическая экспертиза традиционного северного природопользования представляет собой специальный вид работ

по оценке воздействия на окружающую среду, являясь составной частью более широкого понятия «этнологическая экспертиза», в рамках которой, кроме проблем традиционного природопользования, рассматриваются социально-экономические, демографические и социально-культурные вопросы этнического развития (подробнее см. [8]).

Правовая институционализация этноэкологической экспертизы. Как юридический термин этнологическая экспертиза введена федеральным законом № 82-ФЗ от 30.04.1999 г. «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [18], что дала формальные основания требовать проведения такой экспертизы в необходимых случаях, хотя и не сделала её обязательной. В двух субъектах РФ – Сахалинской области и Республике Саха (Якутия) – приняты специальные нормативные акты, закрепляющие обязательное проведение этнологической экспертизы [21].

Зарубежные аналоги и отечественный опыт этноэкологической экспертизы. За рубежом урегулирование спорных вопросов с коренным населением рассматривается в более широком контексте социальной оценки воздействий (Social Impact Assessment) [26]. В России вопросы этнологической/этноэкологической экспертизы отражены в ряде публикаций сотрудников ИЭА РАН [2, 3, 12, 13, 15, 24], а практические вопросы её организации – в работах О.А. Мурашко [1, 16].

Сферы практического применения этноэкологической экспертизы. Этноэкологические экспертные исследования чаще всего выполняются по заказу промышленных корпораций как разделы ОВОС или как краткосрочные экспресс – оценки, необходимые для формального обоснования проектов на международном уровне. Важную роль этноэкологическая экспертиза призвана играть в процедурах комплексного обоснования устройства территорий традиционного природопользования, где, учитывая специфику образа жизни и традиционного хозяйства народов Севера, выделяется четыре основных направления: этнодемографическое, ресурсно-экологическое, финансово- и технико-экономическое, культурно-историческое [23].

Объект и предмет этноэкологической экспертизы. Согласно ФЗ № 82, этнологическая экспертиза – это «научное исследование влияния изменений исконной среды обита-

ния малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса» [18, ст. 1, п. 6]. Эту формулировку можно в первом приближении считать определением предмета этноэкологической (и в целом этнологической) экспертизы. Объектами этноэкологической экспертизы были названы «население под воздействием» и «этнокультурная среда» [15]. С этногеографических позиций эти формулировки могут быть уточнены и развёрнуты. Рассматривая этноэкологическую экспертизу применительно к коренным народам, мы всегда имеем дело с этническими общностями – носителями традиционной культуры. Поэтому объект этноэкологической экспертизы можно определить как традиционную этническую общность (ТЭО). Такое определение фиксирует внимание на этничности и традиционности, не содержит никаких дополнительных ограничений и может быть применено практически во всех случаях проведения экспертизы. Этнический состав ТЭО может быть неоднородным и состоять из нескольких этнических компонентов. Категория ТЭО иерархична и может быть представлена от отдельной семьи до всего коренного населения РФ.

Как и любая пространственная система, ТЭО существует в окружающей среде и взаимодействует с ней. При проведении этноэкологической экспертизы целесообразно рассматривать два типа окружающей ТЭО среды: этнокультурную и региональную. Этнокультурная среда (ЭКС) формируется и поддерживается ТЭО и является необходимым условием её существования. При этом сама ЭКС также является объектом экспертизы, поэтому правильнее считать объектом этноэкологической экспертизы этноэкологическую систему, состоящую в целом из ТЭО и ЭКС. Однако на практике ТЭО и ЭКС обычно изучаются и оцениваются отдельно.

Региональная среда, в данном контексте, рассматривается как внешняя по отношению к ТЭО и ЭКС среда, которая воздействует на этноэкологическую систему извне, и в общем случае – как источник опасности для ТЭО и ЭКС. Разделение региональной и этнокультурной сред относительно, так как ЭКС входит в состав региональной среды как часть культурного ландшафта. Чтобы определить их соотношение, уместно воспользоваться представлениями о слоях культурного ландшафта [5, 10, 11], согласно которым культур-

ный ландшафт, исторически формируясь на территории, где живут разные этнические общности – носители различных культурных традиций, – состоит из нескольких компонентов, культурных слоев. Эти слои могут быть как материальными (преобразованные природные объекты, постройки, захоронения и др.), так и ментальными. Ментальные слои связаны со смысловыми интерпретациями окружающей среды в различных культурах, с помощью которых то или иное место (часть ландшафта), а также природные объекты и артефакты, приобретают определенный смысл. Здесь следует отметить, что ментальное представление и картирование географического пространства – одна из традиционных тем поведенческой географии, развитой в англоязычных странах, где уже накоплен солидный эмпирический и теоретический материал, но пока слабо представленный в отечественной гуманитарной географии [4, с. 30-31].

Представители одной культуры, как правило, не знают и не выделяют ментальные слои, сформированные в рамках другой культурной традиции. Поэтому одной из задач этноэкологической экспертизы является семантическая расшифровка слоёв культурного ландшафта и их «перевод» на язык культуры доминирующего общества, что можно назвать актуализацией ЭКС. Актуализация ЭКС, во-первых, позволяет сохранить и использовать накопленные культурные ценности, во-вторых, предотвращает противоречия и конфликты, связанные с непониманием представителями одной культуры ценностей иных культурных слоёв ландшафта. Таким образом, предмет этноэкологической экспертизы не ограничивается изучением взаимодействия ТЭО со средой её обитания. Её задача не только исследовать, но и показать ценность всех слоёв ЭКС, т.е. представить результаты своего исследования на «языке», доступном для восприятия этого содержания общественностью и властными структурами.

Субъект оценки в этноэкологической экспертизе. Этнокультурная среда формируется на пересечении нескольких знаковых систем, каждая из которых связана с определённым этнокультурным контекстом – т.е. с соответствующим информационным слоем культурного ландшафта. Значимость отдельных объектов среды может меняться в зависимости от этнокультурного контекста, в котором они рассматриваются. В этнологии

принято рассматривать этнокультурную среду с позиций той культуры, исследование которой проводится (в нашем случае – с позиций традиционных культур народов Севера). Однако оценки условий жизнедеятельности ТЭО извне (с позиций культуры доминирующего общества) и изнутри (с точки зрения представителей самой традиционной культуры) могут сильно различаться.

Например, мерой богатства у ненецких оленеводов служит не количество денег или ценных вещей, а поголовье оленей, находящихся в их собственности [22, с. 42]. Качество жизненной среды («кормящего ландшафта») оценивается ими, прежде всего, по её пригодности для содержания оленьего стада и для сезонных перекочёвок. У других оленеводческих этносов иные системы ценностей. Так, у охотников-олeneводо-в эвенков оптимальное по размеру семейное стадо насчитывает около 50 оленей. Большое поголовье затрудняет перемещение по тайге в поисках мест концентрации промысловых пушных зверей [9]. Поскольку у большинства населения страны, включая и лиц, принимающих решения, шкала жизненных ценностей иная, в экспертизе возникает проблема поиска «общего знаменателя» различных ценностных шкал.

В наши дни все ТЭО народов Севера в той или иной мере интегрированы в доминирующее общество и оценивают качество жизни не только по традиционным критериям, но и по возможности иметь доступ к «благам цивилизации». В своём исследовании трансформации таёжной культуры и традиционного хозяйства у кетов А.А. Медведков справедливо отмечает: «В постперестроечное время у кетов появилась мотивация к обогащению, не свойственная традиционной культуре» [14, с. 143]. Поэтому методология корректной оценки должна быть основана на бикультурном подходе, где следует учитывать включённость ТЭО сразу в две ценностные системы: доминирующего и традиционного общества. При этом могут быть использованы как универсальные (с позиции доминирующего общества), так и этнорелятивные (с позиции ТЭО) критерии.

Принципы этнокультурной безопасности при проведении этноэкологической экспертизы. При оценке предпочтительности различных вариантов какого-либо проекта обычно используются два альтернативных

подхода: по эффективности или по безопасности, причем в последние десятилетия большее значение приобретает второй [17], где наметились два подхода: консервативная безопасность – выявление угроз и поиск путей борьбы с ними, и активная безопасность – повышение способности самой системы противостоять возникающим угрозам. Так, с точки зрения Скотта Форреста [25], культурная безопасность – это не столько защита культуры от угроз, сколько создание условий, при которых она будет безопасно расти, развиваясь по собственным законам. В этноэкологической экспертизе консервативный подход удобен для конкретных объектов ЭКС (что немаловажно для экспертизы – его проще аргументировать), а концепция активной безопасности в большей степени применима по отношению к самой ТЭО. В первом случае для оценки индустриального воздействия на коренное население составляется «матрица рисков», т.е. таблица, строки которой содержат перечень элементов ЭКС, а столбцы – возможные источники негативных воздействий, связанные с изменением региональной среды. В каждой клетке таблицы указывается оценка вероятности и степени негативных изменений ЭКС. Для оценки активной безопасности мы предлагаем использовать понятие креативности.

Оценка креативного потенциала ТЭО.

Назовем способность ТЭО продолжать и развивать свои традиции её креативной деятельностью. Традиции формируются путём заимствования и усвоения новаций, а также путём трансформации старых традиций, поэтому креативная деятельность в общем случае есть формирование новых традиций на основе старых традиций и новаций. Этнокультурная безопасность ТЭО заключается в поддержании её способности к креативной деятельности, или креативного потенциала, который, в свою очередь, зависит от состояния самой ТЭО и от целостности её ЭКС.

Проблема повышения креативного потенциала российского Севера поставлена недавно [20], методы его оценки пока ещё не разработаны. Такая оценка может быть проведена путем выявления и документирования фактов, выражающих интенсивность творческой деятельности людей. Этноэкологическая экспертиза может провести инвентаризацию уже накопленных в ЭКС культурных ценностей и выявить существующие в ТЭО «жи-

вые» традиции. К числу последних относятся технологии, с помощью которых члены ТЭО адаптируются к «кормящему ландшафту», готовят пищу, делают одежду, транспортное снаряжение и другие предметы, необходимые для кочевой или полукочевой жизни. Описания традиционных технологий в этнографии направлены на то, чтобы дать полную характеристику материальной культуры этноса. Задача этноэкологической экспертизы – зафиксировать факт сохранения живой традиции, т.е. применения таких технологий в повседневной жизни. Зафиксированные технологии делятся на три категории:

- а) собственно традиционные (почти неизмененные) технологии;
- б) традиционные технологии, в значительной степени адаптированные к современным условиям;
- в) нетрадиционные (заимствованные) технологии, которые активно адаптируются к условиям кочевой или полукочевой жизни, т.е. постепенно становятся для данной ТЭО традиционными.

Для выживания ТЭО важны все три категории. Их сочетание делает её устойчивой в меняющейся региональной среде и позволяет транслировать опыт прошлого будущим поколениям. Сами традиционные технологии можно рассматривать и как подлежащее охране культурно-историческое наследие, и как своего рода этнокультурный «капитал», который может быть востребован как ресурс для развития этнического туризма.

Методические подходы для этноэкологической оценки устойчивости традиционного северного природопользования при проведении этноэкологической экспертизы, в целом можно свести к трём основным направлениям (подробнее, см. [6]):

- 1) хозяйственные риски (снижение продуктивности оленьих пастбищ, охотничьих и рыболовных угодий; нарушения сезонного хозяйственного цикла в оленеводстве и др.);
- 2) социальные риски (связанные с изменением условий и качества жизни кочевого и оседлого населения);
- 3) угрозы этнокультурной безопасности (нарушение баланса традиций и новаций, прерывание традиций, представляющих ценность как часть культурного наследия Севера и др.).

С учётом вышеизложенных положений, можно выделить следующие основные этапы этноэкологической экспертизы:

Изучение ТЭО, ЭКС и их взаимосвязей друг с другом с точки зрения системной устойчивости.

Выявление структуры ЭКС, инвентаризация этнокультурных ценностей, разработка списков объектов этнокультурного наследия, с последующей актуализацией слоёв культурного ландшафта, связанных с традиционной культурой ТЭО.

Выявление и документирование традиционных технологий и других фактов, свидетельствующих о креативном потенциале ТЭО.

Выявление и анализ рисков, связанных с изменениями региональной среды, и оценка уровня этнокультурной безопасности по отдельным компонентам ЭКС.

Составление оценочных матриц этнокультурной безопасности, с помощью которых можно будет сопоставить различные варианты проектных решений и дать интегральные итоговые оценки.

Разработка рекомендаций по снижению рисков и/или их компенсации.

2. Индикаторы оценки качества жизни коренного населения

Оценка качества жизни коренного населения – один из ключевых моментов для разработки теории и методологии этноэкологической экспертизы и для поиска новых подходов к компенсации негативных воздействий, которое испытывают коренные народы, занятые в традиционных отраслях хозяйства в районах индустриального освоения. Очевидно, что в результате промышленного освоения качество жизни коренного населения не должно ухудшаться, а неизбежные негативные воздействия должны быть компенсированы путем принятия специальных мер. Однако эти меры могут быть направлены на поддержание традиционных основ образа жизни коренных народов, а могут, напротив, ускорять их аккультурацию и ассимиляцию. Чтобы оценить достаточность и полноту таких мер, нужно иметь возможность отслеживать изменения качества жизни, разработав объективные критерии, дающие сравнительную оценку качества жизни до и после осуществления каждого конкретного проекта и реализации компенсационных мероприятий. Основная сложность такой оценки состоит в том, что широко применяемые в социальных науках универсальные («надэтнические») критерии оценки качества и уровня жизни не

учитывают специфики традиционных культур и традиционного образа жизни. Применение таких критериев будет нацеливать на нивелирование этнокультурных различий и, в конечном счете, на ассимиляцию коренных этносов. Оценка же качества жизни аборигенов только по степени сохранности традиционной культуры приведет к консервации их образа жизни и невозможности приобщения коренных жителей к достижениям современной цивилизации.

Указанное противоречие является частным случаем известного противоречия между модернизмом и традиционализмом. Оно может быть преодолено путем поиска разумных компромиссных решений, в рамках подхода, получившего в России название «неотрадиционализма» [19].

Выходом, на наш взгляд, может быть не смешивание, а, наоборот, последовательное разделение индикаторов, относящихся к общепринятым стандартам доминирующего общества, и индикаторов, характеризующих состояние традиционного образа жизни и этнической культуры. С этой целью предлагается проводить оценку качества жизни не по одной линейной шкале, а одновременно по двум шкалам, одна из которых соответствует универсальным – надэтническим оценочным критериям, а вторая – этноспецифическим критериям, свойственным данной традиционной культуре (табл. 1). При такой оценке всё коренное население с точки зрения качества жизни может быть разделено на четыре группы.

Применение такого подхода к оценке коренного населения, занятого оленеводством, проведенное нами на примере Ямало-Ненецкого АО, позволило выделить следующие четыре группы согласно критериям таблицы 1.

Первая группа (низкая оценка по обеим шкалам) – магинализованное и дезадаптированное аборигенное население северных посёлков. Это бывшие кочевники, которые, переехав по тем или иным причинам из тундры в посёлок или в город, утратили возможность вести традиционный образ жизни и не нашли себе места в поселковой (городской) жизни. Именно среди представителей этой группы распространены безработица, алкоголизм, преступность и другие социальные болезни, которые обыватели нередко приписывают всему коренному населению.

Вторая группа (низкая оценка по шкале традиционных ценностей и высокая по уни-

Схема оценки качества жизни коренного населения
с использованием двух шкал ценностей

Этноспецифические (традиционные) критерии	Универсальные («надэтнические») критерии	
	Низкая оценка	Высокая оценка
Низкая оценка	1. Население неблагополучное ни по универсальным, ни по этническим критериям: т.е. лишённое и традиционных ценностей и благ цивилизации	2. Население неблагополучное по этническим критериям, но благополучное по универсальным: т.е. утратившие традиционные ценности, но взамен получившее доступ к благам цивилизации
Высокая оценка	3. Население благополучное по этническим критериям, но неблагополучное по универсальным: т.е. сохраняющее традиционные ценности, но лишённое благ цивилизации	4. Население благополучное как по универсальным, так и по этническим критериям: т.е. сохраняющее традиционные ценности и получившее доступ к благам цивилизации

версальным) – коренные жители, которые разорвали связь с традиционной культурой и образом жизни и успешно адаптировались к жизни в городе или поселке.

Третья группа (высокая оценка по шкале традиционных ценностей и низкая по универсальным) – люди, сохраняющие традиционную культуру и образ жизни, но лишённые доступа к элементарным благам цивилизации. Примером здесь могут быть кочевые семьи оленеводов, не имеющие жилья в поселке, с низким уровнем материально-технического оснащения кочевого хозяйства, не получающие в необходимых объёмах медицинской помощи и других социальных услуг.

Четвёртая группа (высокие оценки по обоим шкалам) – это успешные во всех отношениях семьи, качество жизни которых может быть высоко оценено одновременно и с позиций традиционной культуры и с позиций доступа к благам цивилизации (к этой группе можно было бы отнести значительную часть саамов-олленеводов в Скандинавских странах). В Ямало-Ненецком АО их мало, это, главным образом, отдельные семьи наиболее успешных оленеводов.

В настоящее время основная масса коренного населения округа относится ко второй (кочевые семьи) и третьей (поселковые жители) группам. Указанный подход по оценке качества жизни коренных жителей может быть использован и для оценки эффективности трансформации их образа жизни, обусловленного промышленным освоением. В частности, с его помощью можно оценить эффективность компенсационных мероприятий, которые должны быть направлены на то, чтобы предотвратить переход оленеводческого населения северных регионов из

третьей группы в первую, и способствовать его переходу в четвёртую группу.

3. Основные итоги проведения этноэкологической экспертизы в модельных регионах исследования

На основе разработанного алгоритма и методологических подходов нами были исследованы проблемные ситуации, связанные с ведением традиционной хозяйственной деятельностью коренными народами Севера в Красноярском крае, Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах, и в Мурманской области.

Проведение этноэкологической экспертизы проблемной ситуации, вызванной возможным затоплением пяти сельских поселений Илимпейской группы Эвенкийского муниципального района, охотничьих угодий и снижением продуктивности рыболовецких участков при сооружении Эвенкийской ГЭС, позволило сформулировать следующие выводы:

1. Эвенки бассейна Нижней Тунгуски – составляют этнодемографическое ядро одного из наиболее крупных и известных коренных народов Российского Севера, имеющего уникальные традиции традиционного природопользования. В случае сооружения ГЭС коренное население этого региона ожидают значительные перемены образа жизни – перенос на новые территории посёлков и традиционных мест промысла. Такие изменения создадут прямую угрозу разрушения поселковых общин и локальных культур эвенков.

2. Для многих коренных жителей Эвенкии и русских старожилов миграция (и тем более вынужденная) не является предпочтительным выбором. Занимаясь охотничье-промысловым природопользованием, они имеют воз-

возможность прямого доступа к традиционной местной пище по значительно меньшим экономическим издержкам, чем это доступно в магазине. Технологии, используемые в традиционных промыслах и оленеводстве, в целом не капиталоемкие. Текущие и капитальные издержки по силам среднему домохозяйству. Поэтому для коренных жителей и русских старожилов Эвенкии экономически эффективнее жить в небольших таежных селах, а не в крупных поселках.

3. Эвенкийский муниципальный район по условиям вхождения в Красноярский край получил особый статус, который предполагает передачу району части государственных полномочий в области защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера. В перспективе именно Эвенкия, как район с особым статусом, может стать пилотной площадкой в России по отработке новых институтов кооперативного менеджмента биологических ресурсов и северных пространств, которые обеспечивают значительную роль коренных жителей – лично и предметно знающих местные условия – в управлении ресурсами дикой природы.

4. ТЭО эвенков, живущих в бассейне Нижней Тунгуски, обладает значительным креативным потенциалом, который коренится в их обычаях и традициях, а в наши дни может быть осовременен через новые технологии и как традиционное ремесло востребован на туристическом и более широком рынке. При этом оленеводство и промыслы перестанут быть отсталыми отраслями хозяйствования и станут ядром традиционного жизнеобеспечения. Поэтому нужно уделить достаточно внимания тому, чтобы по возможности сохранить существующую сейчас традиционную систему оленеводческо-промыслового хозяйства бассейна Нижней Тунгуски.

5. В случае принятия решения о строительстве ГЭС необходима будет разработка и реализация специальной этносоциальной программы, направленной на компенсацию негативных воздействий и адаптации эвенкийского населения Нижней Тунгуски к меняющимся условиям, переноса из зоны воздействия водохранилища и возрождения на новых местах не только посёлков, но и всей системы традиционного природопользова-

ния. В случае строительства ГЭС необходимо предусмотреть целевые и адресные инвестиции в развитие традиционных отраслей хозяйства, транспорт, социальную инфраструктуру, развитие национальной эвенкийской культуры.

Исследование проблемных ситуаций в зоне крупностадного тундрового оленеводства ненецкого и коми-ижемского типа в пределах Ненецкого и Ямало-Ненецкого АО позволило сформулировать тезис о необходимости разработки специальной программы взаимодействия топливно-энергетических корпораций с коренным населением как в зонах активной добычи углеводородов, так и в районах их пионерного освоения и геологической разведки. Необходимость объясняется такими обстоятельствами.

1. Усложнение условий развития традиционного хозяйства и культуры северных этносов в процессе освоения углеводородного сырья. Оно связано, в первую очередь, со следующими причинами:

Сокращается природно-ресурсная (биоресурсная) база традиционного природопользования, соответственно для сохранения темпов экономического роста традиционных отраслей требуется переход к более интенсивным формам хозяйства.

Наличие на территориях традиционного природопользования промышленных и транспортных объектов объективно ухудшает условия ведения традиционного хозяйства, в частности происходит фрагментация угодий, повышается уровень экологического риска, возникают стрессовые воздействия на домашних и диких животных и др.

Меняются социально-экономические и социально-экологические условия проживания коренного населения и его жизненный уклад. Эти изменения вызывают необходимость дополнительных затрат на адаптацию коренного населения, его хозяйства и культуры к новым условиям.

Ускорение общих темпов социально-экономического развития округов² обуславливает улучшение условий жизни и благосостояния основной массы населения, которая сосредоточена в городах. Это ведёт к росту диспропорций в качестве жизни городского, сельского и кочевого населения. Соответственно, возникает не-

² По объёму валового регионального продукта на душу населения Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа лидируют среди всех субъектов РФ, – прим. авт.

обходимость дополнительных затрат на ускорение развития удалённых аборигенных поселков и кочевых групп населения, чтобы выравнять темпы и уровни развития и не допускать отставания и увеличения диспропорций.

2. Общий уровень финансового участия топливно-энергетических компаний в социально-экономическом развитии округов в настоящее время достаточно высок и в целом достаточен для поддержки сохранения и развития традиционного природопользования и традиционной культуры северных этносов. Однако, при распределении средств, поступающих на поддержку социально-экономического развития, их основная часть расходуется на улучшение условий жизни в районных и окружных центрах, крупных посёлках, т.е. выгоды от промышленного освоения получают в первую очередь городские жители, хотя ущерб от него терпит главным образом кочевое население. В результате контраст в качестве жизни тундрового и поселкового населения не сокращается. Это снижает заинтересованность молодого поколения тундровых жителей в продолжении занятием оленеводством, создает дополнительный стимул к переселению в посёлки, где и так наблюдается избыток рабочей силы.

3. При промышленном освоении территорий, вовлечённых в сферу традиционного оленеводства, именно кочевые оленеводы сталкиваются с рядом трудностей, таких как:

- ограничение доступа к традиционным путям миграции,
- необходимость изменения маршрутов, а также мест выпаса оленей,
- необходимость использования пастбищных территорий других оленеводческих общин и предприятий,
- уменьшение возможности маневрировать выпасом в случае неожиданного наступления гололеда или других стихийных явлений,
- и другие.

4. Указанные проблемы повышают риски возникновения конфликтных ситуаций как внутри сообществ коренных народов, так и с хозяйствующими субъектами. Сложность предотвращения таких ситуаций вызвана особенностями традиционного образа жизни северных этносов данных округов, а именно:

Значительная часть оленеводов представлена семейными хозяйствами, не объединёнными в общины и не имеющими постоянно-го представителя в посёлке.

Связи и контакты с кочевыми оленеводами затруднены, так как они большую часть времени проводят в тундре.

Использование пастбищ происходит главным образом на основе традиционного опыта, т.е. без постоянных, нанесённых на карту участков и маршрутов, причем в зависимости от погодных условий текущего года маршруты и места выпаса могут изменяться. В настоящее время лишь около 30% общего поголовья (та его часть, которая принадлежит муниципальным предприятиям) выпасается согласно схемам, предусмотренным проектами внутривладельческого землеустройства.

Интересы, жизненные ценности и приоритеты кочевого населения существенно отличаются от интересов поселковых жителей, также различны интересы оленеводов и рыбаков из числа коренного населения.

Проведение этноэкспертных работ по оценке устойчивости оленеводческого хозяйства в Ловозерском районе Мурманской области – единственного ареала саамского расселения и оленеводства в России – позволяет сделать три основных вывода:

1. Несмотря на значительные ресурсы свободных пастбищ, субсидии из регионального и федерального бюджетов, действия Закона «Об оленеводстве в Мурманской области», принятого еще в 2002 г., численность оленей и оленеводов в области медленно, но неуклонно сокращаются³. Такая тенденция связана главным образом с эндогенными социально-культурными процессами в среде оленеводческого населения, с нарушением преемственности в передаче адаптивных навыков жизни и хозяйствования в тундре. Это дает основание сделать вывод о постепенном снижении здесь устойчивости традиционного оленеводства как этноэкологической системы.

2. Сравнение Кольского полуострова с Ямалом [7] позволяет увидеть различия в механизмах, обеспечивающих устойчивость оленеводства. В Ямало-Ненецком АО количество оленей уже превысило 700 тыс., причем основное поголовье находится в мелких семейных хозяйствах, частично

³ За 1993–2013 гг. численность оленей сократилось с 82,3 до 54,9 тыс. голов или на 1/3, – прим. авт.

объединённых в общины. Самое крупное муниципальное предприятие округа «Яр-салинский» сейчас имеет лишь 27,8 тыс. оленей. Устойчивость ямальского оленеводства связана с сохранением традиционного уклада жизни нескольких тысяч ненецких кочевых семей, деятельность которых практически не поддается ни учёту, ни регулированию. Напротив, в Мурманской области семейного кочевания нет, а оленеводство сосредоточено в крупных предприятиях, ведущих хозяйство на основе бизнес-планов и централизованного управления. Это дает основания предположить, что положение в кольском оленеводстве может быть исправлено путем улучшения его менеджмента и капитальных вложений.

3. Заслуживает особого изучения уникальный опыт 120-летнего симбиоза саамской и коми-ижемской моделей крупностадного оленеводства, который даёт возможность оптимизировать использование пастбищ и трудовых ресурсов.

Подведем итоги. Анализ модельных проблемных ситуаций позволил поставить и обсудить ряд теоретических положений проведения этноэкологической экспертизы. Её объектом является этноэкологическая система, состоящая из ТЭО и ЭКС, а её предметом – взаимодействие ТЭО и ЭКС с региональной средой. В процессе экспертизы происходит актуализация ЭКС – «расшифровка» ментальных слоев культурного ландшафта и оценивается этнокультурная безопасность для ТЭО и ЭКС. Последняя определяется с помощью матрицы рисков состояния ЭКС (пассивная безопасность) и оценки креативного потенциала ТЭО (активная безопасность). Новый методологический подход к оценке качества жизни и состояния ЭКС учитывает включённость ТЭО сразу в две ценностные системы: доминирующего и традиционного общества. В нем совместно используются как универсальные, так и этнорелятивные критерии.

Такой подход позволил провести сопоставление проблемных ситуаций, возникающих в результате воздействия промышленного освоения на традиционное

природопользование на Кольском полуострове, на Ямале и в Эвенкии. В первых двух регионах традиционное природопользование уже много лет подвергается комплексу сильных воздействий, вызванных промышленным освоением и урбанизацией. Ситуация на Ямале, где улучшение условий жизни коренного населения по универсальным критериям происходит на фоне сохранения традиционного кочевого образа жизни основной массы оленеводов (преимущественно ненцев), может быть оценена как наиболее благополучная. Традиционная этническая общность оленеводческого населения Кольского полуострова, включающая саамов, коми-ижемцев и ненцев, быстро движется по пути аккультурации, в процессе которой улучшение условий жизни по универсальным критериям сопровождается утратой характерных для традиционного северного оленеводства черт образа жизни. В частности здесь практически полностью утрачено семейное кочевание, хотя условия жизни в тундре за последние годы стали значительно лучше.

В Эвенкии интенсивного промышленного освоения пока нет, что, казалось бы, должно способствовать сохранению традиционной этнической общности и этнокультурной среды. Однако, в связи с неблагоприятными социально-экономическими условиями, в которых находится этот регион, традиционное природопользование здесь сокращается даже в отсутствие промышленного роста. В результате качество жизни коренного населения имеет тенденцию к ухудшению как по универсальным, так и по этнорелятивным критериям.

В методическом аспекте, проведенные исследования, позволили выделить несколько различных направлений этноэкологической экспертизы и определить её стадийность. Последовательные стадии этноэкспертных исследований выступают как этапы процесса «этнологического сопровождения проекта». Такой более конструктивный – по сравнению с единовременным проведением экспертизы – подход обеспечивает взаимодействие сообществ коренного населения и промышленных компаний в течение всего цикла освоения.

Библиографический список

1. Богоявленский Д.Д., Мартынова Е.П., Мурашко О.А., Хмелева Е.Н., Якель Ю.Я., Яковлева О.А. Оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп малочисленных народов Севера / Отв. ред. О.А. Мурашко. – М.: Радуница, 2002. – 134 с.
2. Василькова Т.Н., Евай А.В., Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Коренные малочисленные народы и промышленной освоение Арктики (Этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе). – М. – Шадринск: Издательство ОГУП «Шадринский Дом Печати», 2011. – 268 с.
3. Завиденная О.О., Новикова Н.И. Удэгейцы: охотники и собиратели реки Бикин (Этнологическая экспертиза 2010 года). – М.: ИД «Стратегия»; ИП А.Г. Яковлев, 2010. – 154 с.
4. Замятина Н.Ю. Концептуальные основы изучения региональных образов // Региональные исследования. – 2011. – № 2 (32). – С. 24–35.
5. Калущков В.Н. Ландшафт в культурной географии. – М.: Новый хронограф, 2008. – 320 с.
6. Клоков К.Б. Анализ воздействия освоения нефтегазовых ресурсов на крупнотрадиционное оленеводство Ненецкого и Ямало-Ненецкого автономных округов // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. – 2012. – № 28. – С. 182–185.
7. Клоков К.Б., Дёгтева А.Ю. Методические подходы к оценке воздействия промышленного освоения на традиционное хозяйство народов Севера (на примере оленеводческого хозяйства Ямала) // Известия Санкт-Петербургского аграрного университета. – 2012. – № 26. – С. 225–230.
8. Клоков К.Б., Хрущев С.А., Бочарникова А.В. Этноэкологическая экспертиза воздействия индустриального освоения на традиционное природопользование коренного населения Севера: теоретические и методологические подходы // Известия Русского географического общества. – 2012. – № 3. – С. 30–36.
9. Ковязин Н.М. Оленеводство в Эвенкийском национальном округе // Очерки по промысловому хозяйству и оленеводству Крайнего Севера / Под ред. М.А. Сергеева. – Л.: Издательство Института народов Севера ЦИК СССР, 1936. – С. 3–38.
10. Культурная география / Ред. Ю.А. Веденин, Р.Ф. Туровский. – М.: Российский НИИ культурного и природного наследия, 2001. – 192 с.
11. Культурный ландшафт как объект наследия / Ред. Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – 620 с.
12. Люди Севера. Права на ресурсы и экспертиза / Отв. ред. Н.И. Новикова. – М.: ИД «Стратегия», 2008. – 512 с.
13. Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения. Этнологическая экспертиза 2011 года. – М.: ИП А.Г. Яковлев, 2012. – 132 с.
14. Медведков А.А. Кеты: таежная культура и традиционное хозяйство в современных социально-экономических и природно-климатических условиях // Региональные исследования. – 2012. – № 4 (38). – С. 142–147.
15. Методы этноэкологической экспертизы / Науч. ред. В.В. Степанов. – М.: ИЭА РАН, 1999. – 299 с.
16. Мурашко О.А. Этнологическая экспертиза в России и международные стандарты оценки воздействия проектов на коренные народы // Приложение к альманаху «Мир коренных народов – Живая Арктика». – М.: Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, 2006. – 114 с.
17. Мягков С.М. Социальная экология. Этнокультурные основы устойчивого развития. – М.: НИИПИ экологии города, 2001. – 190 с.
18. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации / Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 18. Ст. 2208.
19. Пика А.И., Прохоров Б.Б. Неотрадиционализм на Российском Севере (этническое возрождение малочисленных народов и государственная региональная политика). – М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования. Центр демографии и экологии человека РАН, 1994. – 225 с.
20. Пилясов А.Н. И последние станут первыми. Северная периферия на пути к экономике знания. – М.: Книжный дом «Либриком», 2009. – 544 с.
21. Правовое обеспечение этнологической экспертизы как обязательного условия при освоении северных территорий. Федеральное Собрание Российской Федерации. Совет Федерации. Парламентские слушания 25 октября 2007 года / Сост. А.Н. Ямсков. – М.: Издание Совета Федерации, 2008. – 108 с.
22. Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 569 с.
23. Хрущев С.А. Географическое исследование устойчивости этноценозов коренных народов Севера / Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. – СПб.: СПбГУ, 2007. – 16 с.
24. Ямсков А.Н. Этноэкологические экспертизы в международных организациях // Этнология обществу. Прикладные исследования в этнологии. Отв. ред. С.В. Чешко. – М.: Издательство «Оргсервис-2000», 2006. – С. 10–62.
25. Forrest S. Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security / Proceedings of the Third Northern Research Forum / Plenary on Security. Yellowknife: Northern Research Forum, 2004. Pp. 46–50.
26. Vanclay F. International Principles for Social Impact Assessment // Impact Assessment and Project Appraisal. Guildford. 2003. Vol. 21. N 1. Pp. 5–11.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВИМОСТИ ДАННЫХ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ 2002 И 2010 ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Pyankova A.I.

PROBLEMS OF COMPARABILITY OF CENSUS DATA FOR 2002 AND 2010 (THE CASE OF MOSCOW REGION)

Аннотация. *Административно-территориальные преобразования и изменения практики отнесения ряда категорий институционального населения к постоянному населению могут существенно влиять на численность и динамику населения. Тем самым, влияя на сопоставимость данных переписей населения. В статье предпринята попытка количественно оценить вклад данных компонент в межпереписную динамику численности населения в Московской области, показать их влияние на внутрорегиональном уровне, оценить «реальную» динамику численности населения за межпереписной период.*

Abstract. *Spatial reorganization and changing the definition of the place of usual residence for some types of "institutional population" have a great impact on rural and urban population dynamics in Russia, especially in Moscow region. The paper attempts to quantify the contribution of these non-demographic factors in the evaluation of the total population and population dynamics in the last intercensal period, identify plausible population dynamics in the region.*

Ключевые слова: перепись населения, административно-территориальные преобразования, институциональное население, сопоставимость данных, сельское население, Московская область.

Key words: census, spatial reorganization, institutional population, comparability of data, rural population, Moscow region.

Одним из основополагающих источников информации о численности и структурах населения и их динамики являются переписи населения, причем данные собираются на наиболее низком территориальном уровне. Исследователи в своих работах часто указывают на проблему доступности и качества текущей статистической информации по низовым административно-территориальным единицам [3, 8, 9]. Казалось бы, данные переписей населения в какой-то мере, несмотря на редкую периодичность, должны восполнять пробелы текущей статистики, предоставляя данные не только на уровне районов, но и численность населения по всем населенным пунктам. В связи с этим перед нами стояли следующие вопросы:

- Насколько данные переписи могут служить эталоном и базой для текущей статистики населения?
- Что дает переход от районного уровня на уровень сельских и городских поселений при анализе динамики численности населения?
- Достаточно ли корректировать данные переписи на произошедшие административно-территориальные преобразования (далее АТП) и какие еще могут быть «помехи» для анализа

трансформации системы расселения, используя данные переписи?

- В какой степени неоднозначное толкование переписных инструкций может повлиять на такие базовые показатели как численность населения, а соответственно на его динамику, отражающую изменение системы расселения региона?

В статье проверяется гипотеза об изменении непосредственной практики присоединения части институционального населения в ходе Всероссийской переписи населения 2010 г. (далее ВПН-2010) к постоянному населению муниципальных образований внутри региона по сравнению с переписью 2002 г. При сохранении принципа присоединения институционального населения, военнослужащего, к численности населения того региона, где дислоцируется объект. По нашему мнению, данная ситуация может вести к искажению соотношения городского и сельского населения на всех территориальных уровнях, усилению внутрорегиональных различий динамики численности городского и сельского населения по данным переписей.

Целью исследования было количественно оценить, в какой степени изменения в практике присоединения институциональ-

ного населения к постоянному населению муниципальных образований в Московской области в ходе ВПН-2010 повлияли на численность и динамику городского и сельского населения по данным последних российских переписей населения.

Методы исследования. Выбор Московской области объясняется рядом особенностей региона. В области значительная численность населения была вовлечена в АТП, по нашим оценкам, более 287 тыс. чел. Около 55% этой численности были вовлечены в АТП, связанные с изменением категории населенного пункта, что непосредственно влияет на численность и соотношение городского и сельского населения в регионе.

В то же время Московская область относится к числу тех 22-х регионов, где прирост населения по данным двух последних переписей населения отличается от текущих оценок численности населения на дату переписи. Согласно текущей оценке численности постоянного населения ожидалась убыль сельского населения в Московской области относительно ВПН-2002 г. (-71 тыс. чел.), переписные данные 2010 г. свидетельствуют о росте численности сельского населения относительно ВПН-2002 г. (+42 тыс. чел.)¹. В Московской области несоответствие направления динамики численности населения по оценкам текущего учета и данным переписи касалось только сельского населения. Анализируя динамику численности населения по данным переписей 2002 и 2010 гг., с учетом произошедших АТП, оказалось, что рост численности сельского населения еще выше, а его внутрирегиональная локализация весьма своеобразна.

Обращаясь к данному региону, также учитывались особенности учета и присоединения к постоянному населению в постсоветских переписях части институционального населения, в частности военнослужащих. Предполагался определенный вклад численности этой категории населения в общую численность постоянного населения районов, что отмечалось также некоторыми авторами [4]. Исследуя состав населения по переписным данным, Е.М. Андреев высказывает предположение о некотором завышении численности населения по данным последней переписи [1].

Исследуя особенности динамики численности населения во внутрирегиональном и

внутрирайонном масштабе Московской области, используя данные переписей, предполагалось локализовать и частично объяснить некоторые особенности результатов Всероссийской переписи населения 2010 г.

Проблема сопоставимости данных в пространстве, обусловлена изменением конфигурации и статуса тех территориальных единиц, к которым приурочиваются данные переписей. Изменение границ и статуса любых территориальных единиц, существенно ограничивает возможность точного анализа произошедших изменений. Подобные сложности характерны не только для нашей страны, они являются общей проблемой для множества стран, разница состоит только в том, границы какого типа территориальных единиц меняются, а также привлекла ли эта проблема внимание исследовательского сообщества и насколько разработаны методы ее преодоления. В международной периодической литературе проблеме сопоставимости данных и методам ее преодоления уделено достаточно много внимания [13-15].

Для обеспечения территориальной сопоставимости данных двух переписей данные Всероссийской переписи населения 2002 г. (далее ВПН-2002) были переформатированы в соответствии с муниципальным делением на 2010 г. Административно-территориальное деление (далее АТД) области 2002 г. было приведено к состоянию на 2010 г. Для этого было принято допущение, что населенные пункты, существовавшие и являющиеся городскими или сельскими в 2010 г., существовали и имели такой же статус и в 2002 г. Например, на основе этого допущения, г. Московский имеющий статус городского поселения в 2010 г. считался городским образованием и в 2002 г., официально же он имел статус сельского населенного пункта. Подобное допущение позволяет, во-первых, сравнивать данные численности городского и сельского населения на две даты, во-вторых, делать это на уровне городских и сельских поселений.

Для отражения «реальной» динамики численности городского и сельского населения области, относительно выявленной численности институционального населения было принято аналогичное допущение.

¹ Исследование, посвященное анализу итогов ВПН-2010 г., выполнено Институтом Демографии НИУ ВШЭ в 2012 г. по заказу Росстата.

Оно заключалось в том, что военнослужащие, присоединенные в ходе переписи 2010 г. к сельским населенным пунктам, должны быть также присоединены к сельским и входить в численность сельского населения района и в 2002 г., куда они и были отнесены. Соответственно численность городского населения в 2002 г. уменьшилась на найденную дельту. Тогда численность городского и сельского населения в 2010 г. осталась неизменной, а численность городского и сельского населения в 2002 г. поменялась во второй раз.

Информационной базой исследования выступали: данные переписей населения 2002 и 2010 годов о численности населения населенных пунктов Московской области; региональные статистические сборники о численности, составе и воспроизводстве населения в Московской области; информация об административно-территориальных преобразованиях, полученная на основе статистических сборников; нормативные документы, фиксирующие состав административно-территориальных единиц области и его изменение [12].

Влияние административно-территориальных преобразований на численность и динамику городского и сельского населения. Не все АТП ведут к переоценке численности городского и сельского населения. Объединение или поглощение населенных пунктов одного статуса (городского или сельского) составляют чуть менее половины всех АТП. Преобразования, ведущие к изменению численности городского и сельского населения, затронули половину районов области (19 из 38) и 3 города областного подчинения.

В период 2002–2010 гг. шло два процесса параллельно: рост городского населения и его снижение за счет АТП. Увеличение городского населения составило 129,8 тыс. чел., сельское уменьшилось соответственно. Снижение было обусловлено на 32,8% «поглощением» городами соседних сельских населенных пунктов и на 67,2% – сменой статуса населенного пункта с сельского на городской, без вхождения в состав другого населенного пункта (табл. 1). Этот тип АТП (тип 1 в табл. 1) охватывает большую численность людей, но небольшое число районов и населенных пунктов (10 населенных пунктов в 4 районах области), второй тип АТП распределен по территории области более дисперсно (1/3 всех районов области).

Обратный процесс, смена статуса населенного пункта с городского на сельский, затронул 29,8 тыс. чел. Баланс составил 100,3 тыс. чел. в пользу городского населения, учитывая наше допущение, что в 2002 г. АТД было такое же, как и в 2010 г.

Корректировка данных ВПН-2002 на АТП повлияла на снижение численности сельского населения Московской области в 2002 г., после чего она составила 1,27 млн чел., а не 1,37 млн чел. как по опубликованным данным. Тогда сельское население за межпереписной период выросло на 11,1%, тогда как городское всего на 6,3% (колонка 7 табл. 2), а не на 3% и 8,3% (колонка 5 табл. 2), если использовать опубликованные данные.

С учетом АТП в абсолютном выражении прирост сельского населения увеличился и составил 141,4 тыс. чел., что в 3,7 раз выше, чем без подобной корректировки. Прирост городского населения снизился на 23,4% и составил 335,8 тыс. чел. Без учета АТП аб-

Таблица 1

Типы административно-территориальных преобразований и их количественная оценка в Московской области с 2003–2010 гг., тыс. человек

Тип 1. Смена категории населенного пункта без изменения границ		Тип 2. «Поглощение»: расширение границ населенных пунктов			
С сельского на городской	С городского на сельский	Одного статуса (городской)	Разного статуса (городских за счет сельских)	Одного статуса (сельский)	Разного статуса (сельских за счет городских)
87,2	29,8	104,4	42,6	23,6	0,0
Рост городского	Рост сельского	Не влияет	Рост городского	Не влияет	Явление отсутствует

Источник: составлено по [12, 19, 20].

Таблица 2

Динамики численности городского и сельского населения Московской области без учета АТП и с его учетом, тыс. человек

	ВПН-2002 (без АТП)	ВПН-2002 (с АТП)	ВПН-2010	Прирост 2010/2002		Прирост 2010/2002 (с АТП)	
				тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
	1	2	3	4	5	6	7
Московская область	6618,5	6618,3	7095,1	476,6	107,2	477,2	107,2
Городское население:	5248,5	5347,9	5683,7	435,2	108,3	335,8	106,3
районов	3092,7	3185,8	3306	213,3	106,9	120,0	103,8
городских округов	2155,8	2162,2	2378	222	110,3	215,8	109,9
Сельское население	1370,0	1270,0	1411	41,4	103,0	141,4	111,1

Источники: составлено по [12, 17, 18, 19, 20].

солютный прирост численности городского населения был бы в 10 раз выше сельского, тогда как с ее учетом всего в 2,3 раза.

Прирост численности городского населения был разделен в зависимости от муниципального деления городской местности. Разница между приростом населения в городских округах и городском населении районов была невелика и составляла 3,4% (110,3% в городских округах и 106,9% в городском населении районов), при учете же АТП она увеличилась и составила 6,1% (109,9% в городских округах и 103,8% в городском населении районов). В результате стала видна дифференциация темпов роста городского населения в разных типах муниципальных образований городского статуса, в городских округах он был в 2,5 раза интенсивнее, чем в остальном городском населении региона, где сосредоточена все же большая часть городского населения области (58,2% в 2010 г.).

Во внутрирегиональном разрезе влияние АТП на численность городского населения было дифференцировано. В 6 из 19 районов АТП повлияли отрицательно на численность городского населения, наибольшая убыль отмечалась в Шатурском и Рузском районах. Наибольший рост городского населения был характерен для Ленинского, Одинцовского и Наро-Фоминского районов, где очень крупные сельские населенные пункты были переведены в статус поселков городского типа (пгт Калининец, Селятино, Заречье), города (г. Московский) или образованы новые пгт (Б. Вяземы, Новоивановское).

Для Московской области характерно наличие закрытых административных-территориальных образований (далее ЗАТО). Результаты ВПН-2002 содержали информацию

о численности населения трех ЗАТО, тогда как в ВПН-2010 – пяти, т.е. два города стали видны для статистики в 2010 г., их не было в численности населения региона в 2002 г., что добавило городскому населению Московской области в 2010 г. еще 32,7 тыс. чел.

Если добавить к нашему предположению, что в 2002 г. административно-территориальное деление было таким же, как в 2010 г., второе предположение, что численность городского населения двух ЗАТО (Власиха и Звездный городок) также должна быть включена в состав городского населения области в 2002 г., то численность городского населения (и всего региона в данном случае) увеличится, а темп роста за межпереписной период снизится и составит 105,6%, что ниже аналогичного показателя для городского населения без учета ЗАТО (106,3%). Неизвестно, какая она была в 2002 г., поэтому предполагаем, что такая же, как в 2010 г. Далее использовались показатели с учетом произошедших АТП за межпереписной период, но без добавления двух ЗАТО к городскому населению в 2002 г.

Соотношение данных переписи и текущего учета. Результаты корректировки данных ВПН-2002 г. на АТП иллюстрируют более интенсивный прирост численности сельского населения по данным двух последних переписей. В то же время это еще сильнее увеличивает разрыв между приростом численности населения по оценкам текущего учета (далее ТУ) к уровню 2002 г. и приростом численности сельского населения по данным переписей, что видно из таблицы 3.

На основе текущих оценок постоянного населения на дату переписи 2010 г. ожида-

Таблица 3

Темп роста численности населения Московской области по данным ВПН-2010 и текущему учету относительно ВПН-2002 с учетом и без учета АТП, %

	ТУ-2010, тыс. чел.	ТУ-2010/ ВПН- 2002	ТУ-2010/ ВПН-2002 с АТП	ВПН-2010/ ВПН- 2002	ВПН-2010/ ВПН-2002 с АТП
	1	2	3	4	5
Всего	6761,4	102,2	102,2	107,2	107,2
Городское население	5480,1	104,4	102,5	108,3	106,3
Сельское население	1281,3	93,5	100,9	103,0	111,1

Источник: составлено по [17, 18, 20, 21].

лась убыль сельского населения (93,5% по отношению к ВПН-2002), если же соотносить текущие оценки численности населения с данными ВПН-2002 с учетом АТП, то убыль населения сменится на слабopоложительный рост численности населения (100,9%). По данным переписей рост сельского населения с 2002 по 2010 г. составил 103%, учитывая же АТП – 111%.

В то же время, столь невысокий рост численности городского населения районов за последний межпереписной период (103,8%) (табл. 2) по сравнению с динамикой численности сельского населения (111,1%) порождает сомнение в естественности подобной привлекательности сельской местности по сравнению с городской, пусть и Московской области.

Различие более чем в 10% в приросте сельского населения по оценкам текущего учета и данным переписи 2010 г. относительно скорректированных данных ВПН-2002 достаточно высока и не может не вызывать вопросов (колонка 3 и 5 табл. 3). С одной стороны, они обращены к текущему учету и в основном касаются практики учета мигрантов, с другой стороны – к качеству проведения переписи. Возможно, для разных районов действовали разные факторы.

Таким образом, корректировка данных ВПН-2002 на АТП для сопоставления с данными ВПН-2010 и текущего учета не только не сняла вопросов о происхождении и уровне прироста сельского населения в регионе, но и усилила их.

Динамика численности городского и сельского населения за межпереписной период. Динамика численности сельского населения по данным переписей с учетом АТП характеризуется высокой внутрирегиональ-

ной дифференциацией, варьируясь от роста численности населения на 57% в Чеховском районе до убыли на 25% в Люберецком районе. В 70% районов области численность сельского населения выросла (тип районов № 1, 2, 4 в табл. 4), тогда как численность городского населения выросла в 57% районов (тип районов №5, частично тип №3 в табл. 4). В 30% районов рост сельского населения происходил на фоне убыли городского населения (тип районов № 1 табл. 4). Этому типу районов было уделено наиболее пристальное внимание, вторым фокусом стала группа районов, характеризующаяся ростом сельского населения и умеренно положительной динамикой городского (тип районов № 2 табл. 4).

Само обстоятельство интенсивного роста сельского населения на фоне убыли городского населения в ряде районов Московской области (тип 1), а в некоторых случаях и всей численности населения района (Клинский, Наро-Фоминский, Зарайский, Ногинский), вызывает определенный интерес. Поэтапно была прослежена внутрирайонная динамика численности населения городских и сельских поселений районов 1-го и 2-го типов (с максимальным, средним и низким приростом численности сельского населения), а затем всех остальных районов.

Среди поселений районов всех типов численность населения в городских поселениях за последний межпереписной период увеличилась на 4,5%, в то время как сельских поселениях на 10,9%. Еще менее выражена была динамика численности населения среди тех городских поселений, где располагается районный центр. В них численность населения увеличилась всего на 3,8% относительно 2002 г.

Иная ситуация наблюдается в районах, отнесенных нами ранее к *первому* и *второму*

Таблица 4

Распределение районов Московской области по характеру динамики городского и сельского населения районов за 2002–2010 гг. с учетом АТП

Сельское / Городское	86–99,9%	100–115%	116–128%	более 129%
84–99,9%	Луховицкий	Клинский	Ногинский	Чеховский
	Рузский	Подольский	Волоколамский	
	Лотошинский	Наро-Фоминский	Солнечногорский	
	Сергиево-Посадский	Воскресенский		
	Ступинский	Шатурский		
		Серпуховский	ТИП 1	
		Дмитровский		
	ТИП 3	Зарайский		
100–104%	Орехово-Зуевский	Егорьевский	Шаховской	Одинцовский
	Павлово-Посадский	Талдомский		
	Каширский	Щелковский		
		Истринский		
		Озерский	ТИП 2	
		Можайский		
105–116%	Люберецкий	Пушкинский	Ленинский	–
		Серебряно-Прудский	Мытищинский	
	ТИП 5	Домодедовский		
более 116%	Балашихинский	–	Красногорский	–
		ТИП 4	Раменский	

Источник: составлено по [17, 18].

Примечание: *Городское население Коломенского района с учетом городского округа Коломна.

типам. Во-первых, численность населения среди всех городских поселений районов этих типов не только не выросла, но даже незначительно снизилась, на 0,5% к уровню 2002 г., в то время как темп роста численности населения в сельских поселениях составил 112,6%. (табл. 5). Во-вторых, снижение численности населения в городских поселениях наиболее заметно среди тех, где располагается административный центр района (численность населения снизилась на 2,7% к 2002 г.). В то же время помимо наличия административного центра, эти городские поселения в среднем в 2–3 раза многочисленнее, чем остальные городские поселения районов.

Подобное явление в целом не характерно для России, где при наличии статуса административного центра город «почти автоматически» становится приоритетной «точкой роста» [цит. по 5], близость к центру [7] и людность города являются одними из главных факторов, определяющих более благоприятную динамику численности населения по сравнению с периферийными территориями. Последнее убедительно показано другими исследователями на примере анализа

динамики численности населения на уровне районов. Это обстоятельство давало основание предположить наличие подобной закономерности при большем укрупнении масштаба исследования. Однако для ряда городских поселений Московской области это правило работало с отклонениями.

В районах 1-го и 2-го типов отмечалась убыль численности населения в городских поселениях, «усиленная» наличием статуса административного центра, на фоне небывалого роста численности сельского населения, что с географической точки зрения, крайне противоречиво и «неестественно».

Подобные сопоставления динамики численности населения на разных территориальных уровнях, от района до городских и сельских поселений и населенных пунктов, проводилось для каждого района Московской области. Для 65% и 63% сельских и городских поселений области была характерна положительная динамика численности населения соответственно. Для большей доли сельских (30,6%) и городских (40,5%) поселений был характерен умеренный темп роста населения (от 100 до 110% за 2002–2010 гг.).

Таблица 5

Прирост численности населения по разным типам муниципальных образований по данным переписей 2002 и 2010 гг. с учетом АТП

	Число поселений	Численность населения, тыс. человек		2010/2002, %
		2002	2010	
Городские и сельские поселения:	302	4448,9	4715,3	106,0
Городские поселения	116	3423	3577	104,5
из них				
городские поселения районов первого и второго типов	66	1649	1640	99,5
из них				
городские поселения, где располагается районный центр, районов первого и второго типов	17	1119	1089	97,3
Сельские поселения	193	1026	1138	110,9
из них				
Сельские поселения районов первого и второго типов	117	599	675	112,6

Источник: составлено по [17, 18].

Более интенсивный темп роста численности населения (более 110%) характерен для 34,7% сельских поселений, тогда как для городских только для 22,2%. Положительных экстремумов среди городских поселений существенно меньше.

На рис. 1, отражающем динамику общей численности населения по городским и сельским поселениям без городских округов Московской области, видна локализация муниципальных образований, для которых характерна высокая и очень высокая положительная динамика численности населения. Часть из них сконцентрирована вокруг Москвы. Населенные пункты, входящие в состав этих муниципальных образований, являются фактически продолжением Москвы, характеризуются интенсивной маятниковой миграцией и очень большими объемами жилищного строительства. На Красногорский, Одинцовский, Ленинский, Люберецкий, Балашихинский, Мытищинский районы пришлось 36,3% ввода жилищного фонда от общего объема ввода в Московской области за 2002–2010 гг. Среди этих муниципальных образований, в т. ч. сельских поселений, столь высокий рост численности населения не вызывает сомнений.

Ко 2-й группе можно отнести районы, являющиеся соседями Москвы 2-го порядка: Солнечногорский, Истринский, На-

ро-Фоминский, Раменский, Пушкинский, Дмитровский районы. В них присутствуют сельские поселения с высокой положительной динамикой численности населения (прирост численности населения более 140% за 2002–2010), которые зачастую находятся в окружении поселений с отрицательной динамикой численности населения.

Выделяется и 3-я группа районов на существенном удалении от Москвы (соседи Москвы 3-его и 4-ого порядков), где отмечается та же ситуация: сельские поселения с высокими и очень высокими положительными показателями роста численности населения (более 180% за 2002–2010 гг.) окружены поселениями с отрицательной динамикой численности. К этой группе районов относятся: Талдомский, Волоколамский (муниципалитеты на севере от Волоколамска), Шаховской, Можайский (западная часть района), Чеховский, Егорьевский, Орехово-Зуевский, Ногинский, Сергиево-Посадский районы. На эти девять районов пришлось всего 7% всей нетто-миграции в регион за 2003–2010 гг. и 7,1% ввода жилищного фонда от общего объема ввода за 2002–2010 гг. в Московской области, что все же свидетельствует о невысокой их привлекательности.

Таким образом, рост численности сельского населения по данным переписей с учетом АТП имел весьма своеобразную ло-

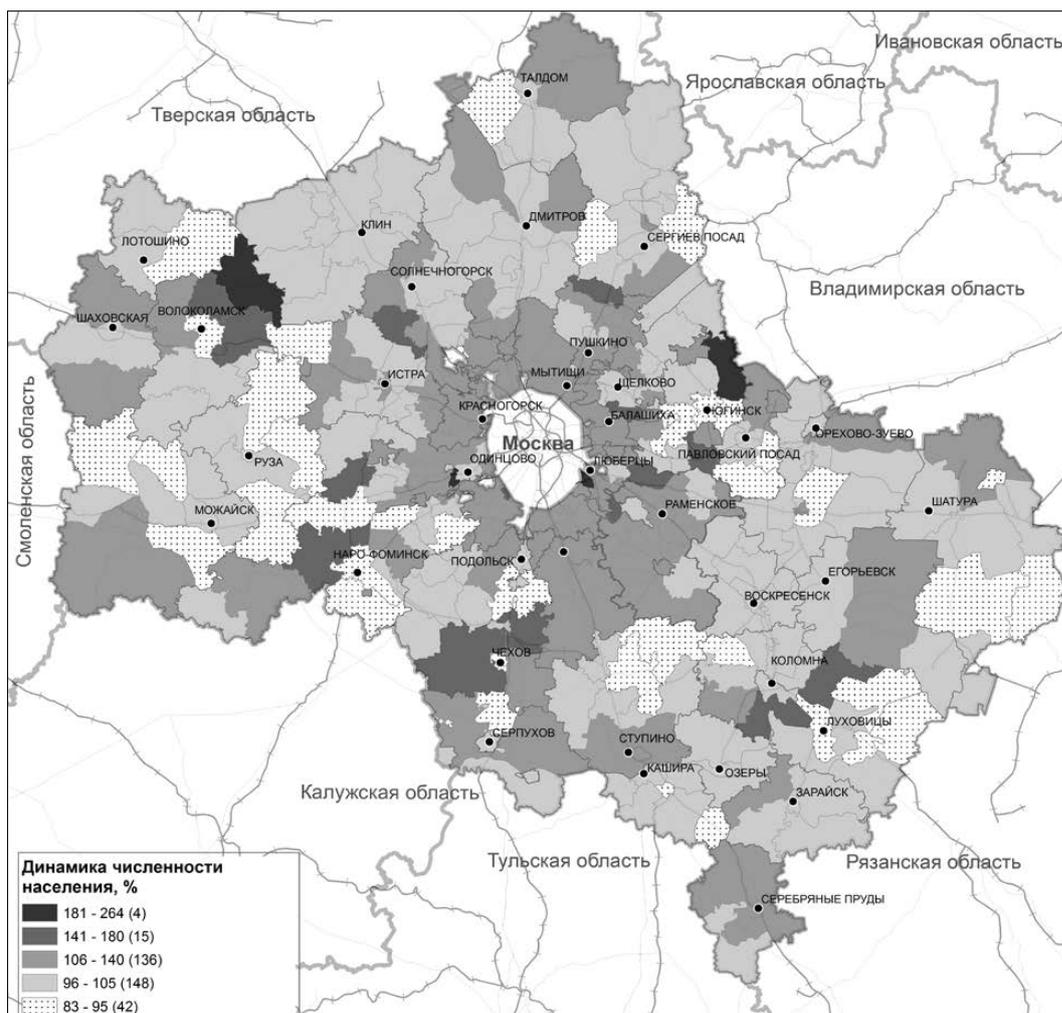

Рис. 1. Динамика численности населения городских и сельских поселений Московской области* за 2002–2010 гг. по данным переписей с учетом АТП

Источники: составлено автором по [17, 18] и информации об АТП за межпереписной период.

Примечания: в скобках в легенде указано количество муниципальных образований, относящихся к данной категории; *серые полигоны – городские округа, в них отсутствует сельское население (исключение Черноголовка), при анализе не рассматривались; Балашихинский, Домодедовский городские округа показаны как районы, т.к. в АТД ВПН-2010 они были обозначены как районы, смена статуса состоялась в середине 2010 г.

кализацию по территории области. Сельские поселения с очень высокими показателями прироста населения (более 130%) встречаются как в ближайшем поясе районов, так и в самых удаленных уголках области. Сельские поселения со столь высокими показателями роста в ряде районов являются носителями некой «исключительности», поскольку такие показатели роста сельского населения никоим образом не свойственны их соседям, что хорошо видно в Волоколамском, Можайском, Наро-Фоминском, Коломенском, Егорьевском, Ногинском районах.

На наш взгляд, подобная внутрирайонная дифференциация поселений по масштабам прироста численности населения среди районов 2-й и 3-й группы, а также общая динамика численности городского и сельского населения не может быть полностью объяснена демографическими событиями (рождаемостью, смертностью и миграцией, в т. ч. неучтенной) в межпереписной период. Возможно, она может частично находить свое объяснение в изменении практики учета населения в ходе переписей населения 2002 и 2010 гг., в частности, в практике присоеди-

нения к общей численности отдельных контингентов населения, за перепись которых ответственны иные федеральные структуры, нежели Росстат.

Учет отдельных контингентов населения в переписи населения. К контингентам населения, переписываемым в особом порядке, среди прочих относятся следующие [10]:

- подозреваемые и обвиняемые лица, находящиеся в изоляторах временного содержания; лица, отбывающие административное наказание;
- военнослужащие и гражданское население (включая членов семей военнослужащих), проживающее на территориях закрытых административно-территориальных образований, закрытых военных городков, воинских частей и организаций, имеющих систему пропусков.

В советское время большая часть военнослужащих присоединялась к численности населения тех регионов, в которых они проживали до призыва в Вооруженные Силы, а остальная часть – по месту дислокации военных объектов. В методологическом документе сказано: «в методологию учета населения при проведении Всероссийской переписи населения 2002 г., в отличие от всех послевоенных переписей, были внесены изменения, вызванные переходом на принятую в международной практике методологию проведения переписей населения, отвечающую международным стандартам и обеспечивающую сопоставимость статистических показателей между странами» [6]. В том числе изменилось присоединение численности военнослужащих, проходящих военную службу по призыву и проживающих на закрытой территории, к общим итогам переписи населения. Относительно учета данной категории населения, в документе содержится пояснение, где указывается, что она «полностью учитывается в численности населения того региона Российской Федерации, на территории которого дислоцируется объект» [6].

В первую очередь важно сказать, что изменения относительно присоединения военнослужащих к постоянному населению того региона, где дислоцируется военный объект, не соответствуют международной практике учета военнослужащих по призыву. В тех странах, где существует обязательная воен-

ная служба, в большинстве случаев, военнослужащие переписываются в местах проживания с семьей [16]. Практика отнесения военнослужащих регулярных военных сил к постоянному населению более разнообразна, но в том же документе отмечается, что только в России и Румынии данная категория переписывается по месту службы [16].

В п.2.4.2 инструкции о порядке проведения ВПН-2010 правила учета военнослужащих, на первый взгляд, повторяют правила 2002 г., но вместо слова «регион» фигурирует словосочетание «по месту их нахождения» [2]:

- 1. «Военнослужащие и гражданское население (включая членов семей военнослужащих), проживающие на территориях закрытых административно-территориальных образований, закрытых военных городков, воинских частей и организаций, имеющих систему пропусков, переписываются по месту их нахождения соответствующими федеральными органами исполнительной власти, в ведении которых находятся данные объекты»;
- 2. «Военнослужащие, проживающие со своими домохозяйствами вне территорий... переписываются вместе с членами их домохозяйств в общем порядке».

Исходя из анализа динамики численности населения Московской области по городским и сельским поселениям по данным переписей 2002 и 2010 гг., было предположено, что «место нахождения» в 2010 г. интерпретировалось при обработке результатов переписи 2010 на местах как ближайший населенный пункт, зачастую им выступал сельский населенный пункт. Таким образом, несмотря на сохранение методологии присоединения военнослужащих в 2002 и 2010 гг. (присоединение к субъекту РФ, где дислоцируется объект), видимо, имело место изменение практики присоединения численности военнослужащих внутри региона. Если в 2002 г. численность военнослужащих, предположительно, присоединялась к районному центру или городу областного подчинения, то в 2010 г. в практику вошло присоединение военнослужащих «по месту их нахождения». Насколько такая практика была повсеместной ответить сложно, часть персонала могла руководствоваться и прежней практикой.

На наш взгляд, именно этим фактором может частично объясняться столь интенсив-

ный рост численности сельского населения и умеренная или отрицательная динамика городского населения в ряде районов Московской области по данным переписей.

По нашим оценкам, в Московской области число военнослужащих, которых, предположительно, коснулось изменение порядка присоединения к итогам общей численности населения в 2010 г., составило около 70,4 тыс. чел., из них 59,6 тыс. человек в 2010 г. были присоединены к сельским населенным пунктам. Эта оценка не отражает общую численность военнослужащих в Московской области, а лишь ту ее часть, которая была переписана и предположительно присоединена в 2010 г. к другому населенному пункту с иным статусом, нежели в 2002 г. Данная оценка также содержит два допущения: 1) численность военнослужащих в 2010 г. была такой же, как и в 2002 г.; 2) численность населения тех населенных пунктов, к которым были присоединены военнослужащие в 2010 г. с 2002 г., не изменилась.

В масштабе всего населения Московской области вклад выявленной численности институционального населения невысокий, всего 0,001%. В районном разрезе он варьируется от 0,01% в Сергиево-Посадском, Истринском районах до 0,15% в Чеховском, разница составляет 15 раз.

Поскольку большая часть выявленного институционального населения была присоединена к численности сельского населения, то целесообразно перейти к рассмотрению только сельского населения области. Тогда минимальная доля институционального населения, локализованного в сельской местности, от общей численности сельского населения области становится заметнее – 4,2% численности сельского населения области.

Вклад институционального населения в численность сельского населения поражает при рассмотрении данного показателя на уровне районов. Более 1/3 постоянного сельского населения Чеховского района можно отнести к институциональному населению, около 1/5 в Ногинском районе, около 1/10 в Солнечногорском, Коломенском, Одинцовском, Щелковском, Клинском районах и от 1% до 5% постоянного населения Сергиево-Посадского, Пушкинского, Серпуховского, Наро-Фоминского, Дмитровского районов (в порядке возрастания).

Ранее данные переписи 2002 года корректировались на АТП, следуя той же логике, во второй раз они были скорректированы на выявленную численность институционального населения. В результате численность сельского населения в 2002 г. увеличилась на 59,6 тыс. чел., а городского уменьшилась соответственно.

В абсолютном выражении найденная численность институционального населения в масштабе Московской области незначительна, но она весьма существенно влияет на показатели динамики сельского населения области. С учетом принятых всех допущений рост численности городского населения Московской области за 2002–2010 гг. составил 107,5%, а сельского – 106,2% (табл. 6). Не корректируя численность сельского населения ВПН-2002 на численность институционального населения, рост численности сельского населения был бы почти в 2 раза выше (111%) и превышал бы рост численности городского населения.

В абсолютном выражении рост сельского населения Московской области за межпереписной период, по опубликованным данным переписей, составил 41 тыс. чел., с учетом же АТП – 141 тыс. чел. По нашим оценкам, около 40% прироста сельского населения Московской области за 2002–2010 гг. с учетом АТП объясняется изменением практики присоединения военнослужащих к постоянному населению того или иного муниципалитета в 2010 г., что вносит искажения в общую численность населения территориальных единиц, куда они присоединены. Таким образом, динамика численности сельского населения в Московской области всего чуть более чем на половину имеет демографическую природу.

Подобные изменения коснулись около 1/3 районов области (13 из 38) и двух городских округов, АТП – 19 районов и трех городских округов. Эти группы районов частично пересекаются, поэтому только для 13 районов (Егорьевский, Зарайский, Истринский, Каширский, Лотошинский, Луховицкий, Мытищинский, Озерский, Павлово-Посадский, Раменский, Серебряно-Прудский, Ступинский, Шаховской) Московской области можно сопоставлять данные переписи населения 2002 и 2010 гг. по городскому и сельскому населению, не проводя корректировок на АТП и особенности учета институционального населения в 2010 г.

Таблица 6

Темп роста численности городского и сельского населения Московской области по данным переписей населения 2002 и 2010 гг. без корректировок и с ними, %

	2010/2002	2010/2002, с учетом АТП	2010/2002, с учетом АТП и части институционального населения
Всего	107,2	107,2	107,2
Город	108,3	106,3	107,5
Село	103,0	111,1	106,2

Источники: составлено автором по [17, 18] и информации об АТП за межпереписной период.

После корректировки численности сельского населения на особенность учета институционального населения по районам области динамика численности сельского населения изменилась следующим образом:

Исчезли Ногинский район, характеризующийся ранее очень высоким положительным приростом сельского населения, который сменился на убыль (с 128% до 99%), Чеховский район, где прирост населения стал слабopоложительным (с 156% до 100,5%).

Прирост численности сельского населения в Солнечногорском (с 122% до 106%) и Одинцовском (с 129% до 116%) районах остался положительным, но масштаб его снизился, поэтому среди лидеров остались только Ленинский и Красногорский районы.

В остальных районах, где прирост сельского населения был ниже, чем в выше перечисленных районах, в результате корректировки он снизился, но остался положительным (Наро-Фоминский, Серпуховский, Клинский, Пушкинский, Щелковский).

Сменилось направление динамики численности сельского населения в Дмитровском районе с положительного на слабо отрицательный (с 104% до 99,6%) и усилилась отрицательная динамика в Сергиево-Посадском районе.

В результате корректировки амплитуда темпов роста сельского населения по районам Московской области значительно уменьшилась. В случае использования «сырых» данных ВПН минимальные и максимальные показатели темпов роста сельского населения к уровню 2002 г. составляли 29% и 162%, с учетом АТП – 75% и 157%, с учетом АТП и части институционального населения – 75% до 128% соответственно.

Численность и динамика сельского населения ряда районов оставляет все же некоторые сомнения. Во-первых, это Волоколамский район, характеризующийся максимальным приростом сельского на-

селения (128%) за межпереписной период, наравне с такими районами, как Ленинский и Красногорский, ставшими, фактически, частью Москвы. Однако городское население Волоколамского района убывает весьма интенсивно (94% к уровню 2002 г., учитывая АТП). Во-вторых, это самые удаленные районы Московской области, характеризующиеся высокими темпами роста сельского населения и слабо положительной динамикой городского населения: на западе Шаховской (116%), на севере Талдомский (111%) и на востоке Егорьевский (112%). Динамика численности в сельских поселениях данных районов повсеместно положительная для всех сельских поселений. Именно повсеместность роста численности населения всех населенных пунктов в данных районах вызывает сомнения в практике проведения самой переписи.

На наш взгляд, высокие темпы роста численности сельского населения в обозначенных районах не могут быть объяснены ни миграционной привлекательностью районов, ни особенностями учета институционального населения в ВПН-2010. Они могут иметь свои корни в качестве проведения переписи в данных районах в целом, в частности в роли муниципальных образований в ходе подготовки и проведения переписи. На наш взгляд, для этих районов свою роль сыграла поправка в переписное законодательство перед ВПН-2010, позволяющие переписчику обращаться к административным данным, если они не застали респондента в месте его постоянного жительства. Но данное обстоятельство было усугублено отсутствием соответствующей метки в переписном листе, из чего можно было бы получить информацию, на основании, какого источника информации заполнен переписной лист: устный опрос, т. ч. телефонный, заполнение на стационарном участке или административные данные. Это и впредь останется неизвестно.

Заключение. Возможные вариации отнесения к постоянному населению части институционального населения от переписи к переписи искажают численность населения, усугубляя проблемы сопоставимости данных переписей населения. Если об административно-территориальных преобразованиях имеется опубликованная информация, то о подобных изменениях прямой источник отсутствует. Масштаб описываемого нами явления можно оценить лишь косвенно и частично, поскольку изменения в присоединении части институционального населения к постоянному населению не были запланированы и могли осуществляться хаотично по территории региона.

Изменения правил присоединения ряда категорий институционального населения в переписи могут весьма кардинально менять характер динамики численности населения даже на уровне региона. Во внутрирегиональном разрезе численность и динамика искажается существенно, приобретая грандиозный масштаб, на уровне городских и сельских поселений.

С одной стороны, именно высокая положительная и невероятно территориально разнородная динамика численности сельского населения на уровне поселений и послужила основанием для выдвижения предположения об изменении правил присоединения некоторых категорий населения к численности постоянного населения. С другой стороны, она же стала основанием для оценки масштаба произошедших изменений.

Конечно, эта проблема характерна не для всех регионов России, а лишь для тех, где дислоцируются военные объекты, а соответственно и институциональное население, в частности военнослужащие. Особенно это будет актуально для пограничных регионов, регионов с военной промышленностью.

В то же время, мы рассмотрели лишь часть проблемы, влияние на численность и динамику населения на разных территориальных уровнях, но не менее искажен половозрастной состав территориальных единиц, затронутых подобными преобразованиями. Резкое преобладание мужчин над женщинами в определенных возрастных группах также может служить индикатором наличия институционального населения в численности постоянного населения муниципальных единиц.

Текущие оценки численности и состава населения после 2010 г. будут основываться именно на данных ВПН-2010 г., аккумулируя все погрешности переписи, поэтому работа с данными текущей статистики на уровне поселений требует осторожности.

Отмеченные особенности ВПН-2010 имеют важное значение не только для ретроспективного анализа динамики общей численности населения и использования корректного «знаменателя» для расчета демографических коэффициентов, прогноза населения, в т. ч. на низком территориальном уровне, но они находят свое прямое продолжение в повседневном управлении страной, поскольку «региональные и местные бюджеты в течение всего межпереписного периода будут формироваться на основе данных переписи 2010 года» [11].

Библиографический список

1. Андреев Е.М. О точности результатов Российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. – 2012. – № 11. – С. 21–35.
2. Инструкция о порядке проведения Всероссийской переписи населения 2010 года и заполнения переписных документов / Приказ Росстата от 23 марта №128 и от 10 августа 2010 г. № 282 [Электронный ресурс] // Сайт переписи населения 2010 [Официальный сайт]. URL: <http://www.perepis-2010.ru/documents/acts/> (23.12.13).
3. Карачурина Л.Б. Демографические трансформации городов постсоветской России // Региональные исследования. – 2013. – №3(41). – С. 24.
4. Китова К. Роль миграции в изменении населения Москвы и Московской области: опыт оценки на основе материалов переписи 1989, 2002 и 2010 годов, 2012 [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly №519-520. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0519/analit05.php> (23.12.13).
5. Лаппо Г. М. Города – центры единиц административно-территориального деления России // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. – М.: ОГИ, 2005. – 99 с.
6. Методологические вопросы Всероссийской переписи населения 2002 г., с. 14 [Электронный ресурс] // Сайт переписи населения 2002 [Официальный сайт]. URL: <http://www.perepis2002.ru/content.html?id=29&docid=10715289081520> (23.12.13).
7. Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Региональные столицы и глубинка [Электронный ресурс] // «Демоскоп Weekly». №575-576. 2013. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0575/tema03.php> (23.12.13).
8. Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Центро-периферийные взаимодействия в регионах России - анализ на основе компонентов динамики численности населения низовых АТЕ за последний меж-

- переписной период [Электронный ресурс]// «Демоскоп Weekly». 2010. URL: № 437-438. <http://demoscope.ru/weekly/2010/0437/analit03.php>
9. Нефедова Т.Г., Трейвиш А. И. Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования. – 2010. – № 2 (28). – С. 42.
 10. Основные методологические и организационные положения Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс] // Сайт переписи населения 2010 [Официальный сайт]. URL: <http://www.perepis-2010.ru/documents/acts/> (23.12.13).
 11. Особенности организации и проведения Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс] // Сайт переписи населения 2010 [Официальный сайт]. URL: <http://www.perepis-2010.ru/smi/2011-05-30-perepis-itogi.pdf> (23.12.13).
 12. Постановление Губернатора Московской области от 29.01.2007 (ред. 30.03.2010) №10-ПГ «Об учетных административно-территориальных и территориальных единицах Московской области».
 13. Martin D. et al., (2002). Linking censuses through time: problems and solutions // *Area*, Vol. 34. № 1, 82–91.
 14. Syphard A. et al, (2009). Assessing housing growth when census boundaries change // *International Journal of Geographical Information Science*, Vol. 23, № 7, 859–876.
 15. Vrieling A., Meiser C., (2013). Constructing boundary-consistent population time series for the municipalities of the Netherlands, 1988–2011 // *Population Studies: A Journal of Demography*, Vol. 67, № 2, 195–208.
 16. The place of usual residence and other geographic characteristics: national practice in the 2000 round of census and comments on the ECE census recommendation/ UNECE Working Paper № 7. Rev. 1 14 March 2005.

Статистические данные

17. Данные Всероссийской переписи населения 2010 г. по Московской области.
 18. Данные Всероссийской переписи населения 2002 г. по Московской области.
 19. Бюллетень ФСГС «Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января». – М., 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010.
 20. Статистические сборники ТО ФСГС по Московской области «Численность и состав населения Московской области на 1 января». – М., 2006, 2009, 2010.
 21. Статистический сборник ТО ФСГС по Московской области «Воспроизводство населения Московской области за 2010 г.». – М., 2011.
 22. Статистический сборник ТО ФСГС по Московской области «Социально-экономическое положение муниципальных образований Московской области за 2010 г.». – М., 2011.
-

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

Суржиков В.И. (Владивосток)

ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ИХ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ)

Surzhikov V.I.

ECONOMIC-GEOGRAPHICAL SITUATION OF MUNICIPAL ESTABLISHMENTS AS A FACTOR DEVELOPING FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY (BY EXAMPLE OF PRIMORSKY REGION)

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности влияния экономико-географического положения муниципальных образований Приморского края на их внешнеэкономическую деятельность. Автором проведена типология муниципалитетов, в основу которой легло их положение по отношению к сухопутным и морским государственным границам, а также основные внешнеэкономические показатели: внешнеторговый оборот, оборот услуг, объём иностранных инвестиций, количество предприятий с участием иностранного капитала. Представлена детальная характеристика выделенных типов муниципалитетов по уровню развития внешнеэкономических связей с учетом использования потенциала их экономико-географического положения. Приведённая типология показывает, что наибольшее влияние экономико-географическое положение оказывает на развитие внешнеэкономической деятельности наиболее крупных приморских муниципальных образований, и значительное – на приграничных муниципалитетов.*

***Abstract.** The article deals with the influence of economic-geographical situation of municipalities in Primorsky Region on their foreign trade. The author classifies the municipalities according to their position in relation to the country's land and maritime borders and either analyzes their major foreign economic indicators, such as foreign trade turnover, services trade turnover, volume of foreign investment and number of companies with foreign capital. The paper provides a detailed characteristic of the municipalities in terms of foreign economic relations, taking into account the potential of their economic-geographical situation. The above classification shows that economic-geographical position has the greatest impact on the development of foreign economic activity of the largest coastal municipalities, and it has significant impact – on the near-border municipalities.*

***Ключевые слова:** экономико-географическое положение, типология, муниципальные образования, внешнеэкономическая деятельность.*

***Key words:** economic-geographical situation, classification, municipal unions, foreign economic activity.*

В социально-экономической географии важнейшей характеристикой территории является экономико-географическое положение (ЭГП). Основной вклад в разработку и изучение ЭГП был сделан советскими экономико-географами Н.Н. Баранским, Ю.Г. Саушкиным, И.М. Маергойзом, К.П. Космачевым и др.

Изучению ЭГП Дальнего Востока, и Приморского края в частности посвящены работы целого ряда учёных, в том числе П.Я. Бакланова [1], А.А. Глушко [4], И.М. Маергойза [7], М.Т. Романова [1], Г.Г. Ткаченко [8], А.И. Трейвиша [9] и др.

По нашему мнению, ЭГП Приморского края многомерно. Край занимает уникальное широкомасштабное континентально-океаническое положение. Протяжённость его береговой линии составляет 1822 км. Выгодность такого приморского положения заключается в возможности использования ресурсов Тихого океана, в возможности выхода к морским транспортным путям и доступности многих стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). При этом край является конечным пунктом Транссибирской железной дороги, которая во взаимосвязи с его морскими портами представляют собой единый транс-

портный комплекс, обслуживающий международные сообщения.

Уникальность приграничного ЭГП Приморского края обусловлено его расположением на стыке крупнейших стран АТР и мира, что в современных политико-экономических условиях позволяет говорить о возможности развития масштабных и устойчивых внешнеэкономических связей со странами Япономорского региона.

Однако при рассмотрении на микроуровне экономико-географическое положение низовых административных единиц в значительной степени дифференцировано. Не все муниципальные образования имеют одинаковую возможность для внешнеэкономического сотрудничества, а некоторые не имеют её вообще. Поэтому для изучения и оценки роли ЭГП в развитии их внешнеэкономической деятельности, все 34 муниципалитета края были разбиты на группы. Критерием, положенным в основу группировки, послужило ЭГП: непосредственно приграничное, приморское и несколько удалённое от моря и сухопутной границы.

Для каждой группы были выбраны основные внешнеэкономические показатели: внешнеторговый оборот, внешнеторговый оборот услуг, объём иностранных инвестиций и количество предприятий с участием иностранного капитала. Все данные брались за семилетний период с 2005 по 2011 г. (табл. 1). Использование средневзвешенных показателей позволяет снизить влияние случайных факторов различного рода.

В результате было выделено шесть типов муниципальных образований.

Первый тип – административные единицы с непосредственно приморским положением. Благодаря этому, они могут одновременно взаимодействовать с низовыми административными территориями нескольких иностранных государств, как минимум с соседями первого порядка. Муниципальные образования, выходящие к морским границам имеют возможность использования более дешёвого морского транспорта и того или иного сочетания морских природных ресурсов. Все муниципалитеты данного типа подразделяются на четыре подтипа.

1.1. Муниципальные образования с высоким уровнем развития внешнеэкономической деятельности. К ним относится Владивостокский городской округ (ГО).

Город Владивосток, выполняя функцию административного центра Приморья, одновременно является системообразующим центром Владивостокской агломерации. Значительная часть населения края и его социально-экономический потенциал сконцентрированы здесь, в границах данной административно-хозяйственной единицы. Городской округ взаимодействует со всеми 70 странами, с которыми вообще имеет отношения Приморский край в целом.

Владивосток является самым крупным транспортным центром на Дальнем Востоке. Здесь берут своё начало морские пути во многие страны Азиатско-Тихоокеанского региона, Транссибирская железнодорожная (Транссиб) и автомагистрали.

Морской транспорт во Владивостоке представлен Дальневосточным морским пароходством. Здесь также имеется два порта: Владивостокский морской торговый порт (ОАО «ВМТП») и Владивостокский морской рыбный порт (ОАО «ВМРП»). ОАО «ВМТП» имеет соответствующую мировым стандартам сервисную структуру, которая включает в себя стивидорные, агентские, экспедиторские, буксирные, сюрвейерские, тальманские и другие компании. Владивостокский морской рыбный порт представляет собой универсальный перегрузочный комплекс. Здесь осуществляется переработка рыбопродукции, выполняются операции с различными грузами (лес, металл, удобрения, целлюлоза, горюче-смазочные материалы и т.д.).

Такое уникальное транспортно-географическое положение, а также развитая инфраструктура способствуют активному участию Владивостокского городского округа во внешнеэкономической деятельности, и прежде всего со странами-соседями, в частности с КНР, Японией, США и Республикой Корея. На его долю приходится 61,8% внешнеторгового оборота Приморского края и 50,5% объёма внешнеторгового оборота услуг [2].

График динамики внешнеторгового оборота свидетельствует о ежегодном росте данного показателя, за исключением после кризисного 2009 г. На протяжении всего исследуемого периода в структуре товарооборота Владивостокского округа в значительной степени импорт преобладает над экспортом. Данная тенденция обусловлена ежегодным ростом удельного веса импорта машин, оборудования и транспортных средств.

Типология муниципальных образований Приморского края
(среднегодовые данные за период с 2005 по 2011 гг.)

Тип	Подтип	Название муниципального образования	Внешне-торговый оборот, тыс. долл.	Внешне-торговый оборот услуг, млн. долл.	Объём иностранных инвестиций, тыс. долл.	Число предприятий с участием иностранного капитала, ед.
1	1.1	Владивосток	2753525	331	112375	175
	1.2	Находка	486894	209	5900	50
	1.3	Тернейский	135972	26	13136	3
		Артём				
	1.4	Дальнегорск	9110	3	136	2
		Кавалеровский				
		Лазовский				
		Надежденский				
		Ольгинский				
		Партизанский				
Шкотовский						
Большой Камень						
2	2.1	Уссурийск	187222	0,4	1615	20
		Лесозаводск				
		Дальнереченск				
	2.2	Дальнереченский	23772	0,1	1	3
		Кировский				
		Октябрьский				
Пограничный						
3	3.1	Пожарский	4127	0,03	185	3
		Арсеньев				
		Партизанск				
		Спасск-Дальний				
		Анучинский				
		Красноармейский				
		Михайловский				
Чугуевский						
4	4.1	Яковлевский	2252	0	0	1
		Хорольский				
5	5.1	Черниговский	15948	18	330	7
6	6.1	Хасанский	442	0	609	2
		Спасский				
		Ханкайский				

Источник: рассчитано и составлено автором по данным [2, 3, 5, 6].

К основным отраслям специализации относятся транспортная обработка грузов и хранение, рыболовство, судоремонт и металлообработка. При этом, на Владивостокский городской округ приходится более 1800 участников внешнеэкономической деятельности, крупнейшими из которых являются: ОАО «Владивостокский морской торговый порт», ОАО «Восточная верфь», ЗАО РК «Восток-1», ОАО «Владивостокский морской рыбный порт», ОАО «Норфес», ОАО

«Турниф», ЗАО «Ролиз», ОАО «Приморсклеспром», ООО РК «Приморский промышленник», ЗАО «Магеллан», ЗАО РК «Огни Востока», ООО «Рыбоколхоз «ДВБР».

Важно отметить, что Владивостокский ГО характеризуется высокой инвестиционной привлекательностью. Среднегодовой показатель поступивших иностранных инвестиций равен 112,3 млн долл. США, число предприятий с участием иностранного капитала – 175 [5, 6].

Муниципальные образования со средним уровнем развития внешнеэкономической деятельности. К этому подтипу относится Находкинский городской округ. Город Находка является крупнейшим морским транспортным узлом Дальнего Востока. На территории округа расположены два морских порта: Восточный и Находка. Морские порты Находки обслуживают внешнеторговые грузопотоки между Россией и странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Находкинский ГО поддерживает экономические связи более чем с 40 странами мира. При этом, наибольшая доля грузовых перевозок осуществляется с Японией, Республикой Корея и Китаем. В 2011 г. 48% грузопотока, прошедшего через тихоокеанские порты, пришлось на порты Находки.

Кроме того, Находкинский железнодорожный узел является одним из ключевых звеньев Дальневосточной железной дороги. Автодорожная сеть обеспечивает связь Находки с важнейшим транспортным коридором «Москва-Владивосток». При этом важное экономическое значение имеет автомобильная дорога Владивосток-Находка.

Среднегодовые значения объёма внешнеторгового оборота и внешнеторгового оборота услуг Находкинского городского округа в крае составили соответственно 10,9% и 31,9%. Его основными отраслями специализации являются транспортная обработка грузов и хранение, рыболовство, судоремонт и металлообработка. Во внешнеэкономическую деятельность вовлечены свыше 800 участников, в том числе крупнейшие ОАО «Восточный порт», ООО «Специализированный морской нефтеналивной порт Козьмино», ОАО «ЕВРАЗ Находкинский морской торговый порт», ООО «Восточная Стивидорная Компания», ООО «РН-Находканефтепродукт», ОАО «Находкинский морской рыбный порт», ОАО «Находкинская база активного морского рыболовства», ОАО «Южноморская база рыболовного флота», ОАО «Находкинский судоремонтный завод», ОАО «Строитель-43», рыболовецкий колхоз «Тихий океан» и т.д.

Муниципальные образования с низким уровнем развития внешнеэкономической деятельности. К данному подтипу относятся Артёмовский и Дальнегорский городские округа, а также Тернейский муниципальный район. Город Артём является воздушными

воротами Приморского края. На территории округа расположен международный аэропорт «Кневичи», который круглосуточно обслуживает авиасообщение во все концы России и в ряд зарубежных стран. Также присутствуют железнодорожные станции и платформы Транссибирской железнодорожной магистрали и промышленные железнодорожные узлы.

На территории Тернейского района железнодорожный транспорт отсутствует, прекращены морские пассажирские перевозки, на большей части территории района отсутствует и автомобильная дорога. Международное грузовое сообщение осуществляется морским транспортом, который обслуживается порт-пунктом Пластун.

Для данных территорий внешнеторговый оборот составил 9,2% от общекраевого, объём внешнеторгового оборота услуг – 12%.

Основу экономики Артёмовского городского округа составляют обрабатывающие производства, транспортные предприятия, предприятия, производящие сельскохозяйственную продукцию, торговля и сфера услуг.

Для Дальнегорского ГО характерны горнодобывающие и горнохимические, обрабатывающие производства.

Основные отрасли специализации Тернейского района представлены лесозаготовительной и лесоперерабатывающей.

Число экспортоориентированных предприятий данных муниципальных образований равно 20. Инвестиционный климат благоприятный. Объём иностранных инвестиций достиг 13,1 млн долл. США [5,6].

Муниципальные образования с очень низким уровнем развития внешнеэкономической деятельности: Кавалеровский, Лазовский, Надеждинский, Ольгинский, Партизанский, Шкотовский муниципальные районы, а также, ЗАТО Большой Камень и ЗАТО Фокино. Среди представленных муниципальных образований только Ольгинский район имеет звено контактной структуры – портовый пункт Ольга. Тем не менее, доля участия данных муниципальных образований во внешнеторговых отношениях составляет 1,6%, объём внешнеторгового оборота услуг – 2,5%.

В экономике муниципалитетов основными отраслями специализации являются лесная и деревообрабатывающая промышленность, рыболовство, переработка рыбы и морепродуктов. На территории этих муници-

пальных образований располагается 13 экспортноориентированных предприятий.

В целом для первого типа муниципальных образований Приморского края номенклатура экспорта представлена продовольственными товарами (рыба и морепродукты), машинами, оборудованием и транспортными средствами, минеральными продуктами, чёрными и цветными металлами и изделиями из них, древесиной и продукцией ее переработки.

Основными статьями импорта являются машины, оборудование и транспортные средства, текстиль, текстильные изделия и обувь, продовольственные товары, продукция химической промышленности.

Второй тип представлен приграничными муниципалитетами. Они имеют возможность для прямого сотрудничества исключительно с одной или несколькими низовыми административными единицами страны-соседа (Китайской Народной Республикой). Среди всех муниципалитетов края таковых восемь. В свою очередь, они подразделяются на два подтипа:

Муниципальные образования с низким уровнем развития внешнеэкономической деятельности. К данному подтипу относятся Уссурийский, Лесозаводский и Дальнереченский городские округа. Уссурийский городской округ является транспортным узлом. Станция Уссурийск соединяет Транссибирскую магистраль через пограничный переход Гродеково с КНР (протяженность по территории Уссурийского городского округа – 22,6 км), а через пограничный переход Краскино – с КНДР.

На территории Лесозаводского ГО расположен КПП Марково. Всё это позволяет данным административным единицам непосредственно осуществлять внешнеэкономическую деятельность. В целом их средний многолетний показатель внешнеторгового оборота составил 12,6%, при этом объём внешнеторгового оборота услуг всего – 0,2%.

Основные виды экономической деятельности представлены предприятиями деревообрабатывающей, пищевой промышленности, сельского хозяйства и транспорта. Пятнадцать крупнейших предприятий участвуют в приграничном сотрудничестве.

Необходимо отметить, что в экономику Уссурийского ГО поступает, согласно среднему многолетнему показателю, 3,5 млн

долл. США иностранных инвестиций ежегодно [2].

Муниципальные образования с очень низким уровнем развития внешнеэкономической деятельности (Дальнереченский, Кировский, Октябрьский, Пограничный и Пожарский районы). На участке границы, к которому выходит эта группа муниципальных образований, имеется два таможенных пункта пропуска: Полтавка (Октябрьский район) и Гродеково (Пограничный район), через которые они и осуществляют взаимодействие с приграничными уездами КНР. Среднее многолетнее значение внешнеторгового оборота данного подтипа муниципальных образований равно 2,7% от общекраевого уровня, а объём внешнеторгового оборота услуг – 0,1%.

Отрасли специализации этого подтипа муниципалитетов представлены предприятиями обрабатывающей промышленности, транспорта, сельского хозяйства. В их числе десять предприятий, производящих продукцию для экспорта (древесина и изделия из нее, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье, минеральные продукты). В структуре импорта преобладают машины, оборудование и транспортные средства, текстиль, текстильные изделия и обувь, продовольственные товары.

Муниципалитеты, относящиеся к третьему типу, не имеют непосредственного выхода ни к сухопутной границе, ни к морскому побережью. Таковых административных единиц восемь, их площадь 26,6% территории края. Это такие районы, как Анучинский, Красноармейский, Михайловский, Чугуевский, Яковлевский, а также городские округа - Арсеньевский, Партизанский, Спасск-Дальний. Данные административно-хозяйственные единицы участвуют во внешнеэкономической деятельности через транзитные территории края. На долю этой группы муниципалитетов приходится всего 0,7% внешнеторгового оборота Приморского края.

В экспорте-импорте данных муниципалитетов преобладают машины и оборудование, готовые металлические изделия, сельскохозяйственная продукция, а также пищевая и прочая продукция перерабатывающей промышленности. Главными участниками внешнеэкономической деятельности являются восемь предприятий.

Четвёртый тип составляют муниципалитеты, имеющие выход к государственной границе по акватории озера Ханка. К данному типу относятся Хорольский и Черниговский муниципальные районы. Они занимают 2,3% территории края, и на них приходится 37,3 км береговой линии трансграничного озера Ханка. Эти муниципалитеты имеют очень узкий спектр внешнеэкономических связей и возможностей взаимодействия с подобными административными единицами страны-соседа. Совокупное значение их внешнеторгового оборота равно лишь 0,1% от общекраевого, в его структуре преобладает импорт оборудования и транспортных средств. В последние несколько лет объёмы экспорта упали до нулевой отметки.

Муниципальные образования пятого типа отличаются уникальностью своего положения и широкими возможностями осуществления внешнеэкономических связей, как наземным транспортом, так и морским (рис. 1).

К этому типу относится лишь одно муниципальное образование края – Хасанский район. Он занимает 2,5% площади края и одновременно имеет выход к побережью Японского моря с морскими портами и к сухопутной государственной границе с таможенными переходами в КНДР и КНР. Протяжённость береговой линии Хасанского района составляет 516,1 км, протяжённость же сухопутной границы – 235,9 км с КНР и 17 км – с КНДР.

На территории района располагаются три международных морских порта (Зарубино, Посьет, Славянка) и два сухопутных пункта пропуска (Краскино, Хасан). Однако внешнеторговый оборот района составляет лишь 0,4% от краевого значения, а объём внешнеторгового оборота услуг – 2,8%. В структуре внешнеторгового оборота преобладает импорт (машины, оборудование и транспортные средства, продовольственные товары) над экспортом (рыба и морепродукты).

Ведущими промышленными видами деятельности являются переработка и консервирование рыбопродукции, ремонт судов. Также на территории района действует совместное российско-китайское предприятие по производству обуви. Транспортная отрасль представлена предприятиями, осуществляющими транспортную обработку и хранение грузов (уголь, рыбопродукция,

нефтепродукты и др.). На территории района осуществляют свою деятельность семь экспортно-ориентированных предприятий. Объём иностранных инвестиций составляет 330 тыс. долларов США ежегодно.

Шестой тип объединяет муниципальные образования, которые одновременно имеют выход как к сухопутной государственной границе, так и к границе, проходящей по трансграничному озеру. Такое положение занимают Спасский и Ханкайский районы. На них приходится 4,2% территории Приморского края. Они граничат только с КНР – по суше и акватории озера Ханка. Спасский район имеет сухопутную границу, протяжённостью 62,1 км, и по акватории озёра – 78 км. Протяжённость государственной границы по суше в пределах Ханкайского района составляет 92,6 км, по акватории озера – 138,3 км. Тем не менее, уровень внешнеторгового оборота этих районов крайне низкий, всего 0,02%. Основными отраслями муниципалитетов являются сельское хозяйство и производство неметаллических минеральных продуктов (цемента). Экспортно-ориентированных предприятий пять.

Выводы. Наибольшее влияние экономико-географического положения на развитие внешнеэкономической деятельности испытывают приморские муниципальные образования, относящиеся к первому типу. Они в наибольшей степени реализуют преимущества своего ЭГП.

Муниципалитеты второго типа, имеющие приграничное положение, несмотря на их выгодное соседство с крупнейшей экономикой мира (КНР), крайне слабо осуществляют процесс внешнеэкономического взаимодействия. Безусловно, это обусловлено наличием не конкурентоспособных экспортных производств, слаборазвитой транспортной инфраструктурой, устаревшими пунктами пропуска, не отвечающими современным требованиям, а также продолжительным таможенным оформлением экспортно-импортных грузов.

Муниципальные образования третьего типа удалены от побережья и сухопутной государственной границы, и тем самым не имеют непосредственной возможности взаимодействия с низовыми единицами других государств. Поэтому они реализуют свои экспортно-импортные операции через тран-

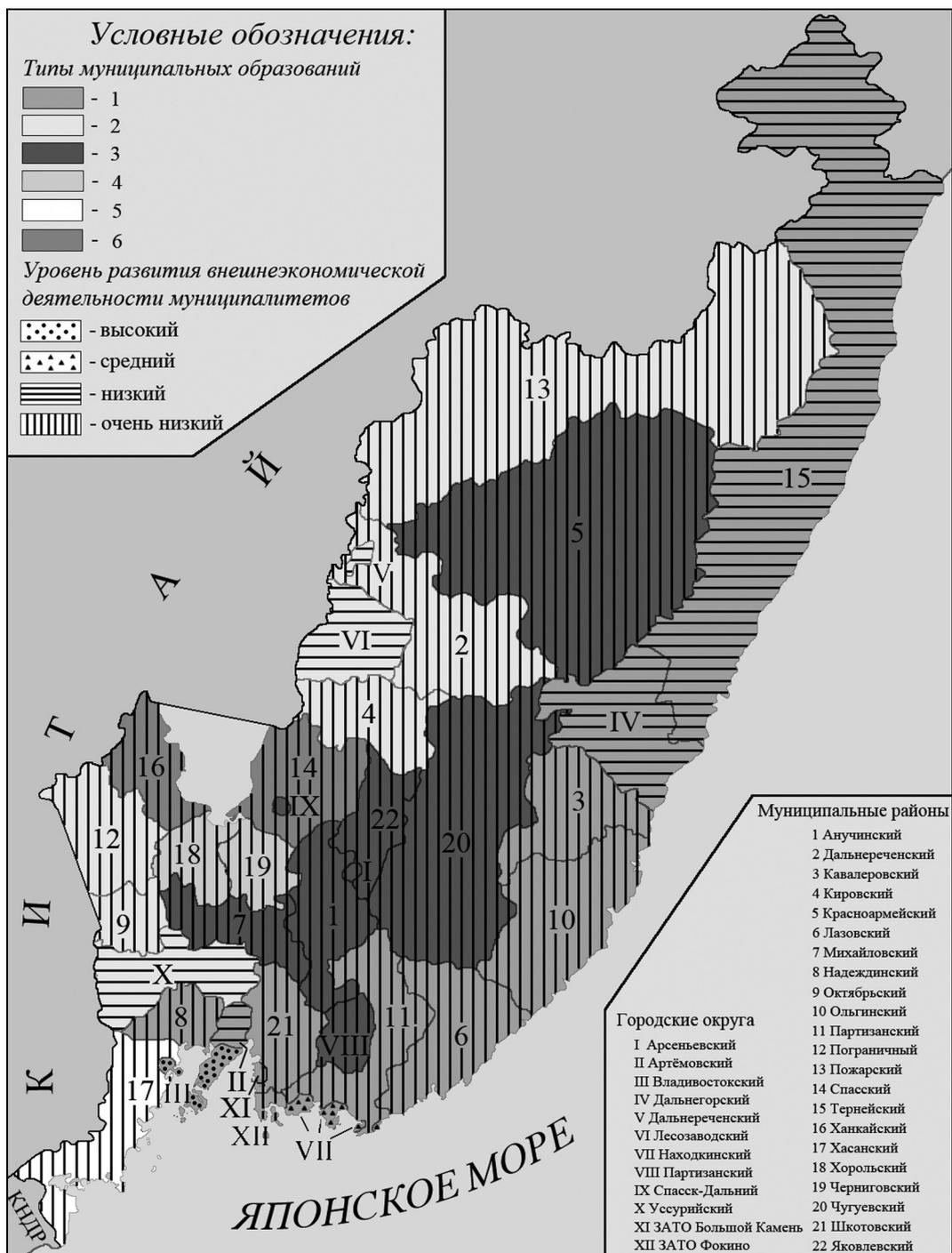

Рис. 1. Типы муниципальных образований Приморского края по уровню развития внешнеэкономической деятельности

зитные территории, которыми для них выступают приграничные и приморские муниципалитеты.

Часть территорий административных единиц четвёртого и шестого типа занимает международный российско-китайский за-

поведник «Озеро Ханка», вследствие чего для данных территорий возможно взаимодействие с соседними уездами провинции Хэйлуцзян лишь в природоохранной сфере. Кроме этого, отсутствие контактных (таможенных) структур в пределах муниципалите-

тов шестого типа также ограничивает какое-либо внешнеэкономическое взаимодействие.

Многомерность ЭГП на уровне низовых административных единиц характерна исключительно для Хасанского муниципально-го района, который относится к пятому типу. Несмотря на очень низкий уровень внешнеэкономической деятельности, здесь имеется возможность для реализации все потенциальных свойств ЭГП района. В частности, Хасанский район может стать транзитной точкой для импорта китайских грузов, отправки российской продукции (в перспективе – и углево-

дородной) в КНР, на корейский полуостров, а также реэкспорта китайской, южнокорейской продукции на рынки АТР и Европы.

В целом, для успешного развития внешнеэкономической деятельности и реализации выгод ЭГП муниципалитетов Приморского края первичным является создание конкурентоспособных масштабных производств, создание современной пограничной и таможенной, транспортной инфраструктуры, а также – более благоприятных политико-экономических условий на локальном и региональном уровнях.

Библиографический список

1. Бакланов П.Я. Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. – Владивосток: Дальнаука, 2009. – 168 с.
 2. База данных информационно-аналитической системы «Мониторинг-Анализ». – Владивосток: ДВТУ, 2011.
 3. Внешнеэкономические связи Приморского края. 2011: Статистический сборник. – Владивосток: Приморскстат, 2012. – 32 с.
 4. Глушко А.А. Приморское географическое положение как фактор развития экономики Дальнего Востока: автореферат дис. ... канд. геогр. наук. – М., 1990. – 16 с.
 5. Деятельность организаций с участием иностранного капитала в Приморском крае. 2011: Сборник с аналитической запиской. – Владивосток: Приморскстат, 2011. – 34 с.
 6. Инвестиции и строительство в Приморском крае. 2011: Сборник. – Владивосток: Приморскстат, 2011. – 57 с.
 7. Маергойз И.М. Уникальность экономико-географического положения советского Дальнего Востока и некоторые проблемы его использования в перспективе // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 1974. – № 4. – С. 3–9.
 8. Ткаченко Г.Г. Географические факторы интеграции российского Дальнего Востока со странами Северо-Восточной Азии: дис. ... канд. геогр. наук. – Иркутск, 2011. – 24 с.
 9. Трейвиш А.И. Роль экономико-географического положения Дальнего Востока в формировании его территориально-хозяйственной структуры // Территориально-хозяйственные структуры Дальнего Востока. – Владивосток, 1982. – С. 104–118.
-

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА

Королев А.Ю. (Пермь)

ПОЛЮСЫ НЕДОСТУПНОСТИ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Korolev A.Y.

INACCESSIBILITY POLES OF THE PERM REGION

***Аннотация.** В статье отмечается тенденция снижения уровня развития активного туризма в России и появление больших природных территорий, очень редко посещаемых человеком. Это связано с привыканием жителей страны к комфорту, в результате чего, они становятся не способными путешествовать вне транспортной доступности. Рассматриваются полюсы недоступности Пермского края. Описывается способ определения полюса недоступности. Выделяются разновидности полюсов недоступности Пермского края, причины их возникновения и возможности использования.*

***Abstract.** The tendency of decline in development of active tourism in Russia is highlighted in the article. Consequently the vast territories very seldom visited by people appear. The obvious reason is that people get used to comfort. People are no more capable to travel beyond the transport access. Perm region inaccessibility poles are examined in the article. The way to determine an inaccessibility pole and its coordinates is offered. Different types of inaccessibility poles of the Perm region are presented as well as the reasons why they appear and how they might be used.*

***Ключевые слова:** полюс недоступности, ареал недоступности, Пермский край, заповедник «Вишерский».*
***Key words:** inaccessibility pole, inaccessibility area, Perm region, national reserve «Visherskiy».*

В России в современное время развивается необычная тенденция. С одной стороны, довольно быстро увеличивается количество личного транспорта у населения и расширяется дорожная сеть в различных регионах, с другой стороны – люди становятся менее приспособленными к активному передвижению и существованию в природной среде. Территории, расположенные за пределами дорог и инфраструктуры, становятся недоступными для большей части населения. Люди настолько привыкли к комфорту, что не могут без него обходиться даже короткий период времени. Такая тенденция появилась в постсоветский период времени. До этого происходило бурное развитие спортивного и активного туризма, что пропагандировалось правительством страны и для чего выделялись значительные финансовые средства. В советский период времени спортивным туризмом занималось до 15 млн. человек ежегодно [5].

Сейчас идет противоположный процесс. Территории Пермского края, даже немного удаленные от дорожной сети, очень редко посещаются человеком. Пешеходные и лыжные путешествия, имеющие категорию

сложности, в современное время осуществляют всего несколько групп в году [1]. Наиболее массовым видом активного туризма сейчас является водный, благодаря тому, что он наиболее комфортный, не требует особых усилий для передвижения по местности и осуществляется в наиболее благоприятное время года, в отличие от туризма лыжного. Конечно, очень сложно вести статистические наблюдения за самостоятельными туристами, но такая тенденция налицо [4].

На территории России и на территории Пермского края, в частности, появляются места, посещаемые человеком очень редко. Эти места максимально удалены от какой-либо инфраструктуры, и в первую очередь – транспортной. Важно знать, где они сформировались, по какой причине, и как их можно использовать. В них можно создавать заповедники или национальные парки. Они должны быть местом рекреации людей, а также участками сохраненной дикой природы, в которых влияние человека на окружающую среду минимально [2].

Такие недоступные места можно называть полюсами недоступности. Исследуя перво-

зданную природу в таких местах, можно определить эталон природной чистоты, к которому нужно стремиться в населенных территориях. Также такие недоступные территории целесообразно изучать для развития на них природоориентированного туризма [4].

Самой недоступной точкой Пермского края будет вершина хребта Тулымский камень, высотой 1469 м. Подъем на эту вершину самый сложный в техническом плане, в сравнении со всеми другими вершинами Пермского края. Перепад высот от долины реки Вишеры будет значителен – 1200 м, что соответствует перепадам высот большинства вершин на Кавказе.

Нас же интересует нечто другое, а именно точка, максимально удаленная от населенных пунктов или объектов инфраструктуры, которая из-за большого пространства ненаселенных и неосвоенных территорий будет самой труднодоступной.

В Пермском крае может быть полюс недоступности регионального масштаба – имеющий значение только для данного региона, так называемый полюс недоступности Пермского края. Протяженность ненаселенных территорий в этом месте будет более 100 км с севера на юг и с запада на восток. Протяженность же территорий, не затронутых деятельностью человека, будет всего несколько десятков километров в поперечнике.

Для вычисления самой удаленной точки проводились измерения с использованием ГИС-технологий – изучением снимков из космоса. Вначале по разномасштабным картам были найдены наиболее крупные ненаселенные участки на территории Пермского края, затем выделены населенные пункты, окружающие территории предполагаемых полюсов недоступности и вычислены расстояния между ними, а также минимальные расстояния от центров ненаселенных территорий до ближайших к ним населенных пунктов. После этого были детально изучены снимки из космоса на наличие населенных пунктов, не обозначенных на картах. Далее, с помощью многократного прокладывания прямых от предполагаемого места полюса недоступности до ближайших населенных пунктов, было вычислено его месторасположение.

Всегда, когда вычисляется полюс недоступности, определится самая удаленная точка от всех населенных пунктов. В расчет обычно берется несколько населенных пун-

ктов, окружающих такое место. Потом выбирается такая точка, от которой до двух самых близких населенных пунктов будет одинаковое расстояние. Таких, самых близких населенных пунктов, должно быть минимум два, и ровно посередине между ними будет находиться полюс недоступности.

Полюс недоступности Пермского края находится на северо-востоке Пермского края, в долине реки Вишера, западнее ее русла на 5,1 км. Ее координаты: 61°21'29,12" с.ш. и 58°47'43,98" в.д., высота над уровнем моря – 332 м. Полюс недоступности расположен на одинаковом расстоянии от поселка Ушма (Свердловская область), поселка Вижай (Пермский край) и поселка Велс. Расстояние до них составляет 68,5 км. Ненаселенные территории, располагающиеся вокруг полюсов недоступности, можно называть ареалом недоступности, поскольку термин «ареал» характеризует какую-либо площадь, тогда как термин «полюс» – только конкретную точку. Площадь ареала недоступности будет составлять более 22 тыс. км², причем не все это пространство будет располагаться на территории Пермского края, частично оно будет в Свердловской области, в республике Коми и в Тюменской области.

Также можно вычислять полюс недоступности, учитывая нежилые населенные пункты, которых имеется немало в долине реки Колвы и заброшенный Сибиревский прииск в верховьях реки Велс, что сильно уменьшит протяженность ареала недоступности.

Если учитывать нежилые населенные пункты, то полюс недоступности сместится на северо-восток на 24,73 км от географического полюса недоступности. Такой полюс недоступности удобно характеризовать, как «истинный полюс недоступности». Он будет находиться на границе с республикой Коми, на правом берегу реки Лопья, правом притоке Вишеры, на южном склоне хребта Лопьинский камень (61°32'37,15" с.ш. и 59°02'53,81" в.д., высота 563 м над уровнем моря). Расстояние до ближайших населенных пунктов, включая нежилые, будет составлять 50,75 км. Одинаковое расстояние будет уже не до трех, а только до двух поселков, потому что третий расположен немного дальше, а если точку искомого полюса недоступности смещать в его сторону, чтобы увеличилось расстояние до двух других, то она уже выйдет за территорию Пермского края,

что недопустимо для вычисления регионального полюса недоступности. Ближайшие населенные пункты к этому полюсу недоступности – Ушма (Свердловская область) и Дий (нежилой поселок на р. Колва). Ареал недоступности составит примерно 12 тыс. км.

Можно также вычислить точку, наиболее удаленную от любого объекта инфраструктуры или каких-либо объектов хозяйственной деятельности: дорог, вырубок, шахт и т.д. Это «инфраструктурный полюс недоступности». В этом случае, в некоторых регионах России вообще не будет полюсов недоступности. В некоторых регионах, например в Эвенкии, не будет большой разницы в местонахождении полюса недоступности географического и полюса недоступности инфраструктурного.

Инфраструктурный полюс недоступности Пермского края будет находиться между полюсом недоступности географическим и истинным, севернее линии, их соединяющей, на границе с республикой Коми, но на 14,35 км западнее истинного полюса недоступности. Повлияло на это наличие объектов хозяйственной деятельности, таких, как вырубки и лесные дороги по долине реки Колва, на восток и северо-восток от ее русла, круглогодичных кордонов Лыпя, Мойва и Хальсория заповедника «Вишерский». Восточнее находится заброшенная ракетная база на хребте Чистоп и дорога, поднимающаяся на хребет Молебный камень с востока, а также многочисленные вырубки восточного склона уральского хребта, развалины нежилого поселка Тохта, избы мансийского рода Бахтияровых, находящиеся на реке Вижай и притоках реки Северная Тошемка.

Таким образом, инфраструктурный полюс недоступности находится в точке с координатами 61°29'48,69" с.ш. и 58°47'51,24" в.д. на водоразделе между реками Кисунья (бассейн Печоры) и Лопья (бассейн Камы). Он равноудален от крайних инфраструктурных объектов на западе и на востоке на 22,8 км. Ареал недоступности в этом случае будет составлять около 2,5 тыс. км², и расположен он на территории не только Пермского края, но и республики Коми и Свердловской области. Это в 9 раз меньше, чем площадь ненаселенных территорий, ограниченных существующими населенными пунктами. Если учитывать только Пермский край, то наиболее крупный участок территории, совершенно не затронутый деятельностью человека, составляет примерно 1500 км².

Именно в этих точках Пермского края сформировались полюса недоступности, по причине того, что в советское время лесоразработчики просто не успели добраться до этих самых северо-восточных участков, с довольно сложным рельефом местности. В конце 1980-х гг. для прокладки сюда дорог у леспромхозов не было средств. В феврале 1991 г. образовался заповедник «Вишерский», что спасло территорию от вырубки лесов. Именно благодаря этому сохранились замечательные вишерские нетронутые леса и горы.

Такие ненаселенные территории очень важны для использования в качестве полигона развития природоориентированного туризма. Эти места нужно сохранять и желательнее использовать для рекреационной деятельности человека.

Библиографический список

1. Зырянов А.И., Королев А.Ю. Туристское районирование горных территорий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2009. – № 6. – С. 19–25.
2. Зырянов А.И., Мышлявцева С.Э. Туристские кластеры и доминанты (на примере Пермского края) // Известия РАН. Сер. географическая. – 2012. – № 2. – С. 15–22.
3. Королев А.Ю. Полюсы недоступности // География в школе. – 2011. – № 8. – С. 26–27.
4. Мышлявцева С.Э. Анализ методологического аппарата статистики туристских потоков в Российской Федерации на региональном уровне // Вопросы статистики. – 2013. – № 11. – С. 19–23.
5. Русский турист: нормативные акты по спортивно-оздоровительному туризму в России на 2001–2004 гг. – М., 2001.

ЭКОЛОГИЗАЦИЯ ТУРИЗМА КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТУРИСТСКИХ РЕГИОНОВ

Nezdoyminov S.G.

ECOLOGIZATION OF TOURISM AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TOURIST REGIONS

Аннотация. В статье рассмотрены современные тенденции развития туризма, подходы к экологизации туристской деятельности на основе программных положений «зеленой» экономики, исследованы экологические проблемы управления развитием туризма в Украине, международный опыт внедрения программ экологической сертификации в сфере туризма. Обращено внимание на необходимость повышения уровня экологической безопасности путешествий в соответствии с критериями устойчивого человеческого развития. Определено, что внедрение систем экологической сертификации услуг необходимо для проведения в жизнь концепции устойчивого развития туризма в регионах.

Abstract. The article deals with the current trends of tourism development, approaches to the ecologization of tourism on the basis of the provisions of the policy of «green» economy», the ecological problems of management of tourism development in Ukraine, international experience in implementing ecological certification of programs in the tourism sector. Attention is drawn to the need to raise the level of ecological safety of travel in accordance with the criteria of sustainable human development. It was determined that the implementation of ecological certification of services is essential for the implementation of the concept of sustainable tourism development in the regions.

Ключевые слова: экология, «зеленая» экономика», туристский рынок, экологическая сертификация, экологический менеджмент, устойчивое развитие.

Key words: ecology, «green» economy», the tourist market, environmental certification, environmental management, sustainable development.

Введение. Характерной чертой современного мирового туризма является ускорение его глобализации и усиление международной конкуренции. Данная тенденция объективно будет мотивировать к развитию и укреплению влияния развитых туристских регионов, и ослаблять на рынке позиции тех стран, где туризм не превратился в доминирующий сектор экономики, не имеет необходимой поддержки власти и развивается преимущественно стихийно.

Усиление конкуренции на рынках различных товаров и услуг поставило вопрос об изучении основных характеристик конкурентоспособного развития стран и регионов, факторов, влияющих на конкурентоспособность. Для выработки конкретных мер по повышению конкурентоспособности региона необходимо ответить на вопрос – где, на каком уровне, создаются конкурентные преимущества, какие объекты являются главными для повышения конкурентоспособности, какую роль играет их взаимодействие между собой и с другими субъектами региональной общественной системы. Как приоритетное направление социально-экономического развития и структурной трансформации экономики

целого ряда стран и регионов, может рассматриваться туризм [1].

Для Украины, располагающей разнообразными и значимыми рекреационно-туристскими ресурсными возможностями, но не успевшей развить и объединить все основные звенья индустрии туризма в единую цепь, угроза превратиться в аутсайдера в мировом туристском процессе может стать более, чем очевидной. Данное предостережение вытекает и из специфических условий и особенностей развития туристского рынка страны. В последние годы прослеживается одновекторность в развитии туристского рынка, где доминирующим видом является выездной туризм. В тоже время, отсутствуют необходимые институциональные преференции для развития внутреннего и въездного, экологического туризма в регионах, что фактически превратило туризм в постоянный и мощный канал оттока валютных ресурсов страны. Это порождает хронический дефицит оборотных средств, необходимых для удовлетворения потребностей внутреннего рынка и не может не отражаться на объемах их привлечения в развитие экологической туристской инфраструктуры Украины. Развитие внутреннего туристского рынка сдер-

живается и нехваткой бюджетных и внебюджетных средств, отсутствием кредитования по приемлемым ставкам, а также – благоприятных условий, стимулирующих приток международных и внутренних инвестиций в туристский сектор экономики.

Целью данной статьи является исследование современных тенденций в сфере туризма в контексте устойчивого развития, анализ региональных проблем экологизации и модернизации региональной инфраструктуры рекреации и туризма на основе программных положений «зеленой» экономики.

Изложение основного материала. Экологическая проблематика развития туристских регионов Украины имеет специфические особенности, которые обуславливаются географическим положением, широким использованием природных ресурсов и пространств водной среды, ее повышенной уязвимостью, особенной ролью водного транспорта и трансграничного сотрудничества в экономике. Рассматривая механизм развития рекреационных территорий, следует понимать не только действия, или эффект, но и разработку отдельной концепции типологии и специализации туристского региона. Российские и украинские ученые считают, что для обеспечения региональной политики в области территориальной организации социэкономике необходимо усилить роль государства в сфере модернизации инфраструктуры и экологизации туризма, в первую очередь, путем формирования эффективной модели сотрудничества власти, бизнеса и общества на основе программных положений «зеленой» экономики в регионах [2, 3].

Как показывают исследования, на протяжении последних десятилетий, туризм демонстрирует непрерывный рост и углубление диверсификации, чтобы стать одним, из передовых, развивающихся секторов мировой экономики. Согласно данным международной статистики UNWTO (Всемирная туристская организация), которые приводит «Барометр международного туризма» за 2012 г., число международных прибытий возросло более чем на 4% и составило 1035 млрд человек. Растущие экономики (+4.1%) вернули себе лидирующие позиции, обойдя развитые страны (+3.6%), причем наиболее успешных результатов добились Азиатско-Тихоокеанские рынки. Самые высокие пока-

затели роста расходов за границей среди десяти ведущих рынков принадлежат странам с формирующейся рыночной экономикой – Китаю (+42%) и России (+31%) [4]. По оценке Всемирного совета путешествий и туризма в 2012 г. прямой вклад сферы туризма в ВВП Украины составил 28,8 млрд грн, или 2,2% ВВП. В прошлом году бюджет получил 38,4 млн грн туристского сбора, что на 38,3% больше, чем в 2011 г., а также 11,85 млрд грн от предоставления услуг украинскими туроператорами. Кроме того, согласно данным Госагентства по туризму Украины, отели и санаторно-курортные учреждения принесли бюджету 1,5 млрд грн доходов.

Внимание мирового сообщества к проблемам устойчивого развития за последние 20 лет ярко продемонстрировали проведенные ООН конференции – «Планета Земля» (Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г.), «Рио + 20» (Рио-де-Жанейро, 20–22 июня 2012 г.), которая прошла под девизом «Будущее, которое мы хотим» (The Future We Want). Декларируя в директивных документах принцип Зеленой экономики – «экономически выгодно то, что экологически безопасно», ООН считает, что для перехода к «зеленой» экономике мировому сообществу необходимо в 2012–2050 гг. инвестировать 2% мирового ВВП в десять ключевых секторов: АПК, ЖКХ, энергетику, рыболовство, лесное хозяйство, промышленность, туризм, транспорт, управление водными ресурсами, утилизацию и переработку отходов.

В условиях рыночной трансформации украинской экономики, на начальном этапе реформ не были учтены два обстоятельства: во-первых, необходимость сохранения и наращивания социальной сферы общества, и, во-вторых, поиск новых инновационных решений в сфере экологии и повышения уровня энергоэффективности хозяйствующих субъектов. В настоящее время в оценке эффективности деятельности предприятий туристского бизнеса, главным образом используются лишь экономические результаты, хотя возможность и фактическая трансформация экологического эффекта в экономический, предполагает учет и первого результата. Именно, экологическая оценка эффективности менеджмента заложена в основу парадигмы «зеленой» экономики. Внедрение «зеленых» инноваций на предприятиях туризма зачастую ассоциируется с увеличением их

затрат. Однако суть инноваций заключается в том, чтобы найти наиболее экономичные решения, позволяющие уменьшить воздействие роста туризма на использование ресурсов, окружающую среду и обеспечить более эффективное использование ресурсов [6].

Забота о безопасности людей и охрана окружающей среды на сегодняшний день является неотъемлемой частью региональной политики в сфере туризма. С каждым годом туристов, выбирающих более безопасный для природной среды отдых, становится все больше. При этом специалисты туристской и гостиничной индустрии отмечают, что путешественники стали в этом вопросе более ответственными. Согласно исследованию туристской ассоциации АВТА (Великобритания) каждый третий отдыхающий считает, что отели помимо звезд также должны иметь экологический рейтинг. По сравнению с 2010 г. показатель ответственности путешественников, выбирающих экологический отдых, вырос с 29% до 33%. При этом среди женской аудитории опрошенных, соблюдать экологические нормы во время путешествий готовы 38%, а также 49% туристов, отправляющихся на отдых несколько раз в год. В международном туризме продвижением «зеленых» технологий, занимается международная организация Travelife Sustainability System, которая поощряет туроператоров и гостиницы, занимающиеся природоохранной деятельностью и продвигающие идеи охраны окружающей среды среди своих гостей. Travelife Sustainability System имеет специально разработанную систему экологического аудита, который предполагает награды в зависимости от достижений предприятий. Данная инициатива поддерживается многими крупнейшими предприятиями туризма и рекреации. На сегодняшний день система Travelife зарегистрировала 17 тыс. отелей, из которых 1500 предприятий прошли полную экологическую экспертизу, а более 500 – получили заслуженные награды в сфере экологии [9].

Как показывают исследования, в 2012-м году туристская индустрия Германии привлекла 69 млн иностранных путешественников. Данный сектор экономики, немало способствующий росту валового внутреннего продукта страны, обогнал по росту строительство (+4,3 %) и автомобилестро-

ение (+2,4 %). Обратим внимание, что Германия удерживает лидирующую позицию по количеству путешествий с культурными и экологическими целями, совершаемых жителями Европейского Союза (12% туристического сектора). Среди главных факторов такого успеха немецкие специалисты выделяют, в первую очередь, 37 мест, занесенных в фонд природного и культурного всемирного наследия ЮНЕСКО, а также хорошее соотношение цены и качества в гостиничной сфере [10].

Благодаря увеличению расходов на охрану окружающей среды на курортных территориях, иностранный туризм обеспечил Турции в 2011 г. около 78% общего объема прибыли, а 22% пришлось на внутренний туризм. При этом значительная доля доходов индустрии туризма была получена за счет индивидуального туризма, а также продажи туристских пакетов курортной специализации. В среднем иностранные туристы во время отдыха в Турции тратят около 620 долларов. Среди самых активных туристов в Турции являются граждане России, Германии и Великобритании. Российские путешественники по-прежнему сохраняют большой интерес к Турции и составляют основной туристский поток в страну. Только годовой доход экскурсионных прогулочных яхт и катеров на курортах Анталии, услугами которых воспользовалось около 3,5 млн туристов, превысил 88 млн долл. Турция не только принимает туристов со всего мира, но и способствует развитию экологических туров во внутреннем туризме.

Российская Федерация, несмотря на свой высокий туристский потенциал, занимает незначительное место на мировом туристском рынке. На ее долю приходится около 1% мирового туристского потока. По оценкам ВТО, потенциальные возможности России позволяют при соответствующем уровне развития туристской индустрии принимать до 40 млн иностранных туристов в год. Однако по данным Росстата количество приезжающих в Россию иностранных гостей в 2010 г. составило 22,281 млн чел., в том числе туристов 2,13 млн чел., по служебным целям – 4,43 млн чел.

В последние годы в секторе «зеленого» туризма произошли фундаментальные преобразования, и наблюдается его эволюция в направлении туризма 3.0, когда пользователи

заходят на веб-сайты путешествий и взаимодействуют между собой, делясь собственным туристским опытом. В связи с этим, для предприятий туристского сектора приобретает значение развитие передовых онлайн-технологий. Соответственно, внедрение «облачных вычислений» (cloud computing) или «облачных приложений», играет важное значение, так как они предоставляют туристам сетевой доступ к крупным платформам операторов, обеспечивающим «производительные, эффективные и конкурентоспособные услуги», отмечает президент «Microsoft Internacional» Жан Филип Куртуа [12].

Обратим внимание, что по данным исследований американской консалтинговой компании «PhoCusWright», российский рынок онлайн-путешествий растет стремительными темпами. В этом году он увеличится в полтора раза и достигнет 7,5 млрд долл. Причина тому — развитие электронной коммерции и потеря доверия к туроператорам, полагают эксперты. Объем туристического рынка Восточной Европы в 2011 г. составил 81,5 млрд долл., из них всего 7%, или 5,7 млрд долл., пришлось на онлайн-сегмент. Из них на Россию приходится более половины общих продаж (59,6%) и 37,9% — в онлайн-сегменте. Среди направлений лидируют Египет, Турция, Китай и Финляндия. Российский рынок онлайн-путешествий в 2010 г. вырос на 88% и составил 2,9 млрд долл., в 2011 г. увеличился еще на 69%, до 5 млрд долл. При этом объем туристического рынка в целом в 2011 г. составил 48,6 млрд долл., что на 14% больше показателей предыдущего года. В 2011 г. 10% туристов путешествовали самостоятельно, а уже по итогам 2012 г. их количество составило 14%, в 2013 г. — 18%, прогнозируют эксперты. На агентства онлайн-путешествий приходится 36% рынка самостоятельных путешествий. На этом рынке в регионах доминируют российские компании, как следует из исследования PhoCusWright. Иностранные игроки представлены в лице Booking.com и Expedia. Самым востребованным продуктом среди российских пользователей Интернет-ресурсов являются авиабилеты, на их долю приходится 45% рынка. Далее следуют отели (25%), пакетные туры (16%) и железнодорожные перевозки (14%) [8].

Специалисты UNWTO отмечают, что туризм развивается динамично, являясь важным фактором экономического роста и межкультурного взаимодействия регионов. При этом туристский сектор не только служит значительным источником парниковых эмиссий, но и серьезно страдает от последствий климатических изменений. По данным Всемирной туристской организации (UNWTO), при условии грамотных «зеленых» инвестиций возможно дальнейшее развитие сферы с важным вкладом в смягчение изменений климата. За последние двадцать лет количество международных туристских поездок выросло в два раза, а к 2030 г., по прогнозам UNWTO, их число достигнет 1,8 млрд. На туристский сектор приходится 5% глобального ВВП, каждый 12-й человек в мире работает в этой области. Туризм особо чувствителен к климату, так как последний определяет длину и качество туристских сезонов. Туризм не только страдает от глобального потепления, но также является и вектором изменения климата, отвечая примерно за 5% глобальных выбросов CO₂ (из них 2% приходится на авиаперелеты, 1,7% — на наземный транспорт, 1% — на гостиничное хозяйство) [14].

Решения указанных проблем могут быть достигнуты как с помощью прямых инвестиций, так и посредством реформ фискальных систем (льготное налогообложение для «зеленых» производств, большая налоговая нагрузка на загрязняющие секторы) и архитектуры международной политики (более тесное взаимодействие между развитыми и развивающимися странами, межрегиональное сотрудничество, поддержка развивающихся и переходных экономик). Так, например, проект «Арена зеленых решений Северных стран и Северо-Запада России» Совета Министров Северных стран, направлен на внедрение принципов устойчивого развития и укрепление потенциала региональных и местных органов власти Северо-Запада РФ на основе продвижения передовых стандартов планирования и использования успешных моделей «зеленого роста» стран Северной Европы. Проект «Зеленая арена» сотрудничества стран Северной Европы и Северо-Запада РФ базируется на трех приоритетных направлениях:

- Инструменты и стратегии перехода к «зеленой экономике» (Green Planning Instrument and Strategies). Разработка

стратегий устойчивого/зеленого развития и территориального брендинга городов и регионов, мастер планы, стимулирование «зелёных инвестиций» в инфраструктуру (энергетика, транспорт, здания системы водоснабжения, и пр.), внедрение ресурсосберегающих технологий в жилищное строительство, проекты преобразования старых промышленных районов города в современные, экологичные и удобные для проживания.

- Зеленые маршруты и туристско-рекреационный потенциал Северных стран и России (Nordic-Russian Greenways). Развитие туристско-рекреационного потенциала регионов Северо-Запада России с выявлением перспективных сегментов рынка, а также подходы к успешному стратегическому позиционированию культурно-познавательного туризма как составной части местного устойчивого развития в соответствии с европейской методологией GREENWAYS – сети зеленых маршрутов культурного и природного наследия.
- Инновационные сети и кластеры «зеленых технологий» (Sustainable Hubs and Cleantech Cluster). Продвижение «зеленых технологий», обеспечивающих экономический рост, развитие сотрудничества на всех уровнях – промышленность, наука и государственный сектор, малый бизнес, стимулирование инноваций и инвестиций в ресурсосбережение и охрану окружающей среды, развитие кластеров. В рамках трех приоритетных сфер сотрудничества NORDIC-RUSSIAN GREEN GROWTH ARENA, с учетом опыта Северных стран, партнерами будут разрабатываться пилотные модели устойчивого «зеленого» развития территорий России [7].

В то же время, для регионов Украины ре-алиями являются чрезмерная природно-техногенная нагрузка, угрожающая выходу за пределы экологической емкости ее территории, которая характерна для экономически развитых регионов и связана с интенсивной материало- и энергоемкостью, большой «отходностью» технологий хозяйственного комплекса, сопровождается негативными

проявлениями в биосфере. Технологии, используемые в энергетике, промышленности, на транспорте, в жилищно-коммунальном хозяйстве регионов Украины, являются как энергозатратными, так и загрязняющими воздух, воду и почву. Так, только в течение 2009 г. в воздушный бассейн, водные и земельные ресурсы Украины попало 11,3 млн т опасных загрязняющих веществ, из которых 57% приходится на вредные выбросы в атмосферу, 40% – в поверхностные водоемы. По оценкам Госкомстата Украины на 1 км² территории страны приходится 11 т выброшенных в атмосферу вредных веществ и 35 т отходов I–III классов опасности. Плотность выбросов загрязняющих веществ в атмосферу превышает 130 кг на одного жителя и в несколько раз больше аналогичного показателя в развитых странах мира. Это негативно влияет на состояние здоровья населения и экосистемы. Сброс загрязненных стоков и необратимый водозабор негативно влияют на водные ресурсы бассейна Черного моря. По данным Госкомстата Украины в течение 2009 г. в водоемы сброшено 1,8 млрд. м³ загрязненных стоков, при этом доля загрязненных сточных вод в общем водоотведении составляла 23%. Недостаток в большинстве населенных пунктов страны водоотведения, неудовлетворительное состояние очистных сооружений являются основными причинами сброса загрязненных стоков в поверхностные водоемы. По уровню рационального использования водных ресурсов и качества воды, Украина занимает в рейтинге UNEP 95 место среди 122 стран мира [5].

На наш взгляд, важным показателем для региональных исследований устойчивого развития туризма является Индекс процветания стран мира Института Legatum (The Legatum Prosperity Index) – комбинированный показатель, который измеряет достижения стран мира с точки зрения их благополучия и процветания, публикуется с 2006 г. британским аналитическим центром The Legatum Institute.

Индекс составляется на основе различных 79 показателей, объединенных в восемь категорий: 1) экономика; 2) предпринимательство; 3) управление; 4) образование; 5) здравоохранение; 6) безопасность; 7) личные свободы; 8) социальный капитал. Рейтинг каждой страны определяется путем вычисления средневзвешенного значения указанных

индикаторов, каждый из которых определяется в качестве основы процветания.

Показатели базируются на статистическом анализе, социологических исследованиях и экспертных оценках участников опроса. Статистические данные, используемые в рейтинге, получены из Организации Объединенных Наций, Всемирного банка, Организации экономического сотрудничества и развития, Всемирной Торговой организации, Gallup, Economist Intelligence Unit, IDC, Pyramid Research и других институтов. В 2011 г. исследование охватывало 110 стран. Украина в общем рейтинге занимает 74-е место, Казахстан – 46-е место Беларусь – 50-е место, Россия – 59-е место [13].

Согласно выводам экспертов UNWTO и UNEP, изложенных в докладе «Туризм и зеленая экономика», сценарий развития территорий по программе «зеленых инвестиций», позволит к 2050 г. сократить энергопотребление в туристской сфере на 44%, а эмиссии CO₂ на 52%. Достичь такого эффекта возможно, используя комбинацию мер, среди которых: технологические инновации, переход к экологическому транспорту и эффективный энергетический и экологический менеджмент в гостиничной сфере.

Отметим, что неотъемлемой составляющей экологического менеджмента в сфере туризма является стандарт управления природопользованием ISO 14001 (EMS), созданный в 1991 г. Международной ассоциацией по стандартизации. Для того чтобы соответствовать ему, организация обязана подтвердить, что проводит специальную политику по охране окружающей среды. В ряде стран в дополнение к ISO 14001 были созданы собственные стандарты, например, в Великобритании – BS 7750 Specification for Environmental Management Systems, в Канаде – CAN/CSA Z750-94: Guidelines for an Environmental Management System, в Европейском союзе – EMAS. Кроме того, в мире существует ряд организаций, занимающихся разработкой и внедрением систем экологического менеджмента. Согласно данным Всемирной туристской организации, на нынешний момент в мире действует свыше 60 международных программ, направленных на создание и подтверждение стандартов в области экологической сертификации, при этом на каждую программу приходится в среднем около 50 сертифицированных ком-

паний в области туризма. Всего же в мире существует более 100 экологических лейблов и наград для объектов туризма, экологического туризма и сферы гостеприимства [11].

Одной из наиболее известных международных программ сертификации в области экотуризма является программа «Green Globe 21». Она создана британской компанией, работающей в более чем 50 странах и являющейся полноправным партнером ряда промышленных и правительственных организаций, включая Азиатско-Тихоокеанскую ассоциацию путешествий, Всемирный совет по туризму и путешествиям, Всемирную туристскую организацию, ЮНЕП, а также некоторые университеты и другие организации. Программа имеет международный статус и на современном этапе охватывает, помимо ряда составляющих инфраструктуры массового туризма (гостиниц, выставочных залов, аэропортов, авиалиний, гаваней, круизных кораблей, железных дорог, ресторанов и т.д.), всевозможные туристские места назначения, включая местные сообщества и охраняемые территории. Стандарты системы Green Globe 21 охватывают 6 сфер:

- уменьшение объема отходов, многократное использование и переработка;
- эффективность использования энергии;
- управление использованием пресной воды;
- управление сточными водами;
- экологически чувствительная торговая политика;
- социальное и культурное развитие.

Выделяется несколько уровней выполнения критериев стандарта Green Globe 21. Соответственно, предприятия получают разные логотипы с экологической маркировкой: «affiliate» – соответствие минимальному набору критериев, «benchmarked» – соответствие основным критериям, «certified» – соответствие всем требованиям стандарта, а также подтверждение этого соответствия аудитом, проводимого третьей стороной непосредственно на объекте. При помощи подобной градации заинтересованные потребители туристских услуг могут ориентироваться в степени экологической ответственности сертифицированного объекта.

Выводы. Таким образом, экологизация туризма рассматривается нами как последо-

вательное внедрение идей парадигмы «зеленой» экономики и международного опыта сохранения природы и устойчивой окружающей среды в сфере природоохранного законодательства, рекреационно-туристской деятельности, регионального управления, разработки «зеленых» технологий, экологического образования и рекреационного природопользования. В данном контексте, экологическая сертификация выступает инструментом «озеленения» технологий производства товаров и услуг и крайне важна для проведения в жизнь концепции устойчивого развития туризма в регионах. Большинство требований, связанных с прохождением процедуры экологической сертификации,

являются отражением сущности устойчивого туризма. Внедрение экологических сертификационных систем и программ в сфере туристической деятельности является эффективным способом представления экологических сведений для привлечения новых путешественников и прогрессивным направлением развития туризма в регионах, стимулирующим разработку новых качественных рекреационных услуг, наиболее экологически дружественных окружающей среде. Кроме того, внедрение программ экологической сертификации положительно влияет на формирование имиджа туристских регионов, повышает их популярность на международном рынке.

Библиографический список

1. Ковалев Ю.П. Туристско-рекреационный потенциал и развитие туризма в российско-белорусском пограничье // Региональные исследования. – 2011. – № 4. – С. 133–143.
2. Шарыгин М.Д., Лучников А.С. Региональная политика в области территориальной организации социоэкономики // Региональные исследования. – 2012. – №1(35). – С. 19–26.
3. Сталый розвиток та екологічна безпека суспільства: теорія, методологія, практика: / [Н.М.Андрєєва, О.М.Алимов, В.В.Сабадаш та ін.]; за наук. ред. д.е.н., проф. Є.В. Хлобистова. – ДУ «ІЕ ПСР НАН України», ІПРЕЕД НАН України, СумДУ, НД ІСРП. – Сімферополь: ІТ «АРИАЛ», 2011. – 589 с.
4. В 2013 году продолжится активный рост международного туризма [Электронный ресурс]. URL: <http://media.unwto.org/ru/press-release/2013/> (дата обращения: 20.05.2013).
5. Госкомстат Украины. Окружающая среда Украины в 2009 году. Доклад. 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ukrstat.gov.ua> (дата обращения: 20.05.2013).
6. «Зеленые» инновации в туризме могут обеспечить существенные экономические, социальные и экологические выгоды [Электронный ресурс]. URL: <http://media.unwto.org/ru/press-release/2012-07-16/> (дата обращения: 20.05.2013).
7. О проекте [Электронный ресурс]. URL: <http://arena.leontief-centre.ru/content1> (дата обращения: 10.06.2013).
8. Россияне увлеклись самостоятельными путешествиями [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbcdaily.ru/market/562949983925581/> (дата обращения: 20.05.2013).
9. Современные туристы выбирают экологичный отдых [Электронный ресурс]. Режим доступа. – URL: <http://prohotel.ru/news-169560/0/> (дата обращения: 20.03.2013).
10. Туристский сектор немецкой экономики чувствует себя комфортно [Электронный ресурс]. URL: <http://tonkosti.ru/> (дата обращения: 20.05.2013).
11. Экологическая сертификация в туризме как инструмент гарантии качества и эффективного маркетинга [Электронный ресурс]. URL: <http://padarozze.ru/perspektivy-razvitiya-ekoturizma?page=3> (дата обращения: 20.07.2013).
12. Microsoft и Всемирная туристская организация будут стимулировать инновации в секторе туризма [Электронный ресурс]. URL: <http://media.unwto.org/ru/press-release/2012-02-28/> (дата обращения: 20.04.2013).
13. Ratings legatum prosperity index [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/legatum-prosperity-index/info> (дата обращения: 20.12.2012).
14. Tourism investing in energy and resource efficiency. United Nations Environment Programme. 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://biodiv.unwto.org/en> (дата обращения: 20.12.2012).

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Голичев В.Д., Голичева Н.Д. (Смоленск)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Golichev V.D., Golicheva N.D.
SOCIO-ECONOMIC IMPACT OF THE FIRST WORLD WAR
IN SMOLENSK PROVINCE: DEMOGRAPHIC ASPECTS

Аннотация. В статье рассматриваются социально-экономическая, демографическая ситуация в России и Смоленской губернии накануне и по завершению первой мировой войны. Несмотря на огромные природные богатства, разнообразие климатических условий, Россия по ряду важнейших видов промышленного и сельскохозяйственного производства накануне войны находилась в зависимости от других стран. Первая мировая война стала одной из самых широкомасштабных войн XX в., отрицательно повлиявшей на демографическую ситуацию, как в России, так и на Смоленщине. По данным 1913 г., население Смоленской губернии составляло 2110,4 тыс. чел., а по данным переписи 1920 г. – только 945,5 тыс. чел., или на 165 тыс. чел. меньше. При этом сельское население уменьшилось более чем на 100 тыс., а городское – на 60 тыс. человек.

Abstract. The article depicts the social and economic, demographic situation in Russia and the Smolensk region before and after World War I. In spite of the rich natural resources and the variety of climatic conditions, Russia was dependent on other countries in a number of the most important industrial and agricultural production spheres before the war. World War I became one of the most large-scale wars of the XXth century that had a negative effect on the demographic situation in Russia and in the Smolensk region. According to the data of the year 1913, the population of the Smolensk region accounted for 2110.4 thousand people, and according to the data of the census of 1920 it accounted for only 945.5 thousand people that is 165 thousand less. The population of the agricultural regions was more than 100 thousand reduced, the urban population was 60 thousand people reduced.

Ключевые слова: первая мировая война, состояние экономики России, США, Англии, Франции и Германии накануне войны, людские потери воевавших стран в войне, численность населения России и Смоленской губернии до и после войны.

Keywords: World War I, the condition of the economy of Russia, the USA, Great Britain, France and Germany before the war; the losses in manpower of the countries that participated in the war; the size of the population of Russia and the Smolensk region before and after the war.

В 2014 г. исполняется 100 лет, как разразилась одна из кровопролитных войн XX в. – Первая мировая война. И хотя Смоленская губерния не стала ареной непосредственных боевых сражений, но отголоски войны отрицательно сказались на социально-экономической ситуации на Смоленщине, в том числе и демографической. Пожалуй, ее последствия стали самыми катастрофичными для динамики населения губернии после Отечественной войны 1812 г. [3, с. 61–64].

Перед войной население Смоленской губернии составило 2110,4 тыс. чел., в том числе городское – 9,5%, а сельское – 90,5%, при этом

по Европейской России средний показатель численности горожан составлял 17,3%. Такое соотношение городского и сельского населения в губернии дает основание сделать вывод, что Смоленщина оставалась ярко выраженной аграрной территорией [7, с. 99].

Исследователи отмечают, что для губернии на тот момент были характерны такие явления, как переселение в Сибирь и отход на заработки в другие губернии. Особенно заметно это проявилось в восточных уездах: Гжатском, Вяземском, Юхновском, Сычевском. Однако в целом в губернии наблюдался стабильный прирост населения [1, с. 99].

Таблица 1

Общая характеристика экономики России в сравнении с отдельными развитыми странами (1912 г.)

Показатель	Единица измерения	Россия (в границах 1912 г.)	США	Англия	Германия	Франция
Население	млн чел.	174	97	46	68	40
Национальное богатство страны	млрд долл.	58	200	70	80	58
Национальное богатство страны на одного жителя	долл.	335	2062	1522	1184	1448
Национальный доход страны	млрд долл.	7,5	34,4	10,9	10,5	7,3
Национальный доход страны на душу населения	долл.	43	351	237	154	183
Численность рабочих крупных предприятий	млн чел.	2,5	12,7	10,2	10,3	4,5
Число крестьянских хозяйств	млн	18,0	6,1	0,2	10,3	4,5
Протяженность железных дорог на 10 тыс. населения	км	4,1 (только европ. часть страны)	42,3	8,2	9,6	12,7
Протяженность шоссежных дорог на 10 тыс. населения	км	1,8 (только европ. часть страны)	–	56	41	144

Сравним некоторые общие экономические и социальные характеристики России накануне первой мировой войны с такими же характеристиками наиболее развитых стран. Обратимся к таблице 1 [6, с. 99]. Из приведенных данных, очевидно, что Россия по национальному богатству страны, национальному доходу, а также по этим же показателям, приходящимся на душу населения, оставалась далеко позади США, Англии, Германии.

Несмотря на огромные природные богатства, разнообразие климатических условий, Россия по ряду важнейших видов промышленного и сельскохозяйственного производства находилась в зависимости от других стран. В таблице 2 приведены сведения по объему внутреннего производства и импорта отдельных видов продукции промышленного и сельскохозяйственного производства.

Приведенные данные наглядно свидетельствуют о том, что произведенной внутри страны продукции явно не хватало для нужд экономики.

Конечно, же особый интерес вызывает демографическая ситуация в России при ее вступлении в войну. Тенденции в динамике численности населения Европейской части России и Смоленской губернии за 100 лет (1811–1913 гг.) приведены в таблице 3.

За 100 лет население Европейской России увеличилось более чем в три раза, а в

Смоленской губернии – только в два раза. За 1811–1863 гг. этот рост составил соответственно 46,3% и 7,6%. За 1863–1913 гг. – 108,8% и 35,6%. В пореформенный период темпы роста населения Смоленской губернии были несколько ниже, чем в Европейской России в целом, что объясняется, прежде всего, оттоком населения из губернии. Отметим, однако, в 1897–1913 гг. эти темпы были выше в Смоленской губернии (38,3% и 36,7%) за счет более высокого уровня рождаемости сельского населения Смоленщины по сравнению с Европейской Россией в целом. Так, в 1911–1913 гг. рождаемость на Смоленщине составила 47,1 младенца на 1000 человек населения, а по Центральной России – 43,9. Этот прирост в тот период играл решающую роль в динамике роста численности населения [2, с. 57].

Обратимся к таблице 4, в которой дан анализ населения Смоленской губернии в разрезе уездов на начало 1914 г.

За 17 лет (1897–1913 гг.) городское население губернии выросло на 65,0%, сельское – на 35,0%, все население губернии – на 38,0%. Городское население росло почти в 2 раза быстрее, чем сельское, что является выражением развития промышленной составляющей экономики губернии. В такой социально-экономической ситуации Смоленская губерния была накануне войны.

Таблица 2

Доля внутреннего производства и импорта в покрытии потребностей России в 1913 г. (в % к итогу)

№	Показатель	Доля внутреннего производства	Доля импорта
1.	Цемент	91,5	8,5
2.	Уголь каменный	82,3	17,7
3.	Кокс	82,0	18,0
4.	Бумага	79,0	21,0
5.	Шерсть	78,2	21,8
6.	Хлопок-волокно	53,1	46,9
7.	Суперфосфат	47,9	52,1
8.	Машины для сельского хозяйства	42,0	58,0
9.	Машины для промышленности	40,0	60,0
10.	Станки металлорежущие	15,0	85,0
11.	Цинк	9,7	90,3
12.	Свинец	2,6	97,4
13.	Чай	0,1	99,9
14.	Алюминий	–	100,0
15.	Никель	–	100,0
16.	Автомобили	–	100,0
17.	Тракторы	–	100,0

Таблица 3

Сравнение динамики численности населения Европейской части России и Смоленской губернии за 100 лет (1811–1913 гг.)

Территория	Численность населения (тыс. чел.)				Прирост (в %)			
	1813	1863	1897	1913	1863 к 1813	1913 к 1811	1813 к 1863	1913 к 1897
50 губерний Европейской части России	41805,6	61175,9	93442,9	127776,5	46,3	208,0	108,8	36,7
Смоленская губерния	1056,7	1137,2	1525,3	2110,3	7,6	99,5	85,6	38,3

Таблица 4

Население Смоленской губернии по уездам на 01.01.1914 г.

Уезды	Все население (тыс. чел.)	В том числе		Численность населения в 1913 г. к 1897 г. (в %)	
		городское население (тыс. чел.)	сельское население (тыс. чел.)	все население	городское население
Смоленский	231,4	75,2	156,2	160	160
Бельский	202,0	13,4	188,6	123	194
Вяземский	162,0	31,2	130,8	153	200
Гжатский	164,8	10,0	154,8	168	160
Дорогобужский	134,4	7,6	126,8	128	117
Духовщинский	167,9	5,2	162,7	135	170
Ельнинский	186,6	5,6	181,0	136	233
Краснинский	135,9	4,5	131,4	133	160
Поречский	154,6	3,4	146,2	117	148
Рославльский	238,1	28,0	210,1	127	155
Сычевский	128,3	7,1	121,2	127	146
Юхновский	204,3	3,8	200,5	168	173
Итого	2110,4	200,0	1910,4	138	165

Первая мировая война отрицательно повлияла на демографическую ситуацию как в России, так и на Смоленщине.

Уже 1 августа 1914 г. Россия вступила в войну, а 2 августа в Смоленске было введено военное положение. Надо отметить, что смоляне восприняли войну с патриотическим подъемом. Смоленской городской Думой была послана телеграмма царю с выражением верноподданнических чувств, было принято решение об организации помощи раненым, организован для них сбор пожертвований. В Успенском соборе, других храмах шли молебны за скорую победу.

Накануне войны в городе и губернии находились воинские части. Здесь дислоцировался 13-й армейский корпус, были расквартированы Софийский и Нарвский полки, а также отдельные батальоны и части. В 1914 г. в губернии было проведено четыре мобилизации. Из смолян сформировали тринадцатый армейский корпус численностью восемьдесят тысяч человек. Следует отметить, что судьба его оказалась трагической. В августе 1914 г. в Восточной Пруссии он был практически полностью разбит. От корпуса уцелела пример-

но четвертая часть. На фронте не хватало солдат, поэтому в 1915 г. было проведено еще шесть мобилизаций. Смоленск стал прифронтовым городом, работающим на фронтовые нужды. Всех сапожников и портных привлекли к выполнению военных заказов. По железной дороге в Смоленск осуществлялась доставка необходимого для армии снаряжения. Он стал одной из основных тыловых баз Западного фронта. Все помещения школ, женского епархиального училища, духовной семинарии, мужской и двух женских гимназий, Благородного собрания были заняты под лазареты. Из территорий, которым угрожала германская оккупация, через Смоленск проезжало большое количество беженцев, поскольку в России при наступлении немцев производилась массовая принудительная эвакуация городского и сельского населения прифронтовых районов. Начиная с 17 июня 1915 г., ежедневно Смоленск пропускал через себя до 10 тыс. чел., а за весь 1915 г. проследовало около 630 тыс. чел., или примерно четвертая часть всех российских беженцев. Это требовало усилий по обеспечению их питанием. Вопросы обе-

Таблица 5

*Потери отдельных воюющих стран в первую мировую войну
(убитые, умершие от ран, пропавшие без вести, раненые и пленные)*

Страны	Население (млн. чел)	Призванных в армию (тыс. чел)	Потери (тыс. чел.)
Страны-участницы Антанты			
Россия	169,4	19000	7036
Франция	95,1	8194	6160
Англия	44,5	9496	3190
Сербия	4,5	750	331
Бельгия	22,7	380	93
Португалия	15,0	53	33
Греция	4,8	400	27
Черногория	0,4	50	20
Италия	36,1	5615	2197
Румыния	7,7	1000	535
США	106,7	3900	364
Япония	72,2	30	1,0
Всего	1368,1	48868	19987
Государства, участвовавшие в войне на стороне Германии			
Германия	77,2	13250	7142
Австро-Венгрия	52,8	9000	7020
Турция	21,6	1800	975
Болгария	4,8	1000	266
Всего	156,4	25050	15403
Итого	1524,5	73918	35930

спечения продовольственной безопасности Смоленской губернии в годы первой мировой войны стали предметом отдельных исследований [5, с. 136–142].

Беженцы в направлялись преимущественно в Тульскую, Рязанскую, Пензенскую, Нижегородскую, Казанскую и другие губернии, но оседали и на Смоленщине. В губернии нашли приют 43 тысячи беженцев из Королевства Польского, Литвы, Латвии, оккупированных немецкими войсками. В сельской местности поселилось 27,0 тыс. чел., в городах – 16,0 тысяч, в том числе в Смоленске – 7,0 тыс. чел. Надо отметить, что беженцы появились практически во всех в городах, но наибольшее их число пришлось на Вязьму, Рославль, Сычевку. Эвакуировались не только люди, но и предприятия. Так, в Смоленск из Вильнюса был эвакуирован завод «Вилия», из Риги в Рославль были перебазированы некоторые цеха Рижских главных железнодорожных мастерских (ныне – Рославльский вагоноремонтный завод). С окончанием войны подавляющая часть беженцев вернулась на родину.

Любая война всегда сопряжена с людскими потерями. Оценим потери (приведенные

в табл. 5) вооруженных сил стран, воевавших в первую мировую войну.

Как видим, общие потери составили почти 36 миллионов человек, в том числе свыше 13,6 млн чел. были убиты или умерли от ран. Большие потери приходится на Россию. По различным источникам, в годы Первой мировой войны только убитыми и умершими от ран (прямые потери) страна потеряла 1,8 млн чел. [6, с. 35].

По данным Н. Головина, эти потери составляют 1,6 млн чел. По его же сведениям, всего за годы войны Россия призвала в ряды вооруженных сил 15,5 млн чел., из них каждый десятый погиб на фронте, либо умер в тылу в госпитале. Число умерших и раненых составило примерно 52% от общего числа всех мобилизованных [4, с. 35].

Для населения Смоленской губернии война сыграла также негативную роль. Его численность сократилась. По данным 1913 г., оно составляло 2110,4 тыс. чел., а по данным переписи 1920 г/ – только 1945,5 тыс.чел., или на 165 тыс. чел. меньше. При этом сельское население уменьшилось более чем на 100 тысяч, а городское – на 60 тыс. чел.

Библиографический список

1. Аношкин Р.В., Катровский А.П. Динамика населения Смоленщины. – Смоленск: Универсум, 2009.
2. Голичев В.Д., Алфимов И.Е., Голичева Н.Д. и др. Земля Смоленская и ее население. (Историко-статистический обзор в цифрах и фактах). – Смоленск: Смоленская городская типография, 2013.
3. Голичев В.Д., Голичева Н.Д.. Население Смоленской губернии в Отечественной войне 1812 года // Региональные исследования. – 2012. – № 3 (37). – С. 61–64.
4. Головин Н. Военные усилия России в первой мировой войне. В 2-х тт. – Париж, 1939.
5. Забелин П.В. Обеспечение продовольственной безопасности Смоленской губернии в годы первой мировой войны // Региональные исследования. – 2013. – № 1 (39). – С. 136–143.
6. Иоффе Я.А. Мы и планета: Цифры, факты. – М.: Политиздат, 1980.
7. Рашин А.Г. Население России за 100 лет. – М., 1956.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Агирречу А.А. (Москва)

СТРУКТУРА И ДИНАМИКА ЗАЩИТ ДИССЕРТАЦИЙ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В РОССИИ В 2000-Е ГОДЫ¹

Aguirrechu A.A.

STRUCTURE AND DYNAMICS OF PHD-THESES ON SOCIAL AND ECONOMIC GEOGRAPHY IN RUSSIA IN THE 2000TH YEARS

***Аннотация.** Проведен анализ структуры и динамики защит кандидатских и докторских диссертаций по специальности 25.00.24 – Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география в диссертационных советах России в 2000-е годы. Выявлена неравномерность распределения во времени и пространстве защит диссертаций в различных советах страны по географическим центрам России. Такая неравномерность детерминируется объективными (различия в потенциале центров и др.) и субъективными (периодическим реформированием системы подготовки кадров высшей квалификации) факторами. Проанализирована структура тематики диссертационных исследований по основным направлениям науки и по географическим объектам исследования.*

***Abstract.** In research made the analysis of structure and dynamics of PhD-theses in economic, social, political and recreational geography in the 2000th years in Russia. We show distribution in time and places of PhD-theses in geographical centers of Russia. Factors of unevenness places of PhD-theses on the territory of Russia are described. The structure of scope of PhD-theses researches on the main directions of science and on geographical objects of research is analysed.*

***Ключевые слова:** экономическая, социальная, политическая и рекреационная география, диссертационный совет, докторские и кандидатские диссертации.*

***Key words:** economic, social, political and recreational geography, geography of science.*

Обзор и анализ защит диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук позволяет получить достаточно полное представление о состоянии и развитии той или иной отрасли науки в организационном, кадровом и профессионально-тематическом отношениях.

При этом, если кандидатская диссертация, решающая конкретную научную задачу, является отображением направлений исследования места, где выполнена работа, или научных интересов руководителя диссертации, то работа, выполненная на соискание ученой степени доктора наук, ставит перед собой решение научной проблемы, в большинстве случаев, предлагая новое направление в науке или ее секторе.

Двухуровневная система подготовки кадров появилась в нашей стране в 1930-е гг., а современная система ВАКовских специальностей – в конце 1970-х гг., почти одновременно с созданием диссертационных (в то время – специализированных) советов по защитам диссертаций. До 2006 г. включительно существовали два типа диссертационных советов – докторские и кандидатские (последние не могли принимать защиты на соискание ученой степени доктора наук; могли включать в число своих членов ученых, имеющих степень кандидата наук, помимо ученого секретаря совета). Это позволяло иметь более широкую сеть советов в ряде образовательных центров, имеющих аспирантуру, в которых могли защищать работы свои аспиранты.

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 13-06-00675-а).

Прежде, чем перейти к анализу состоявшихся защит по специальности 25.00.24, напомним, как изменялось название специальности за более чем 35-ти летний период. До 1978 г. в названии специальности фигурировала только экономическая география. А с конца 1970-х гг. и до 1995 г. специальность называлась «Экономическая и социальная география», что отражало эволюционный ход науки, ее социологию. В 1995 г. в результате активного развития в постсоветский период политической географии (ее формирование как научного направления происходило еще в 1980-е гг.), в название специальности логичным образом добавилась «политическая география». В 2009 г. к названию специальности также была добавлена «рекреационная география». Таким образом, нынешним названием нашей науки по классификации ВАКа является «Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география».

В 2001 г. «Географические науки» ВАКом были отнесены к числу «Наук о Земле», и привычный до этого номер специальности

11.00.02 был изменен на 25.00.24. Поэтому в качестве исходного начального пункта исследования был взят именно 2001 г., а конечным – 2013 г.

Сеть диссертационных советов. При анализе географии защит диссертаций очень важно рассмотреть сеть диссертационных советов, функционировавших в тот или иной период. С 2006 г. изменился принцип формирования диссертационных советов, что непосредственным образом отразилось и на сети функционировавших диссертационных советов. До 2006 г. наряду с докторскими советами существовали и кандидатские. Общее число диссертационных советов, которые принимали диссертации по специальности 25.00.24, доходило до 15, большинство из них принимали к защите только кандидатские диссертации. После отмены кандидатских советов лишь некоторые из них смогли оформить статус докторских советов. Таким образом, в разные периоды XXI в. по специальности 25.00.24 действовало до 16 диссертационных советов, в т.ч. один совет в Таджикистане² (табл. 1).

Таблица 1

Время работы диссертационных советов, принимавших диссертации по специальности 25.00.24

№	Организации, при которых действовал диссертационный совет	Время работы (защит)
1	<i>МГУ им. М.В.Ломоносова</i>	2001 г. – н.в.
2	<i>Институт географии РАН (г. Москва)</i>	2001–2012 гг. + с авг. 2013 г.
3	<i>Санкт-Петербургский гос. ун-т</i>	2001 г. – н.в.
4	<i>Российский гос. пед. ун-т (г. Санкт-Петербург)</i>	2001 г. – н.в.
5	<i>Воронежский гос. ун-т</i>	2001 г. – н.в.
6	<i>Кубанский гос. ун-т (г. Краснодар)</i>	2001 г. – н.в.
7	<i>Пермский гос. ун-т</i>	2001–2007 гг.; 2010 – н.в.
8	<i>Ставропольский гос. (Сев.-Кавк. фед.) ун-т (г. Ставрополь)*</i>	2003–2006 гг.; 2009–2012 гг. + с авг. 2013 г.
9	<i>Российский гос. (Балтийский фед.) ун-т (г. Калининград)</i>	2007 г. – н.в.
10	<i>Институт географии СО РАН (г. Иркутск)</i>	2001–2012 гг. + с авг. 2013 г.
11	Московский пед. гос. ун-т *	2001–2012 гг.
12	Бурятский гос. ун-т (г. Улан-Уде) *	2001–2007 гг.; 2010–2012 гг.
13	Алтайский гос. ун-т (г. Барнаул)	2001–2007 гг.
14	Ростовский гос. ун-т	2003–2007 гг.
15	Смоленский гуманитарный ун-т	2004 г.
16	Таджикский гос. пед. ун-т (г. Душанбе)	2010–2012 гг.

Примечания: курсивом выделены организации, дисс. советы в которых функционируют в настоящее время; * – организации, в которых дисс. советы до 2007 г. имели статус кандидатских, а после – докторских.

² Российский ВАК, являющийся в настоящее время подразделением Министерства образования и науки РФ, присуждает ученые степени не только по диссертациям, защищенным в России, но под его юрисдикцию попали и диссертационные советы в Таджикистане. Количество защит по специальности 25.00.24 там небольшое (10 кандидатских диссертаций), но исключать их из общего числа нельзя, т.к. советы в Таджикистане не только подчиняются российским требованиям, но и включают в свой состав докторов наук из России.

Подавляющее большинство диссертационных советов имеет несколько научных специальностей (сейчас, в соответствии с Положением, дисс. совет может иметь до трех научных специальностей в совете). Чаще всего, одновременно со специальностью 25.00.24 в советах принимаются к защите диссертации по специальностям «физическая география и биогеография, география почв и геохимия ландшафтов» (25.00.23), «землеустройство, кадастр и мониторинг земель» (25.00.26), «геоэкология» (25.00.36) и др.

В 2001–2007 гг. диссертационный совет при МГУ также имел вторую специальность: 07.00.10 – история науки и техники (географические науки)³, но при реорганизации совета в 2007 г. от этой специальности отказались. Диссертационный совет при Институте географии РАН – единственный, который весь период своей работы (с 1978 г.) имел только одну, экономико-географическую научную специальность.

Таким образом, к концу 2013 г. в России работали 10 советов по защите кандидатских и докторских диссертации, принимающих работы по специальности 25.00.24: по два в Москве и Санкт-Петербурге, по одному – в Воронеже, Иркутске, Калининграде, Краснодаре, Перми и Ставрополе. При этом только московские советы являются моноспециализированными экономико-географическими Советами, т.е. принимают к защите диссертации только по одной специальности 25.00.24.

Количество защит и их распределение по сети советов. Проанализируем число проведенных защит и их распределение по диссертационным советам. В 2001–2013 гг. по специальности 25.00.24 было защищено 72 докторских и 645 кандидатских диссертаций, в т.ч. 3 докторских и 10 кандидатских – по двум специальностям (второй специальностью по этим работам являлись физическая

география, геоэкология, истории науки и техники и др.)⁴. Для сравнения следует отметить, что в 1991–2000 гг. (правда, более короткий по продолжительности период) по экономико-географической специальности (тогда ее номер был 11.00.02) было защищено около 40 докторских и 213 кандидатских диссертаций (эти данные следует считать оценочными, т.к. информационная база по защитам в 1990-е гг. до конца еще не создана), т.е. около 4 докторских и 21 кандидатских диссертаций за год.

Много или мало защит для одной специальности защищено за такой срок? На этот вопрос ответить однозначно сложно, т.к. есть специальности, по которым число защит значительно больше (в первую очередь это работы по экономическим, педагогическим и некоторым другим специальностям), но есть и такие специальности, по которым число защит меньше. Сравнивая число защит с другими географическими специальностями, видно, что число диссертационных защит по социально-экономической географии доминирует⁵.

Распределение защит кандидатских и докторских диссертаций по годам представлено на рисунке 1. Из него видно, что пик защит кандидатских диссертаций приходился на 2004 г., 2006 г., а также 2012 г.; в эти пиковые годы число защищенных диссертаций превышало 60. «Пики» 2006 и 2012 гг. можно объяснить «реформами», проводимыми в этот период Министерством образования и науки РФ. Так в 2006 г., в связи с внесением изменений в «Положение о порядке присуждения ученых степеней», была с одной стороны введена обязательная статья в изданиях перечня ВАК для соискателей ученой степени кандидата наук, а с другой стороны – прекратили свою работу кандидатские диссертационные советы. Но был объявлен переходный период, на протяжении которого диссертации могли защищаться по прежним

³ Данная специальность была создана в Институте истории естествознания РАН и в настоящее время кроме этого института, открыта (в августе 2013 г.) в совете в Северо-Кавказском федеральном университете.

⁴ База защит кандидатских и докторских диссертаций была составлена по следующим источникам: сайты ВАКа (<http://vak.ed.gov.ru>, где с 2007 г. публикуются объявления о защитах и авторефераты докторских диссертаций, а с 2012 г. – и кандидатских диссертаций), Российской гос. библиотеки (www.rsl.ru) и электронной библиотеки диссертаций (www.dissertcat.com).

⁵ В качестве иллюстрации можно сослаться на ежегодные отчеты о работе дисс. советов, традиционно публикуемые в «Вестнике Московского университета. Сер. 5. География», из которых следует, что число защит в экономико-географическом совете в среднем сопоставимо с общим числом защит в трех других советах (в которых в сумме представлено девять специальностей). Отчеты о работе кандидатского дисс. совета Ростовского гос. (позднее – Южного федерального) университета, публиковавшиеся в 2004–2007 гг. в «Экономико-географическом вестнике РГУ (ЮФУ)», где в совете было представлено три специальности, также подтверждают преобладание защит по специальности 25.00.24.

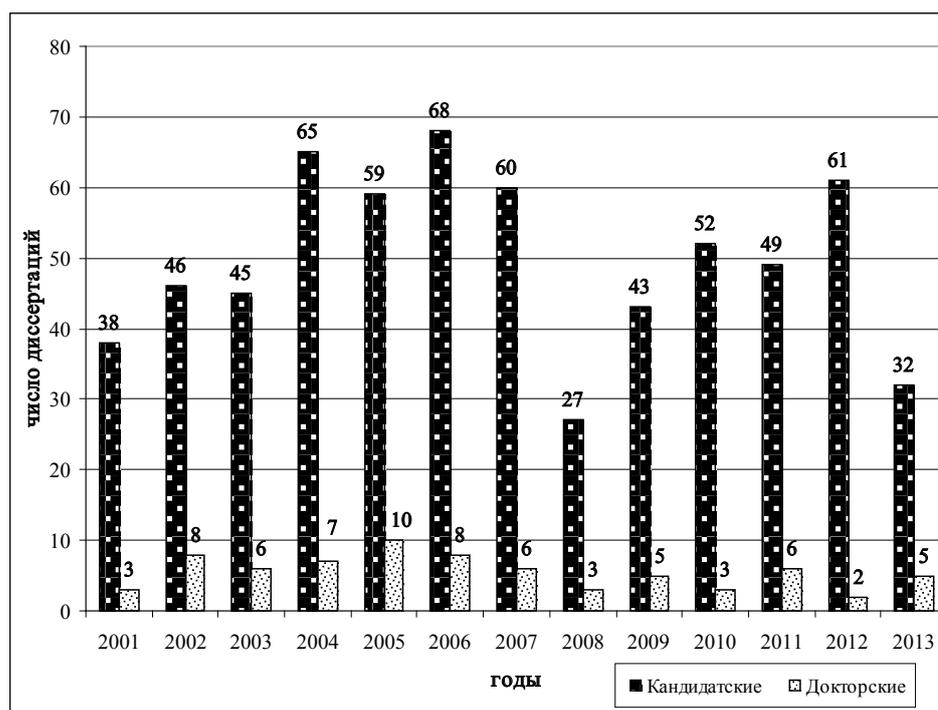

Рис. 1. Распределение числа защит кандидатских и докторских диссертаций по специальности 25.00.24 по годам в 2001–2013 гг.

правилам. В 2012 г., после внесения очередных изменений в Положения, некоторые советы не могли уже соответствовать новым требованиям, поэтому до окончания срока действия прежних правил произошел второй пик защит диссертаций. Количество защит докторских диссертаций было более равномерным – от 3 до 10 работ в год.

Анализируя число защит по отдельным диссертационным советам, можно наблюдать большую дифференциацию. Защиты докторских диссертаций проводились лишь в 11 диссертационных советах (табл. 2). Максимальное число докторских защит приходится на столичные советы (Института географии РАН и МГУ), а также совет Института географии СО РАН в Иркутске. В каждом из этих

советов прошло 10 и более докторских защит (т.е. от 14% до 21% от общего числа докторских защит). Лишь один из советов, где состоялась одна защита докторской диссертации по специальности 25.00.24 – в Бурятском гос. университете (Улан-Удэ) не возобновил свою работу после реформы 2012–2013 гг. В советах в Московском педагогическом гос. университете и Таджикском гос. педагогическом университете, которые имели право приема докторских диссертаций в последние годы, таких защит не было вообще.

Совсем иное, более разнообразное распределение числа защит наблюдается по кандидатским диссертациям (табл. 3).

Из 645 защит кандидатских диссертаций по специальности 25.00.24 около четверти

Таблица 2
Распределение числа защит докторских диссертаций по специальности 25.00.24 по диссертационным советам в 2001–2013 гг.

Дисс. совет	Кол-во	Дисс. совет	Кол-во	Дисс. совет	Кол-во
ИГ РАН	15	РГПУ	7	Барнаул	2
МГУ	14	Пермь	6	Ставрополь	1
Иркутск	10	Воронеж	4	Улан-Удэ	1
СПбГУ	9	Краснодар	3		

Примечание: здесь и далее дается сокращенное название дисс. советов: для Москвы и Санкт-Петербурга – по названию организации, при которых они функционируют, для остальных – по названию города. Полное наименование организации см. табл. 1.

Таблица 3

Распределение числа защит кандидатских диссертаций по специальности 25.00.24 по диссертационным советам в 2001–2013 гг.

Дисс. совет	Кол-во защит	Доля защит, %	Дисс. совет	Кол-во защит	Доля защит, %
МГУ	146	22,6	СПбГУ	38	5,9
Краснодар	76	11,8	Иркутск	39	6,0
Воронеж	53	8,2	Барнаул	19	2,9
Пермь	52	8,1	Ставрополь	19	2,9
РГПУ	46	7,1	Калининград	17	2,6
МПГУ	40	6,2	Ростов-на-Дону	13	2,0
ИГ РАН	38	5,9	Душанбе	10	1,6
Улан-Удэ	36	5,6	Смоленск	3	0,5
			Всего	645	100

приходится на один диссертационный совет при МГУ. Следующими лидерами по числу защит кандидатских диссертаций являются советы в Краснодаре, Воронеже и Перми, где их число превышает 50.

Это, безусловно, связано с обширной сетью аспирантуры, имеющейся во многих научных и, особенно, образовательных центрах страны. Значительная часть классических и педагогических университетов, находящихся в региональных центрах страны, ведут подготовку специалистов по географии (как классической, так и педагогической), и многие из них на базе кафедр экономико-географического профиля имеют и аспирантуру по специальности 25.00.24. В целом в России сложились достаточно устойчивые связи «по обслуживанию» диссертационными советами тех или иных центров подготовки аспирантов. Так, большинство образовательных центров, находящихся в Центральной России и на прилегающих территориях (Тверь, Ярославль, Курск и др.), проводили защиты своих аспирантов в советах в ИГ РАН, МПГУ, Воронеже. На диссертационные советы Санкт-Петербурга и Калининграда больше ориентировались региональные центры Северо-Запада и Европейского Севера России, хотя не исключались и защиты из некоторых других региональных центров (например, Смоленска). Краснодарский и Ставропольский советы «обслуживали» регионы юга России, Пермь – регионы Урало-Поволжья и Западной Сибири; советы в Иркутске и Улан-Удэ – восточные районы страны. Выявленные нами закономерности могут иметь исключения, связанные с различными причинами, в т.ч. с прекращением работы того или иного диссертационного совета.

Диссертационный совет при Московском университете наиболее уникален, поскольку выходит за рамки этой закономерности. За исключением 4 кандидатских диссертаций, выполненных за пределами МГУ, все остальные (т.е. 142 работы) были защищены аспирантами и соискателями географического факультета МГУ. Ежегодный прием в аспирантуру на специальность 25.00.24 составляет в среднем 20–25 человек, обучающихся на трех экономико-географических кафедрах (географии мирового хозяйства, социально-экономической географии зарубежных стран, экономической и социальной географии России), а в последние годы также на кафедре рекреационной географии и туризма и, частично, на кафедре рационального природопользования. При этом подавляющая часть поступающих в аспирантуру – выпускники географического факультета МГУ, хотя ежегодно в аспирантуру поступает до 5 выпускников других вузов, основная часть которых после защиты диссертации остается в Москве.

В Санкт-Петербургском университете по экономико-географической специальности защищаются аспиранты и соискатели кафедры экономической и социальной географии, кафедры региональной политики и политической географии, а также кафедры страноведения и международного туризма, но в диссертационном совете, как было сказано ранее, определенное количество кандидатских защит проводится и для внешних аспирантов и соискателей.

Нами был проведен анализ интенсивности защит диссертаций в том или ином дисс. совете путем расчета среднего количества защит, приходящихся на один диссертационный совет в год (учитывая период его работы).

Таблица 4
Интенсивность проведения защит кандидатских диссертаций по специальности 25.00.24
по диссертационным советам в 2001–2013 гг.

Дисс. совет	Среднее число защит за год	Дисс. совет	Среднее число защит за год
МГУ	11,2	Душанбе	3,3
Краснодар	5,8	ИГ РАН	3,2
Пермь	4,7	СПбГУ	3,0
Воронеж	4,2	Смоленск	3,0
РГПУ	4,0	Барнаул	2,7
Иркутск	3,7	Ростов-на-Дону	2,6
Улан-Удэ	3,6	Ставрополь	2,5
МПГУ	3,3	Калининград	2,4

Среднее число кандидатских диссертаций, защищаемых в стране по специальности 25.00.24 в 2001–2013 гг., составило около 50. При этом распределение защит по отдельным советам, представленное в таблице 4, показывает значительную дифференциацию. Максимальное число защит приходилось на совет в МГУ, где в среднем за год проходило более 11 защит, в краснодарском совете оно было почти в два раза меньше – около 6, в пермском совете – в среднем около 5 защит в год.

Кроме советов при МГУ и Институте географии РАН, все остальные имеют две-три специальности (при этом совет в Иркутске до 2012 г. имел четыре специальности). Поэтому число защищенных диссертаций по социально-экономической географии для них отражает лишь интенсивность защит по данной специальности, а не общую деятельность советов (даже, если преобладают защиты по социально-экономической географии).

Тематика кандидатских диссертационных исследований. Собранный нами информационная база по защитах диссертаций по специальности 25.00.24 позволяет провести анализ тематики проведенных исследований. Тематическая структура диссертаций в определенной мере отражает современные направления исследований по социально-экономической географии, которые проводятся в различных географических научных и образовательных центрах нашей страны. Не углубляясь в тематический анализ работ, что требует самостоятельного исследования, нами проведен анализ всех работ по основным направлениям социально-экономической географии, а также отдельно по географическим объектам исследований.

Более половины докторских диссертаций посвящено экономико-географическим исследованиям, более трети – социально-географическим исследованиям, включая рекреационную и культурную географию, и лишь нескольких докторских диссертаций, защищенных за последние 13 лет, были посвящены политико-географическим исследованиям.

Тематическая структура кандидатских диссертаций имеет несколько иную пропорцию. Если рассматривать их по трем основным направлениям науки, то количество работ по социальной и экономической географии примерно одинаково, их на порядок больше, чем работ по политической географии (на последнюю приходится всего 4% защищенных кандидатских диссертаций; см. рис. 2).

Если деление проводить по направлениям науки, которые отражены в названии специальности, то экономико-географические исследования будут преобладать. Тем не менее, на социальную географию (без рекреационной) приходится более трети диссертационных исследований (из них 6% – на работы по культурной географии). Остальные (13%) приходится на рекреационную географию (рис. 3).

Почти в любом географическом диссертационном исследовании обязательно наличие территориального объекта. В этой связи представляет интерес анализ географических объектов, упоминаемых в названиях диссертаций. Безусловно, в ряде работ, где в названии указан объект более высокого масштаба, возможно и проводилось исследование на примере территориальной единицы более низкого уровня, но в данном случае проводится анализ только тем диссертаций, что не позволило выявить изученные территориальные единицы меньшего масштаба (табл. 5).

Рис. 2. Доля кандидатских диссертаций по основным направлениям социально-экономической географии

Рис. 3. Доля кандидатских диссертаций по отдельным составляющим специальности 25.00.24

Таблица 5

Распределение тем кандидатских диссертаций по изучаемому географическому объекту

Географический объект	Кол-во	Доля, %
Россия	483	74,9
В т.ч.:		
Субъекты России (в целом, входящие в них центры и муниципальные образования)	317	49,1
Макрорегионы России (в т.ч. экономические районы и федеральные округа)	80	12,4
Россия в целом	68	10,6
Россия и мир	18	2,8
Мир (без России)	140	21,7
В т.ч.:		
Ближнее зарубежье	18	2,8
Страны мира	47	7,3
Регионы мира	29	4,5
Мир в целом	46	7,1
Географический объект отсутствует	22	3,4
Всего	645	100

Каждая пятая защищенная кандидатская диссертация посвящена территории за пределами нашей страны. Существенную долю имеют работы по миру в целом и отдельным странам. Среди 47 страноведческих работ больше всего посвящено США (9 работ), Германии (6 работ) и Китаю (5 работ) или их регионам. По три диссертации были посвящены Индии и Ирану, по две – Вьетнаму, Италии, Канаде, Мексике, Сирии и Швеция.

Регионам мира посвящено небольшое количество диссертаций, но более двух третей их них – Европе в целом, Западной Европе, Евросоюзу, другим группировкам европейских стран. Кроме того, есть работы, посвященные различным группировкам азиатских и африканских стран.

Среди стран постсоветского пространства больше всего работ посвящено Таджикистану (все они защищались в Таджикском гос. педагогическом университете), в двух-трех работах географическим объектом исследования являлись Казахстан, Молдавия и Украина в целом или их регионы, Прибалтийские страны.

Сопоставление России с регионами мира, со странами в целом или их частями, в темах диссертаций встречается лишь в 18 работах, но чаще всего встречаются сопоставления ее со странами СНГ, Европой (в целом и отдельными ее странами и регионами), Китаем, Монголией и др. странами и регионами.

Почти 3/4 всех кандидатских диссертаций посвящено проблемам изучения России,

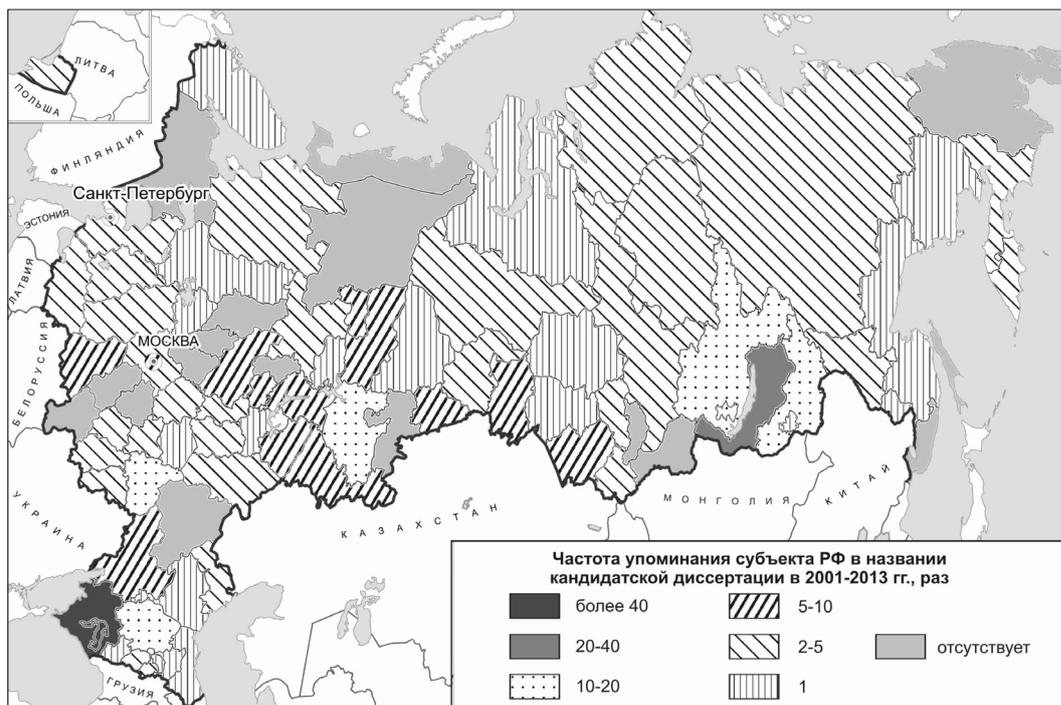

Рис. 4. Упоминание субъекта РФ в названиях кандидатских диссертаций, 2001–2013 гг.

Составлено: к.г.н. Д.Ю. Землянским по материалам автора.

ее макрорегионов, экономических районов и федеральных округов, субъектов Федерации или их составных частей (городов и др.). Это не удивительно, т.к. изучению собственной страны и ее регионов естественно уделяется большее внимание (потребность проведения глубоких исследований не всегда позволяет соискателям заниматься изучением частей страны, отдаленных от места их жительства и учебы). При этом 2/3 таких работ (или почти половина от всех рассматриваемых тем) посвящены уровню субъекта федерации.

Особый интерес для нас представляет работы, посвященные регионам России. На рисунке 3 показана частота упоминания субъектов федерации России и ее частей в названиях диссертаций. По этим данным можно отчасти судить о степени экономико-географической изученности того или иного региона страны. Наибольшее число работ посвящено Краснодарскому краю и Бурятии, в значительном числе работ в качестве географического объекта выступают Башкирия, Ставропольский край, Воронежская, Иркутская и Читинская области.

Работы по большинству указанных регионов подготовлены соискателями, проживающими в них, и были защищены в ближай-

шем диссертационном совете (имеющемся в самом регионе – Краснодар, Улан-Удэ, Ставрополь, Воронеж, Иркутск) или в территориально ближайшем совете.

Заключение. Проведенный статистический анализ защищенных в 2001–2013 гг. диссертационных работ по специальности 25.00.24 – Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география позволяет судить о развитии нашей науки, ее региональной специфике, степени изученности тех или иных регионов.

Сложившаяся сеть диссертационных советов, принимающих к защите диссертации по социально-экономической географии, хотя и не столь широка, как по некоторым другим специальностям, но, тем не менее, удовлетворяет потребность региональных научных и образовательных центров в присвоении ученых степеней путем оценки квалификационного уровня подготовленных работ.

По данным Министерства науки и образования РФ в конце 2013 г. в стране действовало более чем 2,5 тыс. диссертационных советов. Лишь 10 из них имеют специальность по социально-экономической географии – это очень скромный показатель, учитывая, что за последние годы сеть эконо-

мико-географических советов сократилась почти на 20–30%. На фоне других географических специальностей число советов достаточное. Так, по специальности 25.00.23 (физическая география и биогеография, география почв и геохимия ландшафтов) действуют 11 дисс. советов, по специальности 25.00.25 (геоморфология и эволюционная география) – всего 8 советов, хотя по специальности 25.00.36 (геоэкология) – около 40 советов (правда, эта специальность представлена по разным наукам, а не только географическим).

Совсем иная ситуация наблюдается в других науках, например, в экономических. Специальность 08.00.05 (экономика и управление народным хозяйством, разделяющаяся на большое количество отраслей и сфер деятельности), отчасти «родственная» социально-экономической географии среди экономических наук, представлена в более чем 200 диссертационных советах. При этом по другой экономической специальности, также имеющей связь с социально-экономической

географией, 08.00.14 (мировая экономика) число советов менее 25.

Похожая диспропорция существует и по числу защищаемых диссертаций. Оценочный подсчет числа объявлений о защитах кандидатских и докторских диссертаций на сайте ВАКа за 2012–2013 гг. показал, что всего в стране за два года было защищено около 4 тыс. докторских и более 26 тыс. кандидатских диссертаций. При этом по географическим наукам – всего 26 (0,7%) докторских и менее 300 (0,8%) кандидатских.

Если сопоставить данные по географическим наукам с числом защит за этот период по социально-экономической географии, то оказывается, что за последние два года примерно каждая четвертая докторская диссертация по географическим наукам была защищена по специальности 25.00.24, а среди кандидатских диссертаций – почти каждая третья работа. Таким образом, среди географических наук социально-экономическая география занимает весомое место, внося существенный вклад в подготовку кадров высшей квалификации.

ПОТЕРИ НАУКИ

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ СЕРГЕЕВИЧА АРТОБОЛЕВСКОГО (1953–2014)

18 марта 2014 г. после тяжелой продолжительной болезни ушел из жизни **Сергей Сергеевич Артоболевский**, заведующий отделом социально-экономической географии Института географии РАН, доктор географических наук, один из ведущих отечественных специалистов в области региональной политики, замечательный организатор науки, прекрасный человек.

Сергей Сергеевич родился в Москве 23 января 1953 г. в семье ученых, чье творчество принадлежало к области технических наук. Сам же он увлекся географией, в 1969 г. поступил на географический факультет МГУ, где под руководством Н.М. Польской специализировался по Великобритании. После окончания МГУ в 1974 г. Сергей Сергеевич поступил на работу в Институт географии АН СССР (ныне – РАН) – единственное место его основной трудовой деятельности, где и проработал до конца своих дней.

Спустя 8 лет после зачисления в институт Сергей Сергеевич защитил под руководством Я.Г. Машбица и А.П. Горкина кандидатскую диссертацию на тему «Сдвиги в производственно-территориальной структуре обрабатывающей промышленности Великобритании как старопромышленной страны в условиях НТР». По существовавшим в те годы правилам А.П. Горкин не мог быть единственным руководителем, поскольку еще не был доктором наук, но именно он осуществлял фактическое научное руководство, причем сложилось вдохновенное сотворчество аспиранта и его руководителя, тем более что для А.П. Горкина С.С. Артоболевский был первым аспирантом. Это сотворчество переросло в близкую дружбу.

Продолжая исследования в области региональной политики, в 1992 г. Сергей Сергеевич защитил докторскую диссертацию на тему «Региональная политика в Европе: теоретические, методические и прикладные аспекты». В 1996 г. он стал заведующим отделом социально-экономической географии Института географии РАН. В 90-е годы прошлого и в начале нынешнего века Сергеем Сергеевичем были выполнены интересные исследования в области региональной политики и регионального развития. Возглавляя различные творческие коллективы, Сергей Сергеевич вел разработку концепций развития российских регионов разных масштабов (от Истринского района Подмосковья до Тюменской области). По поручению Министерства регионального развития РФ Сергей Сергеевич вместе с В.В. Климановым и Л.В. Смирнягиным подготовил проект Концепции региональной политики России, который вывешен на сайте Минрегиона и имеет пусть не нормативный, но рекомендательный характер.

С конца 1980-х годов, когда появилась возможность свободного выезда за рубеж, С.С. Артоболевский активно включился в международную деятельность и сотрудничество со специалистами из университетов Великобритании, Нидерландов, Германии, Бельгии, Венгрии, Польши и др. стран. Сергей Сергеевич был соорганизатором нескольких международных проектов, ряда российских и международных совещаний. Он читал лекции в более чем 20 университетах Европы, был членом редколлегий двух международных журналов.

Сергей Сергеевич стоял у истоков создания журнала «Региональные исследования», обеспечивая ему поддержку со стороны Института географии РАН – соучредителя этого периодического издания. В последние годы Сергей Сергеевич был инициатором создания нового журнала на английском языке «Regional Research of Russia», который публикует переводы статей из ведущих профильных отечественных журналов, а также оригинальные статьи российских авторов по общественной географии, региональной экономике и социологии. Им уделялось

большое внимание организации научных конференций разного уровня и охвата – от масштабной международной конференции в Администрации Президента РФ до ежегодных сессий экономико-географической секции Международной академии регионального развития и сотрудничества. Научное руководство этой секцией Сергей Сергеевич принял после кончины наших незабвенных товарищей и коллег М.К. Бандмана, Ю.Г. Липеца, А.Г. Гранберга.

Не на все Сергею Сергеевичу хватило отпущенного времени. В конце своей жизни он стал одним из главных инициаторов масштабного проекта Русского географического общества, посвященного исследованию процессов социально-экономической трансформации пространства между Москвой и Санкт-Петербургом за несколько последних десятилетий. К сожалению, здоровье не позволило ему принять активное участие в этом проекте, который был осуществлен и успешно завершён уже его коллегами. Разрабатывались планы создания базовой кафедры ИГ РАН на географическом факультете МГУ, которым также не было суждено осуществиться.

У всех, кто познакомился с Сергеем Сергеевичем при осуществлении тех или иных проектов, либо работал с ним долгие годы или даже десятилетия, он остался в памяти как ироничный, но добрый человек, жестко отстаивающий свою позицию перед руководством и при этом мягкий и деликатный со своими сотрудниками и товарищами по работе. Из лермонтовского определения «слуга царю, отец солдатам» к нему было применимо только второе. Его мнение никогда не было подвержено конъюнктуре, он никогда не боялся идти против течения. Он был начисто лишен всяких комплексов, ибо был счастливым человеком, которому всегда всё удавалось благодаря исключительному обаянию, помноженному на неутомимую энергию. Общение с ним доставляло подлинное удовольствие, поскольку раскованность его не имела ничего общего с развязностью, он сам себя успешно ограничивал, как и подобает потомственному интеллигенту. Он был исключительно жизнелюбив, но оставил нам пример мужественного сопротивления тяжкому недугу. Он и ушел так, как жил, предпочтя рискованную операцию постепенному отступлению перед болезнью, замедляемому ожесточенными арьергардными боями. Он обсуждал с теми, кто был ему наиболее близок в последние месяцы и годы, свои новые грандиозные планы, которые рассчитывал осуществить после операции. Он не мыслил жизни вполсилы, победа была его *modus vivendi*. Он и ушел непобежденным.

Друзья и коллеги

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агирречу Александр Антонович – кандидат географических наук, старший научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: agir@mail.ru

Войнов Данила Алексеевич – кандидат географических наук, ведущий инженер лаборатории регионального анализа и политической географии географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: vdanila@mail.ru

Голичев Владимир Дмитриевич – кандидат педагогических наук, профессор, директор Смоленского филиала Финансового университета при Правительстве РФ

Голичева Наталья Дмитриевна – кандидат экономических наук, доцент Смоленского филиала Финансового университета при Правительстве РФ

Докучаев Денис Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Ивановского государственного университета. E-mail: den-dokuchaev@mail.ru

Иванова Наталья Владимировна – кандидат экономических наук, доцент, зам. зав. кафедрой «Региональная экономика и экономическая география» Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва. E-mail: niva23@yandex.ru

Имангалин Азат Факилевич – аспирант кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: imangalin@gmail.com

Карякин Владимир Васильевич – кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник Центра оборонных исследований Российского института стратегических исследований, г. Москва

Клоков Константин Борисович – доктор географических наук, профессор кафедры региональной политики и политической географии Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: k.b.klokov@gmail.com

Корниенко Олеся Сергеевна – ведущий инженер лаборатории территориально-хозяйственных структур Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток

Королёв Александр Александрович – аспирант отдела социально-экономической географии Института географии РАН, г. Москва. E-mail: alexanderakl@mail.ru

Королев Андрей Юрьевич – кандидат географических наук, доцент кафедры туризма Пермского государственного национального исследовательского университета. E-mail: korolev@psu.ru

Куричева Екатерина Константиновна – аспирантка кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Нездойминов Сергей Георгиевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления туризмом Одесского национального экономического университета

Подольская Яна Михайловна – аспирантка кафедры экономической и социальной географии Московского педагогического государственного университета. E-mail: podolskayana@gmail.com

Потоцкая Татьяна Ивановна – доктор географических наук, профессор кафедры социально-экономической географии и природопользования Смоленского государственного университета
E-mail: ptismolensk@yandex.ru

Петрова Елена Геннадиевна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник НИЛ снежных лавин и селей географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: ergeo@mail.ru

Пьянкова Анастасия Ивановна – младший научный сотрудник Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), г. Москва
E-mail: amahotkina@gmail.com

Сомов Эдуард Владимирович – аспирант НИЛ комплексного картографирования географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: e.v.somov@gmail.com

Суржиков Виктор Иванович – преподаватель кафедры туризма и гостинично-ресторанного бизнеса Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
E-mail: Viktor.Surzhikov@vvsu.ru

Хрущев Сергей Андреевич – кандидат географических наук, доцент кафедры региональной политики и политической географии Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: shr60@mail.ru

Яблоков Василий Михайлович – магистрант кафедры картографии и геоинформатики географического факультета МГУ имени Ломоносова. E-mail: vasily.yablokov@gmail.com